

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

1 – 15

**КУЛЬТУРНЫЕ
И РЕЛИГИОЗНЫЕ
ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2015**

УДК 332(470+571)
ББК 87.75
Э 40

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семено – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – чл.-кор. РАН,
Н.И. Иванова – академик РАН,
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук

Редактор-составитель выпуска –
О.Н. Пряжникова

Экономические и социальные проблемы России:
Э 40 Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ.
исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред.,
и др. – М., 2015. – **№ 1: Культурные и религиозные
традиции в современной экономике** / Ред.-сост. вып.
Пряжникова О.Н. – 152 с.

Анализируется влияние культурных и религиозных традиций на формирование социально-экономических приоритетов, социальную политику, процесс принятия управленческих решений, функционирование финансовых институтов в современном мире.

Для научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

The issue highlights the influence of cultural and religious traditions on social and economic development, social policy priorities, decision-making in management, financial institutions in the modern world.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

УДК 332(470+571)
ББК 87.75

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
<i>О.Н. Пряжникова.</i> Религиозный фактор и социально-экономическое развитие	8
<i>И.Ю. Жилина.</i> Экономические аспекты социального учения Русской православной церкви	30
<i>И.Г. Минервин.</i> Азиатский менеджмент: Конфуцианское наследие и современность	66
<i>Е.А. Пехтерева.</i> Исламские финансы и перспективы исламского банкинга в России.....	107
<i>О.Н. Пряжникова.</i> Благополучие: Буддистское измерение	124
<i>С.Н. Куликова, О.Н. Пряжникова.</i> Проблемы регулирования религиозного поведения на рабочем месте: Опыт Франции ..	132
<i>С.С. Костяев.</i> Религиозный лоббизм и реформа здравоохранения в США	142
Аннотации и ключевые слова	150

ВВЕДЕНИЕ

Влияние культурных и религиозных факторов на экономику является, если можно так выразиться, бескрайней проблемой, привлекающей внимание многих поколений представителей различных отраслей знания. Нет сомнения в том, что в современном мире, где процесс глобализации приводит к тому, что представители различных религий и культур находятся в едином социально-экономическом пространстве, эта проблема приобретает особую значимость. Сегодня считается общепризнанным, что экономика связана с культурой, причем не только по направлению: от культуры к экономике, но и в обратном – от экономики к культуре.

Культурный контекст важен и при формировании наших представлений о функционировании экономической системы и хозяйственном поведении индивидов. В конечном счете, признается, что культура «присутствует» в экономической науке (проблематика ценности, индивидуального и общественного, социального капитала и т.д.). При этом остаются и принципиальные методологические расхождения между экономическим подходом в его современном понимании, делающим упор на индивидуальном рациональном поведении, и подходом с точки зрения культуры, который «подчеркивает роль группы, общих ценностей и кооперативного поведения»¹.

Несмотря на тенденцию «очищения» экономической науки (теории) от всякого рода внешнего влияния (культурных, религиозных, этических и других факторов), великие экономисты, начиная от А. Смита и кончая многими современными авторами, признавали культурный контекст экономической науки. Следует упомянуть, например, Й. Шумпетера, который в фундаментальном труде

¹ Тросби Д. Экономика и культура. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 219.

«История экономического анализа» скорее показал невозможность рассмотрения экономической науки вне культурного, исторического и социального контекстов, нежели дал историю развития методов и инструментов исследования экономики, что предполагает название работы¹.

Конечно, существует проблема определения: культуры и культурных факторов, с одной стороны, и экономики, – с другой. В данном случае эта проблема сознательно обходится и молчаливо предполагается, что культура представляет собой некий набор убеждений, верований, обычаев, ценностей и норм, и практик, свойственных некоей группе (как угодно большой или малой), а экономика – это все то, что связано с производством, распределением и потреблением благ. При таком представлении о культуре к ней могут быть отнесены и религиозные факторы. Однако они были обозначены в названии сборника для того, чтобы подчеркнуть направленность предлагаемых материалов.

Проблема взаимного влияния культуры в ее широком понимании и экономики имеет множество измерений: от философско-религиозного до экономико-теоретического, конкретно-экономического и управленческого². Материалы, представленные в сборнике, можно отнести к последним. Более того, в соответствии со спецификой научно-аналитических обзоров, целью было дать представление о состоянии современных исследований в той или иной области, причем почти во всех материалах акцент сделан на конкретные, в ряде случаев, социологические исследования. Исключением является обзор, посвященный экономическим аспектам социальной концепции Русской православной церкви, хотя и в нем

¹ Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3 т. – СПб.: Экономическая школа, 2001.

² Нет возможности перечислить даже наиболее значимые работы по этим направлениям. Можно напомнить, например, что экономисты-теоретики одно из проявлений влияния культуры на экономику воспринимают сквозь призму теории общественного выбора – этого чрезвычайно развитого сегодня направления современного мейнстрима. Безбрежная литература существует и вне мейнстрима, в рамках так называемой гетеродоксной экономики. Важность культурных факторов была давно признана специалистами в области социально-экономического развития, особенно в связи с проблемами третьего мира и переходных экономик. Специалисты по управлению на протяжении нескольких десятилетий большое внимание уделяли культурным особенностям управленческих практик и их роли в успехах как малых предприятий, так и крупных корпораций. Множество полезных ссылок читатель может найти в списках литературы, завершающих обзоры.

«конкретность» присутствует при анализе оценок этой концепции специалистами.

Интерес к социальной концепции РПЦ и ее экономической составляющей вполне естественен уже в силу той роли, которую церковь играет в нашем обществе. При этом следует иметь в виду, что история РПЦ, с одной стороны, и специфика православной богословской традиции – с другой, сделали чрезвычайно сложной проблему выработки социальной концепции и привели к тому, что ее отдельные положения оказались не всегда согласованными. Именно эти неоднозначные моменты и стали предметом рассмотрения в данном обзоре.

Три обзора: «Азиатский менеджмент: Конфуцианское наследие и современность», «Исламские финансы и перспективы исламского банкинга в России» и «Благосостояние: Буддистское измерение» рисуют картину влияния неевропейских (азиатских) культурно-религиозных факторов на экономику. Подобный географический выбор представляется не только интересным, но и оправданным уже в силу масштабов той части мира, которая связана с конфуцианством, буддизмом и исламом. Безусловно, речь идет не об исчерпывающем освещении современного состояния соответствующих исследований, а лишь об обращении к некоторым специфическим, но важным и интересным аспектам.

Не обойдены вниманием авторов и современные дискуссии в Европе (на примере Франции), касающиеся сосуществования различных религиозных и культурных традиций в современном европейском обществе. Конечно, проявление религиозности в поведении людей на рабочем месте – это лишь одна из многих сторон более общей проблемы, но, возможно, в наибольшей степени имеющей экономическую составляющую, поскольку в конечном счете от того, как предприниматели и сотрудники относятся к проявлению религиозности на рабочем месте и как взаимодействуют представители различных религий, зависит экономическая эффективность их деятельности.

Религиозные факторы влияют не только на поведение экономических агентов, но и на поведение людей, на национальном уровне принимающих политические и правовые решения, влияющие в числе прочего на бюджетную политику. Лоббирование интересов представителей различных религиозных групп, конечно же, не новое явление. Но в связи с реформой здравоохранения в США, которая предполагает принятие соответствующих законов и, как следствие, изменения в бюджетной политике, это лоббиро-

вание получило новый импульс и приобрело новые формы. Представители некоторых религиозных общин посчитали, что правительство, вменяя в обязанность работодателям обеспечивать своих сотрудников страховками определенного типа, в ряде случаев заставляет оплачивать медицинские услуги, которые противоречат их религиозным нормам. Часть населения, которая видит в реформе посягательство большого государства не только на право граждан свободно распоряжаться собственными средствами, но и на их религиозные чувства, стремится противостоять этому.

В заключение хочу подчеркнуть, что представленные материалы следует рассматривать как некоторую зарисовку состояния современных исследований влияния культурных и религиозных факторов на экономику. Мы надеемся в будущем еще вернуться к этой теме, тем более что интерес к ней не ослабевает.

Н.А. Макашева

О.Н. Пряжникова
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ценности общества, распространенные в той или иной культуре, традиционно рассматриваются в качестве одного из факторов экономического развития. Составляя сущностную основу неформальных институтов, определяющих особенности процесса взаимодействия между людьми, ценности и нормы поведения формируются в значительной степени под влиянием господствующей в обществе религиозной традиции.

Подход к изучению хозяйства как эволюционирующей системы, предполагающий анализ не только экономических, но и неэкономических факторов (этических, психологических, правовых) был впервые предложен представителями немецкой исторической школы. Развивая эту теорию, М. Вебер и В. Зомбарт пришли к выводу, что религиозные системы играют очень важную роль в генезисе экономических систем. Описание процесса эволюции социально-экономической среды под влиянием протестантской этики мы находим у М. Вебера: «один из конституционных компонентов современного капиталистического духа... и всей современной культуры, – рациональное жизненное поведение на основе профессионального призвания – возник... из духа христианской аскезы», которая «перемещалась... в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании... современного хозяйственного устройства... формируя... жизненный стиль» каждого отдельного человека [Вебер М., с. 205–206].

В архаических обществах религия и экономика представляют собой две составляющие единого целого¹. В процессе социально-экономического развития религиозные ценности, определяя принципы и этику ведения хозяйственной деятельности людей, оказывали значительное влияние на экономические результаты человеческой деятельности. В наши дни процессы секуляризации ослабляют влияние религии в обществе. В странах Западной Европы участие людей в религиозных практиках сокращается. Однако все чаще ставится под сомнение вывод о том, что сокращение участия в религиозных практиках и снижение влияния церковных институтов приводит к снижению влияния на поведение людей ценностей, сформировавшихся в рамках той или иной религиозной традиции. Очевидно, что исторически доминировавшая в обществе религия всегда оставляет отпечаток в культуре и таким образом влияет на формирование отношений людей, даже если они нерелигиозны.

В данной работе рассматриваются результаты новейших теоретических и эмпирических исследований российских и зарубежных специалистов, затрагивающих вопросы влияния религиозной традиции на формирование уникальных характеристик социально-экономических систем, социального капитала, предпринимательской деятельности, а также взаимосвязь доминирующего вероисповедания и экономического роста.

Религиозный фактор и социально-экономическая модель

В настоящее время принято выделять следующие социально-экономические модели: англосаксонскую либеральную модель протестантского капитализма, западноевропейскую социал-демократическую модель католико-протестантского капитализма, дальневосточную патриархально-корпоративную модель конфуцианского капитализма, мусульманскую авторитарную модель. Само наименование этих моделей подчеркивает значимость религиозной традиции в качестве одного из факторов их формирования. Более того, существуют исследования, подтверждающие эту точку зрения.

¹ Эту взаимопроникающую связь можно увидеть, в частности, в субстантивной теории происхождения денег Б. Лаума (B. Laum), согласно которой отношения между людьми и их божествами (приношения и ожидание взамен благословения) – «священный», а не рыночный обмен – дал толчок утверждению жертвенных быков в качестве меры стоимости и единицы расчетов в Древней Греции, сделав их прообразом денег в их современном понимании [Semenova A., 2011].

Так, анализируя результаты исследования голландского профессора Г. Хофстеде, посвященного типологии культур и их влиянию на формирование ценностей трудовой культуры, В.В. Липов указывает на очевидную «связь между религиозными ценностями, особенностями национальной деловой культуры и соответствующими социально-экономическими моделями» и соотносит их с доминирующими в разных странах конфессиям [Липов В.В., 2005, с. 58].

Исследование Г. Хофстеде¹, дополненное М. Минковым и Г.Я. Хофстеде, посвящено определению ценностных установок работников и студентов в 76 странах по следующим характеристикам: 1) *дистанцированность власти* отражает степень неравенства людей при принятии решений; 2) *индивидуализм* – предпочтение опираться на собственные силы, заботясь о себе и своих близких; 3) *маскулинность / фемининность* отражает распределение эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами и показывает насколько в культуре ценится целеустремленность, героизм; 4) *избегание неопределенности* отражает склонность контролировать будущее и уровень толерантности к нетрадиционному поведению и идеям; 5) *прагматизм или долгосрочная / краткосрочная ориентированность* связаны с выбором фокуса внимания в действиях человека (будущее, настоящее или прошлое) – чем выше этот показатель, тем в большей степени общество склонно к иерархии, чем к равенству, к следованию коллективным интересам, а не интересам индивида, к этическому релятивизму и т.д.; 6) *потворство желаниям* – отражает в какой степени социальные нормы и самоконтроль ограничивают «практики получения удовольствия».

Используя данные, размещенные на сайте, посвященном исследованиям Г. Хофстеде², мы рассчитали среднее значение данных показателей по группам стран: протестантские (Англия, Новая Зеландия, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), католические страны Европы (Австрия, Бельгия, Ирландия, Испания, Италия, Португалия, Франция), католические страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Эквадор), православные страны (Болгария, Россия, Румыния, Сербия, Греция), страны конфуцианской традиции (Гонконг, Китай, Сингапур, Тайвань, Япония), исламские страны (Индонезия, Иран, Малайзия,

¹ Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. – 3 rd ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.

² The Hostede centre. – Mode of access: <http://geert-hofstede.com/countries.html>

Пакистан, Турция). Результаты сведены в табл. 1, в которой также приводятся показатели иудейского государства Израиль.

Таблица 1

**Ценностные характеристики культур стран
и преобладающие в них религиозные конфессии**

Страны	Дистанци- рованность власти	Индивидуализм	Маску- линность	Избегание неопреде- ленности	Прагматизм	Потворство желаниям
Протестантские	28	74	30	41	40	67
Католические (Европа)	49	61	55	78	52	48
Католические (Латинская Америка)	71	25	62	78	23	80
Православные	85	31	40	90	64	21
Израиль	13	54	47	81	38	-
Исламские	72	26	47	60	42	46
Конфуцианской традиции	63	26	60	57	71	45

Данные ценностные характеристики сформировались под влиянием доминирующей религиозной традиции, но влияние оказали также и другие факторы, такие как природные и климатические условия, исторический путь развития и т.д. В результате при ряде сходств мы видим расхождения ценностных установок культур европейских и латиноамериканских стран, возникших в рамках одной католической религиозной традиции. Значения этих показателей и их сочетания иллюстрируют уникальный набор ценностных приоритетов, определяющих особенности экономического поведения и экономического развития в той или иной культуре и формирующих конфессионально-цивилизационную специфику.

Так склонность к предпринимательству тесно связана с уровнем индивидуализма; показатель «потворство желаниям» является индикатором модели потребления; особенности и уровень рыночной конкуренции зависят от таких показателей, как дистанцированность власти, маскулинность / фемининность; прагматизм или долгосрочная / краткосрочная ориентированность влияет на склонность к сбережению. Предпочтение опираться на собственные силы (индивидуализм) можно связать со сформировавшимся в обществе отношением к перераспределению благ. Высокий уровень индивидуализма в протестантских странах (74), католических

странах Европы (61) и Израиле (54) коррелирует с негативным отношением представителей этих вероисповеданий к перераспределению благ, по сравнению с отношением последователей других религий. Соответствующие предпочтения находят отражение в государственной политике перераспределения благ в странах разных культурных традиций [Guiso L. et al., 2006, p. 41, 43].

Процесс взаимодействия религиозной составляющей культуры и экономического развития приводит к равновесию социально-экономической среды, которое воплощается в социально-экономической модели и политическом устройстве общества. Подобной точки зрения придерживается, например, Г. Григориадис (см. табл. 2) [Grigoriadis T., 2013, p. 30].

Таблица 2

	Экономическая система	Эволюция политического режима
Протестантизм	Либеральная / Социальная демократия	Ограниченное лидерство → Представительная демократия
Иудаизм	Регулируемый капитализм	Лишенный государственности космополитизм → Фрагментированная демократия
Католицизм	Государственный корпоратизм / Клиентелизм	Неограниченная монархия → Лоббистская демократия или фашизм
Православие	Византийская олигархия	Бюрократический империализм → Клановая демократия или коммунизм, или авторитаризм
Ислам	Предпринимательская аристократия	Нормативный империализм → Исламский плюрализм или теократия, или авторитаризм

Либеральная / социальная демократия (США, Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, послевоенная Германия, Нидерланды) представляет собой протестантскую рыночную экономику, в которой институт регулярных выборов, широкие гражданские права и развитый частный сектор экономики дополнены предоставляемым государством социальным обеспечением.

Израильская модель регулируемого капитализма характеризуется менее интенсивным вмешательством государства в экономику по сравнению с практиками стран Западной Европы.

В основе государственного корпоратизма / клиентелизма находится институт конкурентных выборов и защита минимального набора гражданских прав (Бразилия, Испания, Италия, Франция, Бельгия, Австрия). Распространенная в данных странах система социального обеспечения во многом отражает социальные установки католической церкви.

Византийская олигархия (СССР, Россия, Украина, Болгария, Румыния, Сербия, Греция) предполагает наличие значительного государственного сектора в экономике, а также существование номинальных или реальных правил, регулирующих процедуру выборов. Государство регулирует экономику, а частный сектор институционально находится в зависимости от государства. При этом в обществе существует высокий спрос на общественные блага, что отражает сложившиеся в православной традиции организационные нормы, в рамках которых предпочтение отдается принципу иерархичности в ущерб прозрачности.

Экономическая система, названная Григориадисом предпринимательской аристократией (Иран, Турция, Египет, Индонезия, Малайзия), предполагает господство корпоративных элит как в частном, так и в государственном секторах, где ключевые руководители назначаются или напрямую, или с использованием иных процедур, но непосредственно государством [Grigoriadis T., 2013, p. 32].

В своих исследованиях Г. Григориадис и Б. Торглер рассматривают влияние религиозных норм и религиозной идентичности на формирование спроса на общественные блага и особенности их распределения. Так в странах протестантской и католической традиции местные органы власти обеспечивают производство общественных благ на основе социального контракта с гражданами. В странах же исламской и православной традиций обеспечение общественными благами воспринимается обществом как гарантия коллективного благосостояния и социальной справедливости, а административная эффективность определяется не способностью властей следовать данным обещаниям, а демонстрацией приверженности обязательствам бороться с бедностью и неравенством [Grigoriadis T., Torgler B., 2013, p. 30]. Так называемые коллективистские экономические системы, которые характеризуются высоким спросом граждан на общественные блага, присущи странам, где большинство населения являются приверженцами «коллективных» религиозных традиций – католицизма, православия и ислама.

Влияние религии на общественное устройство можно проследить во взаимосвязи религиозных норм и светских правовых актов, распространении религиозных ценностей и практик на бюрократические институты общества, а также в восприятии религиозных общин в качестве прототипа экономической системы, в соответствии с которым формируются экономическая среда и экономическая политика.

Анализируя религиозные общины как прототипы экономических систем, Г. Григориadis обращается к опыту православия и иудаизма. Принципы экономической жизни еврейских поселенцев в Палестине до создания государства Израиль – физический труд и стремление к самообеспечению в сочетании с безразличием к материальной выгоде, социально-экономическому статусу и политической власти – позже стали основополагающими для израильского общества, сделали возможным возникновение киббуцев и мошавов, а также определили особенности структуры общественных институтов Израиля.

Киббуц как модель организации предполагает добровольное членство (отсутствие частной собственности в киббуцах «компенсируется» правом выхода из него) и демократическую природу коллективных процедур, осуществляемых общим собранием всех взрослых членов киббуца. Важными характеристиками модели киббуца также является мониторинг и контроль на всех уровнях структуры, взаимодополняемость индивидуальных и коллективных интересов, эффективность каналов распространения информации, наличие обратной связи внутри коллектива, отсутствие какого-либо универсального централизованного набора правил распределения ресурсов внутри киббуцев. Этой модели присущ баланс между уравнительной системой перераспределения ресурсов и добровольным участием в коллективе. Несмотря на то, что члены общины с большей производительностью труда имеют меньше стимулов оставаться в ней, чем те, чья производительность ниже, в условиях равного потребления богатые киббуцы остаются привлекательными и для более производительных членов. В киббуцах им обеспечен оптимальный уровень экономической безопасности, в результате издержки выхода оказываются достаточно высокими. В некоторых киббуцах также существуют эффективные схемы поощрений наиболее продуктивных членов.

В киббуце главный стимул к труду традиционно связан с отношением к труду как к процессу самореализации. Такая трудовая этика мотивирует работников вносить вклад в благосостояние общины. Ответственное отношение к труду в общине объясняет устойчивость такой формы организации экономической и социальной жизни при отсутствии прав собственности и дифференциации материального вознаграждения. При этом исследователи полагают, что именно идеологические установки трудовой этики, а не следование принципам альтруизма, обеспечивают действенную взаимопомощь среди членов киббуца и его организационную целостность.

Прозрачная процедура голосования и необходимость поддержки 2/3 членов общины при принятии в нее новых членов демонстрируют пример сочетания принципов демократии и коллективизма. Это позволяет рассматривать кибуц как демократический религиозный коллектив и институциональный прототип общества, в основе которого лежат как взаимная поддержка, так и рыночные стимулы. Баланс интересов коммуны и частных интересов ее членов устанавливает верхний предел личных доходов и личной инициативы. Одновременно добровольность участия в кибуце устанавливает нижний предел управленческого контроля и корректирует дефекты иерархичной структуры.

По мнению Т. Григориадиса, кибуц предлагает институциональные и экономические основы, которые и сформировали модель социально-экономической системы государства Израиль. Она одновременно сочетает в себе черты коллективизма и индивидуализма, общинности и рыночных стимулов, государства всеобщего благосостояния и либеральной рыночной экономики, с четкой нацеленностью на политическое представительство интересов и защиту прав граждан всех слоев общества [Grigoriadis T., 2013, p. 10].

Анализируя социально-экономическое устройство русского православного монастыря как примера религиозной общины, Г. Григориадис указывает на тот факт, что в отличие от кибуца, представляющего собой институт коллективной демократии, русский православный монастырь представляет собой пример диктатуры как способа управления коллективом, так как не предусматривает возможности выхода из общины и закрепляет за наместником абсолютную власть в распределении ресурсов общины и установлении размера вклада каждого ее члена.

В процессе развития монастырей, роста их интеллектуального и политического влияния церковные принципы монастырского устройства были инкорпорированы в государственные структуры Византийского государства. Сущностные основы коллективных форм восточного православия получили свое оформление в конце XI – начале XII в. Они предполагали духовное развитие христиан внутри монастырской общины, при этом допуская возможность появления в ней харизматических личностей, которые могли бы стать ролевой моделью и для мирян. Организации жизни духовных лиц в Византии была свойственна иерархичность и харизматичное лидерство, а также практика духовного подвижничества и независимости от материальных благ.

Император Византии нес ответственность за благосостояние народа перед церковью, которая устанавливала этические стандарты административного поведения. Церковь осуществляла посредничество между феодальной элитой и государственными чиновниками с одной стороны и средним и низшим классами – с другой. Она доносила интересы народа до элит, пользуясь при этом государственными субсидиями для собственного выживания. В основе договора между императором и церковью (в отсутствие четкого разделения секулярных и духовных регламентаций) лежал обмен: церковь получала права собственности на материальные ресурсы и пыталась максимизировать их, а император – сакрализацию своей власти.

Сходная модель взаимоотношений религиозных и государственных институтов существовала в Киевской Руси и Московском княжестве. Во второй половине XIV в. был основан Троице-Сергиевский монастырь, который вскоре стал духовным центром русского православия. Регулярные паломничества в монастырь Великого князя Василия III и Ивана Грозного, как и предоставление монастырю имущественных и экономических привилегий, свидетельствовали о значимости легитимации власти духовными лидерами нации. Одновременно в монастыре формировалась иерархическая структура: настоятель, келарь, казначей, стряпчий и дьяки. В этой структуре настоятель обладает абсолютной властью распоряжаться собственностью монастыря, хотя при этом и он и другие члены общины лишены формальных личных прав собственности. Управленческий контроль на всех уровнях иерархии, семейные и экономические связи с дворянским сословием (в XVI веке 38% монахов были выходцами из класса землевладельцев), получение привилегий и льгот от московской власти, обеспечение монахов минимальными ресурсами для поддержания их существования стали экономической основой жизни православного монастыря [Grigoriadis T., 2013, p. 13].

Впоследствии в результате реформ Петра I и Екатерины II, российская православная церковь стала своего рода административной единицей, находящейся в подчинении главы государства. Она потеряла свое влияние в качестве автономного участника политической жизни России. При этом православие стало составляющей частью социальной и политической идентичности российского общества, а устройство экономики монастыря во многом нашло отражение в социально-экономической модели, утвердившейся в России.

Религия и социальный капитал

Религия тесно связана с социальным капиталом, понятием, введенным в научный дискурс П. Бурдье, определившим его как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний»¹. Иными словами, социальный капитал представляет собой социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгоды.

При этом религия в большей степени связана с когнитивным социальным капиталом, а не структурным. Когнитивный социальный капитал представляет собой нормы поведения и доверие, которое в свою очередь включает в себя общее доверие и доверие к институтам (полиции, правительству, церкви, средствам массовой информации и т.д.). Структурный капитал – это социальные сети, неформальные (связи между друзьями, родственниками, коллегами, соседями) и формальные (ассоциации и добровольные организации: профессиональные, религиозные, культурные и т.д.).

Рассматривая влияние религии на социальный капитал, важно подчеркнуть, что часто такие понятия, как религиозность, вера и духовность ассоциируются с такими понятиями, как солидарность, честность, щедрость, альтруизм, гуманность, благотворительность и т.д. Подчеркивая позитивное воздействие религиозности на социальный капитал, ряд исследователей утверждают, что люди, активно участвующие в жизни церковных общин, развивают отношения доверия, получают навыки гражданской активности, расширяют свои коммуникации благодаря возникающим в процессе развития общин социальным сетям².

Вместе с тем религиозная активность может сокращать время, которое могло бы быть использовано для другой деятельности, например, участия в волонтерских кампаниях вне церкви. Отрицательное воздействие религиозности на социальный капитал может возникать по причине того, что вовлеченность в одну из религиоз-

¹ Цит. по: Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Батыгина. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – 248 с. – С. 34. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/gradoselskaya-g-v-setevye-izmereniya-v-sotsiologii>

² Halman L., Luijkx R. Social capital in contemporary Europe: Evidence from the European // Portuguese j. of social science. – 2006. – Vol. 5, N 1. – P. 65–90. – Mode of access: <http://pure.uvt.nl/portal/files/761307/socialcapital.pdf>

ных групп может способствовать снижению толерантности по отношению к тем, кто не разделяет ценностей и убеждений этой группы. Кроме того, наличие в обществе нескольких конфессий может снижать общий уровень доверия, так как люди меньше доверяют тем, кто не принадлежит их вероисповеданию. Отношения, формирующиеся под влиянием доминирующей религии, распространяются во всем обществе, могут оказывать давление и навязывать соответствующие нормы поведения представителям других конфессий и нерелигиозным членам общества.

Разные религии могут формировать разные установки в социальных отношениях. Так, в католицизме больший акцент делается на тесную связь между церковью и семьей, развиваются вертикальные связи, а горизонтальным не придается особого значения. Протестантизм, наоборот, благоприятствует росту социальных связей вне церкви и семьи. Такого рода подход часто используется и для деления мировых религий на иерархичные (католицизм, православие, ислам) и неиерархичные (протестантизм, индуизм, буддизм). В целом многочисленные исследования отношений доверия подтверждают позитивное влияние на социальный капитал протестантизма и негативное – католицизма [Kaasa A., 2013, p. 581].

Проведя анализ данных Европейского исследования ценностей (European values study 2008), касающихся веры, участия в церковных службах и жизни общин, численности населения, принадлежащего той или иной конфессии, А. Кааса нашла подтверждение тому, что неформальная религиозность (вера и посещение службы) способствует развитию социального капитала, так как стимулирует участие в различных организациях и, таким образом, помогает освоению гражданских навыков, продвигая в обществе такие ценности, как солидарность, альтруизм, честность. Исследование также выявило, что приверженцы иерархических религий менее склонны принимать участие в социальной жизни и часто предпочитают перекладывать ответственность во всех сферах жизни общества на государство. Также было подтверждено негативное влияние иерархических религий на развитие когнитивного социального капитала. Наивысший уровень развития всех аспектов социального капитала был выявлен в протестантских странах, а самый низкий – в странах с иерархическими религиями [Kaasa A., 2013, p. 590].

Религиозность и предпринимательство

Религиозные ценности оказывают влияние на восприятие индивидом и обществом предпринимательской деятельности. В разных религиозных традициях предпринимательство оценивается по-разному, формируются разные паттерны деловой активности. Один из первых портретов «идеального» предпринимателя мы находим в Ветхом Завете, а именно в Притчах царя Соломона, где воспевается добродетельная женщина: она трудолюбива («Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками» (31:13)); ей присущи предпринимательские качества («Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник» (31:16)); она честна («Она чувствует, что занятие ее хорошо, и – светильник ее не гаснет и ночью» (31:18)); она занимается благотворительностью («Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся» (31:20)); она религиозна («...жена, боящаяся Господа, достойна хвалы» (31:30)). Перед нами предстает «образ предпринимателя», в котором стремление к материальным благам гармонично сочетается с духовными ценностями. Этот образ поддерживается Библией и во многом представляет собой ценностное наполнение предпринимательской деятельности в авраамических религиях [Friedman H., Adler W.D., 2011].

Отношение к предпринимательству представляет собой один из каналов, посредством которого религия, будучи важной составляющей культуры, может оказывать влияние на результаты экономической деятельности. Это влияние представляется комплексным и непрямым, находящимся в зависимости от уникальных личностных характеристик индивида, его этнической принадлежности, особенностей социальных сетей, образования, политического режима и т.д. Культурная традиция влияет на формирование среды, в которой ведется бизнес, на разнообразные аспекты экономического поведения, включая принятие решения о том, стать ли самозанятым или наемным работником. Предприниматель вынужден вести свою деятельность в условиях риска, поэтому сформировавшиеся в условиях культуры, «нерасположенной» к риску (risk-averse), индивиды имеют меньшую склонность к предпринимательству.

С. Дракопулус-Додд и П.Т. Симан¹ выделяют три канала влияния религии на предпринимательство: религиозная принадлежность

¹ Drakopoulou-Dodd S., Seaman P.T. Religion and enterprise: an introductory exploration // Entrepreneurship theory and practice. – Malden, 1998. – Vol. 23, N 1. – P. 71–86.

индивида определяет связь между его убеждениями и предпринимательским поведением; под влиянием господствующих религиозных представлений происходит синтез и формирование системы общественных ценностей и доверия; в результате предпринимательская деятельность во многом становится воплощением религиозных установок.

Позитивное влияние религии на предпринимательскую активность стало частью концепции протестантской трудовой этики, согласно которой протестантская трудовая этика, в отличие, например, от католической, создает благоприятные условия для предпринимательства. Протестантская, в особенности кальвинистская, этика стимулирует трудовую активность, учреждение собственных фирм, участие в торговых операциях, накопление богатства в том числе и в секулярном обществе, в отличие от католицизма, который скорее осуждает накопительство. Среди приверженцев протестантизма традиционно высок уровень образования, что также оказывает положительный эффект на экономический рост и предпринимательскую деятельность. А.П. Макдональд¹ указывает на то, что у протестантов выше, по сравнению с католиками, внутренний локус контроля², что представляет собой важнейшую психологическую характеристику успешного предпринимателя.

Проанализировав связь макроэкономических показателей развития предпринимательства и распространенного вероисповедания, А. Хенли выявил связь высокого уровня предпринимательской активности и новейших форм христианских конфессий, а именно евангелистов, пятидесятников, харизматиков, число последователей которых быстро растет, в особенности (но не только), в менее развитых регионах мира. Причастность к этим конфессиям требует от их членов значительно больших, чем в традиционных иерархических христианских конфессиях приверженности религиозным ценностям и благочестия. Это оказывает влияние на все аспекты жизни этих христиан, в том числе способствует эффективности социальных сетей и росту доверия, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на развитии предпринимательства [Hanley A., 2014, p. 23].

¹ MacDonald A.P. More on the protestant ethic // J. of consulting and clinical psychology. – Washington, 1972. – Vol. 39, N 1. – P. 116–122.

² Внутренний локус контроля – теоретическое понятие модели личности Дж. Роттера, означающее веру индивида в то, что его поведение детерминировано им самим.

Исследование взаимодействия греческого православия с экономической активностью, в целом, свидетельствует о позитивном эффекте православной традиции на формирование деловых отношений и деятельности, благоприятствующей экономическому развитию¹.

Высокий уровень предпринимательской активности наблюдается у представителей иудейской диаспоры в различных странах. Этот факт исследователи объясняют тем, что среди иудеев традиционно высоки инвестиции в образование. Это исторически связано с тем, что около 70 г. н.э. в иудейской религиозной традиции особую важность приобретает изучение и понимание Торы, и каждый иудей становится ответственным за обучение своих сыновей религиозным законам. Кроме того, развитию предпринимательства благоприятствуют высокий уровень доверия и укорененность сетевых отношений внутри иудейского этнического сообщества, а также позитивное отношение к инновационному мышлению и инновационной деятельности. Склонность иудеев к предпринимательству подтверждают исследования К. Миннса и М. Ризова² занятости в Канаде в начале XX в., согласно которым число самозанятых иудеев превышало аналогичные показатели среди других этнических групп населения (Zelekha Y. et al, 2014, p. 751).

В обществе, в котором господствует буддистская традиция, укоренена концепция правильной жизни (right livelihood), которая тормозит развитие предпринимательства, например, стимулируя индивида избегать использования возможностей, ведущих к созидательному разрушению (creative destruction). Это предположение подтверждается фактическими данными, согласно которым буддизм предстает одним из факторов, подавляющих развитие предпринимательства в Индии³.

Влияние индуизма на предпринимательство оценивается экспертами как позитивное, при этом указывается на сходство индуистской и протестантской трудовой этики. В индуистской культуре

¹ Tassiopoulos D. Greek Christian orthodoxy and entrepreneurship // *Entrepreneurship and religion* / Ed. By Dana L.P. – Cheltenham, Northampton, 2010. – 456 p. – P. 121–134.

² Minns C., Rizov M. The spirit of capitalism? Ethnicity, religion, and self-employment in early 20th century Canada // *Explorations in economic history*. – 2005. – Vol. 42, N 2. – P. 259–281. – Mode of access: http://personal.lse.ac.uk/minns/Minns_Rizov_EEH_2005.pdf

³ Audretsch D.B., Bönte W., Tamvada J.P. Religion and Entrepreneurship: Discussion paper N DP6378 / Centre for economic policy research (CEPR). – L., 2007. – 30 p.

высока роль морали при совершении торговых операций, приветствуется свободная конкуренция, а накопление богатства не является источником вины. Общественное устройство в индуистской культуре способствует эффективному развитию класса предпринимателей, при этом самую высокую доходность от предпринимательской деятельности получают представители низших каст. Г.Д. Винод приходит к выводу, что благодаря практике разделения рисков кастовая система благоприятна для накопления социального капитала, а кроме того она способствует развитию у индивида предпринимательских навыков в рамках традиционной экономической активности внутри той или иной касты¹.

В отношении ислама среди исследователей распространено представление о его негативном влиянии на предпринимательскую активность. При этом следует иметь в виду недостаточное количество эмпирических исследований, опираясь на которые можно было бы однозначно подтвердить или опровергнуть подобное мнение. В исламской культуре велика роль фатализма, что снижает мотивацию индивида, в том числе в сфере предпринимательства, осуществлять какие бы то ни было усилия по развитию и изменению своей деятельности, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве конкурентной среды. Согласно Хантингтону² экономическое развитие и предпринимательскую деятельность тормозят такие черты исламской культуры, как недоверие к научному знанию, высокая степень консерватизма и традиционализма. Исследователи приходят к выводу, что мусульмане обладают относительно низким внутренним локусом контроля, а также менее склонны к риску, чем, например, христиане [Zelekha Y. et al, 2014, p. 752].

Й. Залеха вместе с рядом исследователей провел анализ данных базы глобального мониторинга предпринимательства (global entrepreneurship monitor (GEM)), профессиональной Интернет-сети LinkedIn, а также индекса Института глобального развития предпринимательства (GEDI index), индекса глобальной конкурентоспособности (global competitiveness index) и других показателей, характеризующих развитие предпринимательства в 176 странах. В результате было подтверждено предположение о том, что различные религии имеют разнонаправленное влияние на развитие пред-

¹ Vinod H.D. The Oxford handbook of Hindu economics and business. – Oxford: Oxford university press, 2012. – 398 p.

² Huntington P.S. The clash of civilizations and the remaking of world order. – N.Y., 1996. – 367 p.

принимательства. Анализ показал, что иудеи обладают самой высокой склонностью к предпринимательской деятельности, далее по мере уменьшения склонности к предпринимательству следуют индусы, протестанты, православные, буддисты, католики и мусульмане.

Кроме того, по результатам этого исследования был сделан вывод, что макроэффекты религии как составляющей преобладающей в стране культуры на уровень предпринимательской активности больше, чем то, как та или иная религия влияет на конкретный образ поведения ее последователей. Уровень предпринимательской активности в среднем по стране определяется преобладающей в ней религиозной традицией, а не зависит от относительной численности населения той или иной конфессии. Однако в условиях, когда государство склонно регулировать религиозную деятельность, а также в странах, где низок религиозный плюрализм, механизмы влияния вероисповедания на предпринимательскую деятельность могут подавляться [Hanley A., 2014, p. 23].

Религиозность и экономический рост

В последнее время наблюдается рост интереса к исследованию влияния религиозных факторов на экономический рост. Ключевым исследованием в этой области являются работы Р.М. Макклири и Р.Дж. Барро. Эти авторы исходили из того, что религия влияет на результаты экономической деятельности главным образом посредством распространения и поддержания религиозной веры, а та, в свою очередь, влияет на формирование таких личностных характеристик и особенностей поведения, как честность, трудовая этика, склонность к сбережениям, доверие. Они использовали два показателя религиозности – религиозные верования, а именно веру в загробную жизнь, существование ада и рая, и участие в религиозной жизни, а именно посещение церкви. А также данные международных статистических исследований посещения церквей и данных о верованиях за период 1981–1999 гг. по 41 стране (Barro R.J., McCleary R.M., 2003, p. 772, 779). В качестве зависимой переменной был взят рост ВВП на душу населения. Макклири и Барро смогли выявить положительный эффект религиозной веры (веры в существование ада) как фактора, определяющего поведенческие паттерны, на экономический рост. При этом был выявлено негативное влияние высокого уровня посещения церкви на экономический рост. Этот факт исследователи объясняют тем, что «религиозный сектор» начинает потреблять больше ресурсов, например

времени, затрачиваемого на религиозную деятельность, при фиксированном продукте (религиозной вере), производимым данным сектором (Barro R.J., Mitchell J., 2004, p. 8).

Таким образом, снижение доли населения, принимающего участие в религиозных практиках, способствует экономическому росту. В то же время исследования показывают, что влияние религиозных ценностей остается устойчивым, а секуляризация сознания растет значительно медленнее, чем темп роста показателей ВВП [Hirschle J., 2013, p. 422].

Результаты, полученные Барро и Макклири, подтверждают наличие связи между религиозной верой и экономическим поведением, в том числе и отмеченной М. Вебером в связи с протестантской этикой как ключевым фактором возникновения «духа капитализма». При этом важно отметить, что благодаря разнообразию религий, распространенных в странах, охваченных данным исследованием (страны Африки, Латинской Америки, Азии, Европы), можно утверждать, что на экономический рост и трудовую этику оказывает влияние не только протестантизм.

Вместе с тем стоит отметить, что эмпирические исследования, касающиеся оценки влияния религиозной составляющей культуры на экономический рост, немногочисленны и ограничены из-за недостатка данных о распространении различных религиозных верований и степени религиозности населения той или иной страны или региона. Особенно это характерно для России, где, с одной стороны, религия, вытесненная из культурного контекста и жизни общества на протяжении всего существования советской власти, только в последние два десятилетия восстанавливает свое присутствие в социальной среде, а с другой – сбор данных о религиозной принадлежности ограничен статьей 10 Федерального закона о персональных данных¹.

В этой связи особый интерес вызывает исследование Дж.К. Перрета [Perret J.K., 2014], который на примере России попытался выявить зависимость между распространением того или иного вероисповедания и экономическим ростом. Свое исследование Перрет провел на основе данных «Атласа религий и национальностей России: Арена», составленного исследовательской службой «Среда», а также

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных». – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/07/29/personalnye-dannye-dok.html>

данных Роспатента о количестве выдаваемых патентов, последний показатель использовался как измеритель инновационности.

Согласно «Арене», 41% россиян причисляют себя к Русской православной церкви; почти столько же – 38% – не исповедуют какой-либо веры (13%) или верят в существование некой высшей силы (25%), но не являются членами какой-либо конфессии; третья по величине группа населения России являются мусульманами – 6,5% [Арена, 2012, с. 11]. Во всех регионах преобладает православное население, за исключением Северного Кавказа, Татарстана, Башкирии, где большинство населения исповедует ислам, Тывы, где преобладает буддистское население, а также Республики Алтай и Якутии, где большая часть населения являются последователями язычества.

Перрет исключил из своего исследования значительную долю населения – православных россиян, – руководствуясь аргументами, выдвинутыми Л.Р. Ианнаконе¹, о том, что вера и реальная приверженность религиозным ценностям сильнее выражены у представителей религиозных меньшинств. Кроме того, как показывает ряд исследований, часть россиян, идентифицирующих себя как православных, делали это, руководствуясь не религиозной мотивацией. Так, по данным ВЦИОМ², 6% россиян, называющих себя православными, не являются крещенными. Согласно исследованиям ФОМ³ 16% православных в России никогда не посещают храм, 52% из них никогда не читали Библию, а по данным, собранным Б. Дубиным (Левада-центр), среди россиян, называющих себя православными, в Бога верят лишь 40% [Костылев П.Н., 2014, с. 66]. Из этого следует с высокой долей очевидности, что самоидентификация значительной части россиян как православных отражает не их сознательную приверженность православному вероисповеданию, а, скорее, их желание заявить о своей культурной принадлежности.

В своем анализе Перрет использует в качестве независимых переменных уровень распространения в регионах России того или иного вероисповедания, а в качестве зависимых переменных –

¹ Iannaccone L.R. Introduction to the economics of religion // J. of econ. literature. – 1998. – Vol. 36. – P. 1465–1496.

² Религия в жизни россиян: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1116. – 10.12.2008. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11099>

³ Ценности: религиозность. Сколько россиян верят в Бога, посещают храм и молятся своими молитвами? // Фонд общественного мнения. – 14.06.2013. – Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10953>

ВРП (валовый региональный продукт) и ВРП на душу населения, а также такой показатель, как инновационность.

В ходе исследования была выявлена высокая положительная корреляция между распространением среди населения регионов России католического и протестантского вероисповедания и величиной ВРП на душу населения, при этом корреляция ВРП положительна для протестантизма и отрицательна для католицизма. Полученные результаты соответствуют гипотезе о том, что распространение среди населения как католицизма, так и протестантизма способствует экономическому росту, хотя каналы этого влияния разнятся. Считается, что среди католиков, в частности в силу существования института исповеди, выше, чем у протестантов, уровень доверия, и это повышает качество бизнес-среды. При этом протестантизм благоприятствует рыночному поведению и росту благосостояния, благодаря постулату Лютера о том, что ценности веры реализуются через труд, а не только посредством молитвы и веры как таковой [Perret J.K., 2014, p. 9].

Перрет обнаружил положительную корреляцию между уровнем ВРП и преобладанием среди населения регионов России мусульман-шиитов, и отрицательную – при преобладании мусульман-суннитов. При этом выявлена отрицательная зависимость ВРП на душу населения и высокой доли исламского населения, однако для суннитов отрицательная зависимость более значительна. Выявленные закономерности подтверждают тезис о том, что в целом мусульмане менее, по сравнению с христианами, ориентированы на рыночное поведение, менее склонны к риску и открыты для всякого рода изменений, в том числе в экономической области, что, как было указано выше, отрицательно сказывается на развитии предпринимательской активности и экономическом росте. Кроме того, более выраженную негативную корреляцию с экономическим ростом доли мусульман-суннитов можно объяснить ограничениями, которые сунны накладывают на заключение контрактов, вводя понятие «гарар» – элемент неопределенности, случайности, спекулятивный риск, – избыточность которого приводит к аннулированию контракта [Perret J.K., 2014, p. 13].

Преобладание в регионах России буддистского населения отрицательно коррелируется как с уровнем ВРП, так и с уровнем ВРП на душу населения. При этом Перрет подчеркивает, что буддистская традиция приветствует экономическую активность при условии, что она приводит к сокращению страдания, т.е. буддизм одобряет деятельность, в результате которой все ее участники вы-

игрывают (win-win situation), либо не выигрывает никто (zero-win situation). В связи с этим можно сделать вывод, что в целом буддизм благоприятствует экономическому развитию, однако его положительный эффект менее значителен, чем в случае христианской или иудейской традиции. Христианство и иудаизм не препятствуют и такой экономической деятельности, при которой одна сторона выигрывает, а другая проигрывает (win-lose situation), что, без сомнения, расширяет возможности экономической активности во всем ее многообразии и в целом способствует экономическому росту [Perret J.K., 2014, p. 13].

Вместе с тем Перрету удалось выявить положительную связь между распространением иудаизма и ростом ВРП и ВРП на душу населения [Perret J.K., 2014, p. 17–18]. Эти результаты находятся в соответствии с представлениями о том, что иудаизм благоприятствует экономическому развитию, в частности, по причине того, что Тора формирует у иудеев склонность к активному экономическому поведению. В ней говорится о материальных благах как о благословении, а о богатстве как о божественном даре, утверждается, что достойным этого дара человек становится благодаря активной деятельности при соблюдении ряда ограничений.

В соответствии с результатами исследования в России высокая доля атеистов отрицательно коррелируется и с уровнем ВРП, и с уровнем ВРП на душу населения. Выявленную зависимость можно объяснить тем, что у атеистов наблюдается более низкий уровень доверия, чем у приверженцев каких-либо религий. Атеисты из-за недостаточного чувства общности проявляют к другим такой, относительно низкий, уровень доверия, какой верующие люди проявляют к представителям иной религии. Кроме того, этот эффект в российской действительности может усугубляться правовым нигилизмом населения, нивелируя роль института права как одного из факторов роста уровня доверия в обществе.

В ходе исследования Перрету не удалось выявить устойчивой связи между вероисповеданием и инновационностью, за исключением того, что он смог установить незначительную положительную корреляцию между ростом числа патентов и распространением иудаизма и православных церквей, отличных от РПЦ. При этом коэффициент, отражающий взаимозависимость вероисповедания и инновационности, отрицателен и для католиков, и для протестантов, однако для католиков его величина больше [Perret J.K., 2014, p. 19].

Религиозные ценности и религиозное мировоззрение, будучи на протяжении значительного отрезка истории человечества своего рода «субстанцией», соединяющей ткань общества, существенным образом влияют на формирование хозяйственной среды или социально-экономической модели, которая представляет совокупность институтов и механизмов, регулирующих экономическую деятельность и взаимодействие экономических агентов.

Многообразие существующих в России конфессий, наличие регионов компактного проживания населения, исповедующего различные религии, и доминирующего вероисповедания, а также исторический опыт искоренения религии из жизни общества – все эти обстоятельства делают изучение влияния религиозных и культурных факторов на социально-экономическое развитие исключительно сложной задачей. Ее решение предполагает соединение эмпирических и теоретических исследований на стыке таких наук, как экономика, социология, социальная психология. Подобные исследования имеют важное значение как для понимания экономического поведения представителей разных культур и конфессий и, следовательно, для выработки механизмов стимулирования экономического роста, так и для решения задачи плодотворного взаимодействия и сотрудничества представителей разных религиозных традиций.

Список литературы

1. Арена: Атлас религий и национальностей России // Исследовательская служба «Среда». – М., 2012. – 236 с. – Режим доступа: <http://sreda.org/ru/arena/arena-v-pdf>
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: «Прогресс», 1990. – 805 с.
3. Костылев П.Н. К критике базовых понятий социологии религии: «религиозность» // Социология религии в обществе Позднего Модерна: Сб. статей по материалам четвертой Международной научной конференции НИУ Белгородский гос. ун-т / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – С. 63–68.
4. Липов В.В. Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей // Экон. вестник Ростовского гос. ун-та. – Ростов-на-Дону, 2005. – Т. 3, № 3. – С. 57–73.
5. Barro R.J., McCleary R.M. Religion and economic growth across countries // American sociological review. – 2003. – Vol. 68, N 5. – P. 760–781.

6. Barro R.J., Mitchell J. Religious faith and economic growth: What matters most—belief or belonging? // Heritage foundation. – Washington, 2004. – Lecture N 841. – 12 p. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/lecture/religious-faith-and-economic-growth-what-matters-most-belief-or-belonging>
7. Friedman H., Adler W.D. Moral capitalism: a biblical perspective // American j. of economics and sociology. – 2011. – Vol. 70, N 4. – P. 1014–1028. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajes.2011.70.issue-4/issuetoc>
8. Grigoriadis T. Religious origins of democracies and dictatorships // Discussion paper, School of business & economics: Economics, Free university Berlin. – 2013. – N 2013/16. – 32 p. – Mode of access: <https://www.econstor.eu/dspace/bitstream/10419/85272/1/769721117.pdf>
9. Grigoriadis T., Torgler B. Religious identity, public goods and centralization: Evidence from Russian and Israeli cities // Discussion paper, School of business & economics: Economics, Free university Berlin. – 2013. – N 2013/13. – 40 p. – Mode of access: <http://econstor.eu/bitstream/10419/80442/1/766287858.pdf>
10. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does culture affect economic outcomes? // J. of econ. perspectives. – 2006. – Vol. 20, N 2. – P. 23–48. – Mode of access: <http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.20.2.23>
11. Hanley A. Is religion associated with entrepreneurial activity? // Discussion paper N 8111, Institute for the study of labor (IZA). – Bonn, 2014. – 28 p.
12. Hirschle J. «Secularization of consciousness» or alternative opportunities? The impact of economic growth on religious belief and practice in 13 European countries // J. for the scientific study of religion. – 2013. – Vol. 52, N 2. – P. 410–424. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jssr.2013.52.issue-2/issuetoc>
13. Kaasa A. Religion and social capital: evidence from European countries // Internat. rev. of sociology. – 2013. – Vol. 23, N 3. – P. 578–596. – Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03906701.2013.856162?journalCode=cirs20#.U61KdjaGjm4>
14. Perret J.K. Religion, growth and innovation in contemporary Russia: Schumpeter discussion paper / Schumpeter school of business and economics. University of Wuppertal. – 2014. – 26 p. – Mode of access: <http://elpub.bib.uni-wuppertal.de/edocs/dokumente/fbb/wirtschaftswissenschaft/sdp/sdp14/sdp14006.pdf>
15. Semenova A. Would you barter with God? Why holy debts and not profane markets created money? // American j. of economics and sociology. – 2011. – Vol. 70, N 2. – P. 376–400. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajes.2011.70.issue-2/issuetoc>
16. Zelekha Y., Avnimelech G., Sharabi E. Religious institutions and entrepreneurship // Small business economics. – 2014. – Vol. 42, N 4. – P. 747–767. – Mode of access: <http://link.springer.com/journal/11187/42/4/page/1>

И.Ю. Жилина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Православие на протяжении всей российской истории, особенно в ее поворотные моменты, играло заметную роль в жизни общества. Одним из таких моментов в новейшей истории стал крах СССР и переход к рыночной экономике. В результате экономических реформ изменилась социально-имущественная структура общества: «миллионы людей оказались за чертой бедности, в то время как относительно небольшая группа сосредоточила в своих руках значительную часть материальных ресурсов страны» [Браславский П., 2004, с. 1]. Но главным негативным итогом начала первого постперестроечного десятилетия стал моральный упадок общества. Крушение идеала социальной справедливости, личные трагедии большинства граждан, озлобленность и социальная апатия, беспомощность перед лицом олигархов и преступников не могли не заботить церковь [Чаплин В., 2005].

В самом обществе, находившемся в переходном состоянии, возникли ожидания, обращенные к Русской православной церкви (РПЦ). Прежде всего, ожидалось появление церкви в общественном пространстве. Представлялось, что церковь, сохранившая какое-то духовное сокровище, предъявит его обществу как культурно, социально и собственно религиозно значимое для «мира». Эти ожидания оказались завышенными. Лишь в 2000 г. РПЦ опубликовала развернутую официальную позицию по общественно значимым вопросам – «Основы социальной концепции» (ОСК) [Кырлежев А. Русская православная церковь..., 2003], в которых были сформулированы «социально-этические принципы существования современного общества, те основы морали и начала естественного права, благодаря которым наша жизнь получает благодатное нравственное

питание и не скатывается в хаос, подобный эпохе коммунистического или нацистского затмения разума» [Костюк К.Н. Социальная концепция Русской..., 2010]. В данной работе мы рассмотрим в основном экономические аспекты этой концепции, а также проанализируем комментарии, с ней связанные.

Общая характеристика Основ социальной концепции Русской православной церкви

Одно из наиболее часто цитируемых определений понятия «христианское социальное учение» было предложено известным теологом, кардиналом Й. Хёффнером, который понимает его как «совокупность социально-философских (взятых, в сущности, из социальной природы человека) и социально-теологических (взятых из христианского учения о Спасении) знаний о сущности и устройстве человеческого общества и о вытекающих отсюда и применимых к конкретным общественным отношениям нормам и задачах строя» [Хёффнер Й., 2001, с. 15]. В то же время православные богословы придерживаются разных точек зрения на необходимость создания православной социальной доктрины. Одни, как известный греческий теолог Г. Манцаридис (G. Mantzaridis), заявляют, что церковь не нуждается ни в собственной политической системе, ни в социальной доктрине, ни в создании социально-этической или этической системы, поскольку все, что необходимо религиозным христианам, как людям, так и миру, содержится в высказываниях Отцов церкви и постановлениях соборов [Hallensleben B., Sokolovski A., 2001, p. 6].

Другие выдвигают весомые аргументы в подтверждение ее необходимости. Так, игумен Вениамин (Новик) (1946–2010) писал, что поскольку христианство для христианина является не только «религией для внутреннего употребления» или неким терапевтическим средством утешения или системой самодисциплины, но принципом его жизни в целом, включая ее социальный, культурный, политический, экономический, экологический и даже биоэтический аспекты, его ориентация в социуме возможна при наличии у Церкви представления о некоем общественном идеале, воспринимаемом в эсхатологической перспективе спасения [Вениамин (Новик), игумен, 2000].

Социальная доктрина позволяет Церкви не только представлять свое видение общественного идеала, но и «предлагать или высказывать суждения о конкретных экономических, социальных

и политических ситуациях» [Sollogoub M., 2009], о современном ей обществе. В то же время, это не учение об обществе как таковом, а «представление об обществе, бытующее в свете и в фокусе преобразующей силы церкви, обществе рядом с церковью. Таким образом, социальное учение церкви имеет нормативную природу, преобразовывающую истины веры в нормы социальной жизни» [Костюк К.Н., 2014, с. 360]. «Создавая социальное учение, Церковь простирает свой дар Богопознания до способности высветить богословское содержание социального измерения жизни. Она определяет при этом те задачи, служения, методы, которые естественны и приемлемы для современного общества» [Костюк К.Н., 2001, с. 118].

После падения коммунизма сложилась ситуация, когда церковь может без вмешательства государства определять свое место в обществе. Эта ситуация поставила перед церковью целый ряд сложных задач, в частности задачу преодоления отгороженности от общественной жизни, сложившуюся в советское время. Сложность решения этой и других задач определялась тем, что постсоветское общество оказалось одним из самых секулярных обществ мира.

«Если раньше служитель Церкви общался почти исключительно со своими прихожанами, которые мыслили теми же категориями, что и он сам, то теперь священник столкнулся лицом к лицу с огромной массой невоцерковленных людей, чьи знания о религии были рудиментарными или нулевыми... Если раньше общество жило своей жизнью, а Церковь – своей, то теперь Церковь оказалась вовлеченной в общественную дискуссию по основным вопросам современности» [Иларион (Алфеев), 2005]. По сравнению с дореволюционным периодом коренным образом изменились профессиональная структура и уровень образования населения, исчезла прежняя «православная интеллигенция». В постсоветский период церковь столкнулась с феноменом религиозного плюрализма, информационной и политической открытости. Опыта существования в такой среде у РПЦ практически не было [Зубов А., 1995]. Очевидно, что старые дореволюционные модели взаимоотношений церкви и личности, церкви и общества в современных условиях не работают [Башкиров В., 2006; Браславский П., 2004, с. 6].

В то же время в самой церкви сформировались различные представления о способах взаимодействия с обществом, которые условно можно назвать фундаменталистскими и либеральными, и возникла необходимость в выработке внутрицерковного консен-

суса [Костюк К.Н., 2001, с. 116]¹. Создание социальной концепции можно рассматривать как часть процесса консолидации внутри церкви [Костюк К.Н., 2014, с. 360].

Инициатором и идеологом разработки социальной концепции РПЦ был будущий патриарх РПЦ, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Избранное им направление часто называют «новым консерватизмом», «модернизацией на основе традиции». Речь идет о соединении традиционных православных форм с современными аргументацией и стилистикой. Цель соединения старого и нового, по словам патриарха Кирилла, состоит в том, чтобы «христианская мотивация присутствовала во всем, что составляет сферу жизненных интересов человека» [Вовченко Б.В., 2010, с. 2]. Эта позиция будущего патриарха, а в немалой степени также его политическое чутье и организаторские способности оказали на содержание документа огромное влияние [Филатов С., 2012, с. 16; Костюк К., 2003; Костюк К.Н., 2014, с. 349].

В 1994 г. Архиерейский собор РПЦ принял решение о разработке «всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом» [Архиерейский Собор..., 1994]. Была создана рабочая группа, которой руководил митрополит Кирилл, и в которую вошли архиереи и клирики РПЦ, профессора духовных школ, сотрудники синодальных отделов.

Касаясь истории создания документа, прот. Всеволод Чаплин отмечал, что он был разработан в сжатые сроки в условиях давления как со стороны представителей различных точек зрения, существующих в среде верующих, так и со стороны светских политиков, которые хотели бы привязать социальную доктрину церкви к «политическому моменту». Составители же поставили перед собой цель создать систематизированную концепцию, рассчитанную не на год-два, а, по крайней мере, на ближайшие десятилетия, и приемлемую для всей церкви, что очень важно, учитывая, что почти половина приходов РПЦ находится за пределами РФ [Кырлежев А., 2003].

В ходе работы над концепцией использовались труды православных богословов, пастырей, философов, ученых². Но они, как

¹ Подробнее о социально-этических течениях в РПЦ в конце XX в. см.: [Костюк К., 2002].

² Однако игумен Вениамин (Новик) с сожалением отмечал, что в ОСК не содержится ни одной ссылки на работы русских религиозных философов XIX–XX вв., которые много сделали для осмысления религиозного значения зем-

отмечал митрополит Кирилл, выражают частные, часто противоположные мнения, а не официальную позицию РПЦ, которая по многим из обсуждавшихся вопросов никогда не выносила определенных суждений [Кирилл, митрополит., 2000]. При разработке концепции также принимались во внимание как католические, так и, в меньшей мере, протестантские документы, посвященные проблемам христианского социального учения. Главными же ее источниками были Библия и святоотеческое наследие [Кырлежев А., 2003].

Митрополит Кирилл объяснял, что документ назван «Основами», поскольку «по мере изменения государственной и общественной жизни, по мере появления в этой области новых проблем, требующих церковной оценки, социальное учение Церкви будет, несомненно, развиваться и совершенствоваться» [Кирилл, митрополит., 2000].

Принятые Архиерейским собором в 2000 г. ОСК стали первой за более чем тысячелетнюю историю официальной идеологической доктриной РПЦ, которая охватывает широкий спектр вопросов современной жизни¹ и свидетельствует о сильной «социальной традиции» РПЦ [Костюк К.Н., 2001, с. 116]. Документ является долгосрочной программой общественного служения церкви,

ного благополучия людей, к созиданию которого, в первую очередь, призваны общественные, политические организации и государство. Только в четвертой главе (IV. 2) приводится важная мысль В.С. Соловьёва (без ссылки на него) о праве как некотором минимуме нравственных норм, обязательных для всех членов общества, и о главной задаче закона как предотвращении ада на земле [Вениамин (Новик), игумен, 2000].

¹ Принятие ОСК стимулировало другие религиозные организации к разработке и представлению обществу своего видения этих проблем. В эту работу активно включились протестантские церкви России. Были разработаны и опубликованы «Основы социальной концепции Российского объединенного союза христиан веры евангельской», «Основы социального учения Церкви христиан адвентистов седьмого дня». В 2003 г. Консультативным советом глав протестантских церквей России была подготовлена и представлена общественности общая «Социальная позиция протестантских церквей России» [Ветров В.А., Попова В.А., 2014].

Принятие ОСК в определенной мере способствовало созданию в 2004 г. «Компендиума социального учения Церкви», в котором впервые в едином документе обобщается колоссальный теоретический и практический опыт католической церкви в решении актуальных проблем современности. Документ включает весь корпус социальных энциклик, папских посланий и иных форм пастырского наставления с понтификата Льва XIII (1878–1903) до настоящего времени [Корзо М.А., 2009]. Кроме того, ОСК послужили толчком для разработки социальных концепций российскими мусульманами и иудеями [Кырлежев А., 2003].

которая опирается на православное богословское осмысление ее положения в плюралистическом секулярном обществе [Безбородов М.И., 2011, с. 1, 2; Браславский П., 2004, с. 2].

По оценкам как отечественных, так и зарубежных специалистов, принятие ОСК – знаменательное событие в истории православия, одно из ключевых церковно-политических событий XX в., большой шаг РПЦ вперед [Коваль Т.Б., 2003, с. 43; Костюк К., 2002; Calvez J.-Y., 2008]. Многие считают, что РПЦ наконец преодолевает свою обычную позицию: «Мы спасаем индивидуальные души, а в дела общественные и политические не вникаем – это не наше дело» [Сомин Н.В., 2000].

В основе обращения РПЦ к проблемам социальной жизни лежит богочеловеческая природа церкви, связанной с миром общей тварной природой. Но будучи богочеловеческой, она призвана благодатным образом воздействовать на мир или вершить свою искупительную миссию. Целью церкви «является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира» [Основы социальной., 2005, I. 2]. Таким образом, формулируя ОСК как долгосрочную программу общественного служения, авторы документа рассматривают РПЦ в качестве единого организующего стержня, на который «нанизываются» все представленные в ОСК проблемы и суждения.

Такой подход определяет структуру документа, включающего короткую преамбулу и 16 тематических разделов. После изложения основных богословских положений, на которые опирается социальное учение, документ представляет позицию РПЦ по следующим вопросам: церковь и нация; церковь и государство; соотношение христианской этики и светского права; церковь и политика; труд; собственность; война и мир; преступность, наказание, исправление; личная, семейная и общественная нравственность; здоровье личности и народа; биоэтика; церковь и проблемы экологии; светские наука, культура и образование; церковь и СМИ; международные отношения, проблемы глобализации и секуляризации мира.

Сам перечень тем ОСК свидетельствует о том, что «лейтмотив послания верующим и всей стране – церковь должна участвовать во всех сферах народной жизни – образовании, науке, культуре, здравоохранении, экономической жизни, в армии и государственном управлении. Церковь способна преобразить Россию, и это ее долг» [Филатов С., 2012, с. 31]. При этом ОСК является богословским документом, который все явления общественной жизни свя-

зывает с божественным началом, поэтому светские люди не всегда могут согласиться с представленными в документе мировоззренческими толкованиями [Основы социальной концепции... («круглый стол»), 2001].

В преамбуле к ОСК отмечается, что документ обращен ко всем чадам РПЦ «сверху донизу», однако ОСК прежде всего адресованы духовенству в качестве ориентира при решении проблем, касающихся взаимоотношений церкви с государством, общественными институтами и движениями, а также с другими конфессиями. Одновременно они доводят до сведения светских властей официальное мнение церкви относительно того, на которых условиях она готова идти на компромисс со светским государством. Таким образом, это «рабочий» документ и для государственных служащих, занимающихся проблемами церкви и религии [Митрохин Л., 2002]. При этом церковные иерархи разъясняют, что нравственные требования, заложенные в ОСК, являются обязательными для исполнения не только священнослужителями, но рядовыми членами церкви [Иларион (Алфеев), 2005].

Поскольку ОСК в первую очередь призваны определить и обосновать статус РПЦ в современной России и прояснить, на какую роль она претендует в обществе, на первое место вынесены разделы о соотношении церкви и нации (II) и о взаимоотношениях церкви и государства (III). Последний раздел – один из самых объемных, содержит подробный анализ различных форм взаимоотношений церкви и государства, задает принципы отношений церкви с властями различных ветвей и уровней [Корзо М.А., 2009].

Остановимся несколько подробнее на вопросе взаимоотношений церкви и государства, поскольку он имеет отношение к социально-экономической проблематике.

Церковь допускает возможность взаимодействия «с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой», и при этом не ставит «прямой задачи обращения всех в Православие в качестве условия сотрудничества» [Основы социальной..., 2005, I. 4]. Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее представителей, но и молиться за нее [Основы социальной..., 2005, III. 2, III. 3].

Отмечая «непредпочтительность для церкви какого-либо государственного строя» [Основы социальной..., 2005, III. 7], церковь

в то же время считает идеалом для русского православия модель византийской симфонии властей, т.е. независимости, но и тесного взаимодействия и взаимопроникновения светской и церковных властей [Филатов С., 2012, с. 16; Православная церковь и модернизация..., 2010; Лунин Р., 2012, с. 175], а ее наиболее гармоничным воплощением является российская монархия [Основы социальной..., 2005, III. 4]. Демократическое государство, рассматриваемое как результат секуляризации, признается низшей по сравнению с монархией формой правления [Коваль Т.Б., 2008, с. 132]. Тем не менее с ним можно «соработничать» «в делах, служащих благу самой церкви, личности и общества».

Среди таких дел выделяются: забота о сохранении нравственности в обществе; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; милосердие и благотворительность, развитие совместных социальных программ; попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; профилактика правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; поддержка института семьи, материнства и детства; противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества [Основы социальной..., 2005, III. 8].

Очевидно, отмечает Г. Кочетков, что «если высшая церковная власть говорит о “симфонии” церкви и государства как о своей норме, то этим фактически признается нормой государственная религия, со всеми вытекающими отсюда последствиями в социально-политической и экономической сферах» [Православная церковь и модернизация..., 2010].

Говоря о видении церковью отношений с государством, митрополит Волоколамский Иларион подчеркивал, что церковь не стремится к слиянию с государством, она не вмешивается в дела государственного управления и политику, но в то же время хочет, чтобы государство учитывало интересы православных верующих. Церковь лишь до известной степени лояльна государству. Церковь может призвать своих чад к неповиновению властям в случае, когда власть явно требует от человека совершать грех [Иларион, митрополит Волоколамский..., 2010]. Тезис о допустимости гражданского неповиновения свидетельствует о нежелании церкви полностью терять самостоятельность, как это было в имперской России, и стремлении объединить плюсы прошлого и нынешнего положения. При этом гражданское неповиновение прихожанина РПЦ в реальной жизни может означать все что угодно – от недопущения ра-

ботников райотдела образования на территорию православного приюта до организации кампании против получения новых паспортов с электронным штрих-кодом, уничтожения «безнравственной» выставки или рекламных плакатов [Митрохин Н., 2004, с. 328].

Таким образом, формулируя свое отношение к государству, церковь полностью принимает его светский характер, обещает свою лояльность и определяет границы повиновения и поле сотрудничества. Тем не менее ностальгия по «более высоким формам государственного устройства», элементы неприятия принципа отделения церкви от государства, отсутствие открытого осуждения советской эпохи свидетельствуют о некоторой непоследовательности документа [Костюк К.Н., 2014, с. 364]. Эту же мысль высказывал и игумен Вениамин (Новик), отмечая, что «психологически РПЦ, несмотря на все исторические потрясения, продолжает ощущать себя государственной церковью (хотя бы потенциально), не хочет “сжигать мосты”, соединявшие ее с государством на протяжении столетий» [Вениамин (Новик), игумен, 2000].

В документе также нет определения таких исходных понятий, как гражданское общество, социально-экономическое развитие, рыночная экономика, коррупция и т.д. Между общими богословскими определениями и частными этическими нормами, между ветхозаветными представлениями и вполне современными оценками часто не оказывается связующего звена [Костюк К.Н., 2014, с. 361]. В то же время ОСК вводят в церковный лексикон такие понятия, как прибыль, интеллектуальная собственность, финансовые спекуляции, клонирование, глобализация и др. Таким образом, документ создает основу для дальнейшей разработки этих проблем богословской социальной мыслью [Браславский П., 2004, с. 7].

Специалисты отмечают, что на характер документа оказали влияние противоречия между различными группами внутри церкви. По оценке игумена Вениамина, «разные главы документа писались разными авторами и оказались концептуально не согласованными». К существенному недостатку ОСК он относил отсутствие вводной части [Вениамин (Новик), игумен, 2000]. Кроме того, во многих разделах содержатся прямо противоположные утверждения, по принципу «да», – «но». При этом «все “да”, так или иначе относящиеся к либерально-демократической позиции, были предельно лаконичными, в то время как все “но”, в которых... обосновывалась православная державность, обширными и фундаментально проработанными» [Коваль Т.Б., 2014, с. 205].

Несмотря на то что ОСК является в значительной степени рассуждением о тех идеальных условиях, в которых РПЦ могла бы наиболее полно реализовывать различные формы христианского служения, понимаемого как системообразующая идея христианского образа жизни [Корзо М.А., 2009], а также на отдельные недостатки документа, в целом православная социальная доктрина даже по западнохристианским меркам является уникальным историческим документом [Костюк К.Н., 2014, с. 361–362].

Экономические аспекты социального учения РПЦ

Христианские идеи, имеющие отношение к экономике, были высказаны еще во II–IV вв. Отцами церкви Василием Великим (IV в.), Иоанном Златоустом (347–407), Августином Блаженным (353–430) и др. Исходя из равенства всех людей перед Богом, Отцы церкви подчеркивали обязанность всех людей трудиться и получать вознаграждение за свой труд. Они утверждали, что работа, как физическая, так и умственная, очищает и освящает человека, что она не может быть позором.

Отцы церкви осуждали богатство, если оно становилось объектом поклонения, «любостяжательством», но довольно благосклонно относились к нему, если им распоряжались «великодушно и рассудительно», если богатые помогали общине и ее малоимущим членам. Отцы церкви подчеркивали, что подлинной ценностью для христианина являются не материальные, а духовные ценности.

В целом Отцы церкви признавали право частной собственности, но отдавали предпочтение ее обобществлению как добровольному акту пожертвования в пользу ближних, указывая при этом, что условием подлинной общности в собственности является духовная общность в любви и вере. В то же время всякое покушение на собственность ближнего рассматривалось ими как великий грех, поскольку оно является покушением и на его личность [Зейпель И., 1913; Коваль Т.Б., 2002; Коваль Т.Б., 2003; Коваль Т.Б., 2014; Сомин Н.В., 1998].

В России исторически сложилась самобытная национальная традиция отношения к труду, собственности, богатству, основанная на сочетании материальных и духовно-нравственных критериев, причем последние были преобладающими. Мировоззренческой и теоретической основой для ведения хозяйственной жизни в России традиционно было Священное Писание и основанное на нем «Домостроительство». «Домостроительство» в отечественной традиции

трактовалось как предписание честно трудиться, добросовестно вести домашнее и национальное хозяйство собственными силами для обеспечения достатка и изобилия, творить милостыню и помогать нуждающимся в соответствии с требованием евангельских заповедей [Дятлов С.А., 2006].

Основы домостроительства нашли отражение в своде правил – «Домострое» (середина XVI в.), автором которого считается священник Благовещенского собора в Москве Сильвестр. В «Домострое», в котором хозяйственные наставления связаны с религиозными, появился новый идеал православного христианина – домовитого и рачительного хозяина. «Экономическая рачительность, которая любит счет всего – от денег до ложек, – приобретает у Сильвестра характер христианской добродетели. Тот же, кто живет нерасчетливо, от безрассудства своего пострадает...». Он трактовал проблему собственности, исходя из того, что «имение и богатство» посылаются Богом как награда за трудовые заслуги и благочестие. Сильвестр прямо связывал обретение спасения с благочестием, щедрой милостыней и трудолюбием [Коваль Т.Б., 2014, с. 192–193].

Подобный подход к богатству, но по иным религиозным соображениям, характерен для старообрядчества. «В старообрядческой среде сформировалась особая трудовая этика, в которой ориентация на прибыль и предпринимательский успех получили религиозное оправдание – успех в делах воспринимался как знак Божьего благоволения» [Коваль Т.Б., 2014, с. 192–194].

Активные исследования взаимосвязи православия и хозяйственной жизни начались с середины XIX в. В определенной мере этому способствовало становление капитализма, а также возникновение и распространение идей социализма в России. Соединить духовное с практической социально-экономической жизнью стремились многие русские религиозные мыслители Серебряного века: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, о. Г. Флоренский и др.

Таким образом, экономическая часть социальной доктрины РПЦ возникла не на пустом месте. Понятия о социальных идеалах и нравственной составляющей хозяйственной деятельности содержались в учении православной церкви, но до принятия ОСК не формулировались в отдельном документе [Коваль Т.Б., 2014, с. 185]. Ту же мысль высказывал и прот. Всеволод Чаплин, отмечавший, что социальному учению церкви две тысячи лет, хотя оно и не было ранее «кодифицировано» [Кырлежев А., 2003].

Проблемы, непосредственно затрагивающие социально-экономические отношения, рассматриваются в ОСК в VI (Труд и его плоды), VII (Собственность) и пункте III раздела XVI (Международные отношения). При этом многие специалисты обращают внимание на то, что эти разделы оказались одними из самых кратких в документе. Кроме того, в отличие от многих других разделов, в них немного ссылок на богословские тексты. Авторы ограничились несколькими цитатами из Ветхого и Нового Заветов, несколькими краткими цитатами из Василия Великого и Иоанна Златоуста и одной из Климента Александрийского [Коваль Т.Б., 2008, с. 133; Сомин Н.В., 2000]. Тем не менее «экономические» разделы ОСК вписываются в рамки православной традиции, а их краткость можно объяснить тем, что «религиозно осмысленное признание земного благополучия представляет значительную трудность в русском православии, в котором святость традиционно ассоциировалась с первоначальным смыслом евангельской нищеты» [Игумен Вениамин (Новик), 2000]. Кроме того, «православное богословие прямо не затрагивает вопросы хозяйственной жизни, и они традиционно рассматриваются как лежащие за пределами сферы духовности» [Зарубина Н.Н., 2001, с. 100].

Т.Б. Коваль выделяет несколько наиболее важных черт православного типа религиозного сознания, оказывающих неоднозначное влияние на хозяйственно-экономическую жизнь. Во-первых, это теоцентризм, сосредоточенность православной мысли на Боге, а не на собственно человеческих проблемах. Во-вторых, свойственный православию особый эсхатологизм, под влиянием которого православие ориентируется на сверхмирные ценности, которые лежат за пределами земной жизни. Главная цель жизни православного человека – обретение жизни вечной, т.е. спасение, связывалась не с земными трудами или попытками усовершенствовать мир, а с тем, чтобы внутренне разорвать все связи и привязанности к земному. Поэтому хозяйственно-экономическое и культурное творчество, созидательный труд, совершенствование социальных отношений расценивались как помеха спасению. В-третьих, на отношение к хозяйственной деятельности мирян большое влияние оказал монашеский идеал, на который должны ориентироваться все верующие. Кроме того, в православной традиции молитва и «внутреннее делание» ставились несоизмеримо выше, чем всякая земная деятельность [Православная церковь и модернизация..., 2010].

В ОСК труд рассматривается как органичный элемент человеческой жизни, творческое раскрытие человека, «которому в силу

изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа». Но после грехопадения творческая составляющая труда ослабла, и он превратился в основном в способ добывания средств к существованию [Основы социальной..., 2005, VI. 1]. Ограничиваясь констатацией того, что творческая составляющая труда «ослабла», авторы ОСК не разъясняют, нужно ли верующему развивать ее или всю жизнь заниматься нелюбимым делом, принимая его как своего рода трудовую повинность. Отсутствует в ОСК и упоминание о новых технологиях, их влиянии на характер труда [Коваль Т.Б., 2008, с. 133]. Отмечая все же, что «совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствуют улучшению материальных условий жизни человека», авторы документа тут же предостерегают: «обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога» [Основы социальной..., 2005, VI. 3]. Таким образом, авторы отождествляют понятие «цивилизации» как таковой с «безбожной цивилизацией», усиливая свою мысль ссылкой на Священное Писание, в котором первыми строителями цивилизации называются потомки нечестивца Каина [Коваль Т.Б., 2008, с. 133].

Согласно ОСК, «труд сам по себе не является безусловной ценностью», т.е. он нейтрален, и положительные или отрицательные качества приобретает в зависимости от внутренней направленности и целей. Труд становится добродетелью, когда он «являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке». «Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам... а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти» [Основы социальной..., 2005, VI. 4]. Поэтому «Церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей» и соответствующий христианским нравственным нормам, делая исключение лишь для деятельности, «специально направленной на пропаганду порока, удовлетворение пагубных страстей и привычек, таких как пьянство, наркомания, блуд и прелюбодеяние». Такая деятельность греховна, «поскольку она развращает не только трудящегося, но и общество в целом» [Основы социальной..., 2005, VI. 5].

Авторы ОСК отдают предпочтение производительному труду, о чем свидетельствует выраженная в документе озабоченность церкви практикой финансовых спекуляций, в частности финансовых «пирамид», стирающих зависимость доходов от затраченного

труда, поскольку это приводит «к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства» [Основы социальной..., 2005, XVI. 3]. Церковь также положительно относится к творческому труду на благо общества [Основы социальной..., 2005, VII. 3]. Однако в отличие от западной церкви православие не создало стройной иерархии профессий и видов деятельности [Браславский П., 2004, с. 11], в ОСК ничего не говорится об организациях трудящихся – профсоюзах.

Согласно Священному Писанию, существует два нравственных побуждения к труду: «трудиться, чтобы питаться самому, никого не отягощая, и трудиться, чтобы подавать нуждающемуся». Однако высший идеал и пример для подражания авторы ОСК видят в хозяйственной деятельности русского монашества, т.е. труднической аскезы [Основы социальной..., 2005, VI. 4]. Из этого Т.Б. Коваль делает вывод, что труд мирян по нравственному достоинству, видимо, не равен труду иноков, поскольку монашество по традиции признается высшим образом жизни [Коваль Т.Б., 2008, с. 134].

Одной из наиболее острых социальных проблем всегда была проблема оплаты труда, и в ОСК выражена позиция церкви по этой проблеме. В документе подчеркивается, что «работающий вправе пользоваться плодами своего труда... а отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом». Но плоды труда не должны быть исключительным достоянием самого трудящегося. Заповедь Божия повелевает трудящимся заботиться о людях, которые не могут зарабатывать себе на жизнь: больных, беженцах, сиротах и вдовах, делиться с ними плодами труда, а «духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств» [Основы социальной..., 2005, VI. 6]. Из этого положения К.Н. Костюк делает весьма смелый вывод о том, что авторы документа формулируют идею социального государства и социального рынка [Костюк К.Н., 2014, с. 367], но не развивают эту тему, которая могла бы стать идейной путеводной нитью для государства с формирующейся рыночной экономикой [Костюк К.Н., 2014, с. 373–374].

Собственность определяется как «общественно признанная форма отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам», перечисляются обычные полномочия собственника: «право

владения и пользования, право управления и получения дохода, право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение объектов собственности» [Основы социальной..., 2005, VII. 1].

Одним из важнейших положений ОСК является библейская и святоотеческая идея об относительности права земной собственности для людей, поскольку абсолютное право владения всеми земными благами имеет лишь Бог, от которого люди получают эти блага. Основан на Священном Писании и тезис о том, что, несмотря на относительность земной собственности, человек имеет на нее право и посягательство на имущество ближнего недопустимо [Основы социальной..., 2005, VII. 2]. Напоминая об этом, авторы ОСК пишут, что, с одной стороны, «каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования», с другой – что главной жизненной целью человека является поиск Царствия Божьего и правды его, тогда как забота о хлебе насущном вторична.

При этом авторы документа подчеркивают, что церковь далека как от игнорирования материальных потребностей человека, так и от превознесения его устремления к достижению материальных благ как высшей цели и ценности бытия, поскольку «имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу» [Основы социальной..., 2005, VII. 1]. Однако, по мнению Т.Б. Коваль, подчеркивая тот факт, что в Священном Писании не содержится порицания богатства как такового, авторы документа «нравственно реабилитируют богатых» [Коваль Т.Б., 2008, с. 134]. Тем не менее, призывая верующих «воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним», церковь все же предупреждает, что «погоня за богатством пагубно отражается на духовном состоянии человека и способна привести к полной деградации личности» [Основы социальной..., 2000, VII. 2].

Церковь признает существование многообразных форм собственности (государственной, общественной, корпоративной, частной, смешанной), но не отдает предпочтения ни одной из них, поскольку при каждой из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ.

По мнению Н.В. Сомина, такая позиция объясняется тем, что на авторов ОСК «тяжелым грузом давили реалии мира сего: “окончательная и бесповоротная” победа в России капитализма с приматом частной собственности, наличие католической социальной доктрины, в основе которой опять-таки лежит частная собст-

венность, теория М. Вебера... и, наконец, дореволюционное российское богословие, где частная собственность объявлялась не просто незыблемой основой православной империи, но даже чем-то “священным”». Однако авторы ОСК не ставят частную собственность в основание концепции. В то же время разные формы собственности не могут быть равнозначными с моральной точки зрения [Сомин Н.В., 2000]. Таким образом, в вопросе о собственности РПЦ воздерживается как от суждений против «духа капитализма», так и от суждений в его пользу [Костюк К.Н., 2014, с. 367].

Особо следует подчеркнуть признание церковью интеллектуальной собственности. Церковь отвергает «отторжение и передел собственности с попранием прав ее законных владельцев» и осуждает нарушение авторских прав на интеллектуальную собственность. Исключением может быть отторжение собственности на основе соответствующего закона, обусловленное интересами большинства людей, которое сопровождается справедливой компенсацией [Основы социальной..., 2005, VII. 3].

Хотя РПЦ отказалась от споров о «более христианских» или «менее христианских» формах собственности, под которыми разные светские силы понимают то частную, то коллективную или общественную форму [Чаплин В., 2005], авторы ОСК все же демонстрируют особое отношение к одному виду собственности – имуществу религиозных организаций (очевидно, имея в виду имущество РПЦ). Они рассматривают его как особую форму собственности, основой которой является добровольная жертва верующих людей, т.е. добровольное отчуждение богатства ради получения нематериальных благ. «Пожертвования являются особым случаем экономических и социальных отношений, а потому на них не должны автоматически распространяться законы, регулирующие финансы и экономику государства, в частности, государственное налогообложение». Поскольку жертвователи отдали часть своего имущества Богу, а не священнику, «любые посягательства на пожертвования верующих являются преступлением перед людьми и Богом». По логике авторов документа это имущество обладает особым статусом, хотя при этом оговаривается, что к такой особой форме собственности «не относится имущество, приобретенное в результате предпринимательской деятельности различных церковных организаций» [Основы социальной..., 2005, VII. 4].

Однако при сложившейся практике отделить пожертвования от средств, полученных от продажи (церковной утвари, свечей, литературы и т.д.), весьма затруднительно. Заметим, что при про-

даже платится косвенный церковный налог, являющийся формой пожертвования. В связи с этим актуально внедрение в церковных структурах системы бухгалтерского учета, способной сделать церковные финансы более прозрачными [Лукин С.В., 2014].

Включение в ОСК пункта об имуществе религиозных организаций, по-видимому, объясняется тем, что в 1990-е годы РПЦ превратилась в гигантскую корпорацию, объединяющую под единым названием десятки тысяч самостоятельных или полусамостоятельных агентов (священников, приходов, монастырей, а также коммерческих структур, действующих при храмах) с непрозрачным бюджетом [Коваль Т.Б., 2008, с. 135]. И одновременно в завуалированной форме заявила свои претензии на возвращение церкви принадлежавшего ей до революции 1917 г. имущества¹.

В XVI разделе ОСК поднимаются такие актуальные проблемы современности, как глобализация и секуляризация. В экономике глобализация связана с возникновением транснациональных корпораций, в руках которых сосредоточены значительные материальные и финансовые ресурсы. Они не подконтрольны национальным государствам и не признают никаких пределов – «будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность или необходимость сохранения экологической и демографической устойчивости».

В то же время глобализация, облегчающая перемещение людей и товаров, распространение и получение информации благодаря новым технологиям, рассматривается прежде всего как культурная экспансия западного общества, «стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную

¹ Вопрос о собственности РПЦ весьма неоднозначен. До революции церковь не была отделена от государства, и после указов Екатерины Великой все основное церковное имущество – храмы, школы, земли, утварь – находилось на государственном балансе, а священники – на государственном жаловании. Церковное имущество, которым управлял Священный Синод, кроме незначительного по объему имущества церковных общин, обслуживалось и поддерживалось за счет государства [Ревзин Г., 2010]. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» религиозные организации в России были лишены всех прав юридических лиц, а имущество существующих в России церковей и религиозных обществ объявлено народным достоянием. Таким образом, имущество православной церкви является собственностью, наследованной советским государством в составе прочего государственного имущества, кроме безукоризненно доказанных случаев приобретения собственности на пожертвования.

культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и меры истины».

«Признавая неизбежность и естественность процессов глобализации», авторы ОСК указывают на «внутреннюю противоречивость этих процессов и связанные с ними опасности», в первую очередь для большинства стран, которые, не имея равного с развитыми странами доступа к базовым технологическим ресурсам, выброшены на обочину мировой цивилизации. Поэтому «Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики... через использование всех механизмов, доступных обществу и государству», не уточняя какие это механизмы и каким образом их можно использовать.

Протестуя против «духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией», церковь выступает за такое мироустройство, «которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния». Напоминая о том, что «многие национальные культуры имеют христианские корни, и последователи Христовы призваны способствовать укреплению взаимосвязанности веры с культурным наследием народов, церковь решительно противостоит явлениям антикультуры и коммерциализации информационно-творческого пространства» [Основы социальной..., 2005, XVI. 3]. Однако стремление церкви отстаивать традиционные ценности и духовные устои христианских, в частности православных народов, носит декларативный характер, поскольку никаких конкретных предложений ОСК не содержат.

Развитие экономических идей ОСК после 2000 г.

Определенное развитие экономические идеи ОСК получили в принятых Архиерейским собором 2008 г. «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», хотя экономической проблематике в документе посвящен один небольшой раздел «Социально-экономические права». В нем очень коротко излагаются положения ОСК о труде и собственности с точки зрения социально-экономических прав личности. Напоминается, что «земная жизнь невозможна без удовлетворения материальных потребностей человека...», но поскольку «правильное

пользование материальными благами небезразлично для дела спасения... необходимо придавать ясное нравственное измерение таким правам и свободам, как право собственности, право на труд, право на защиту от произвола работодателя, свобода предпринимательства, право на достойный уровень жизни». При этом реализация экономических прав не должна становиться инструментом экономического и финансового превосходства богатого человека над бедным, развитых экономик над слабыми, а также вести к формированию общества, в котором пользование материальными благами превращается в цель существования. Кроме того, экономические и социальные права призваны предотвратить расслоение общества и социальную конфронтацию, поскольку это «противно заповеди о любви к ближнему». Общество призывают заботиться «о людях, неспособных обеспечить свои материальные потребности», в частности обеспечивать доступ к образованию и жизненно необходимой медицинской помощи независимо от социально-экономического положения человека [Основы учения..., 2008, IV. 8].

В последующие годы экономические аспекты социального учения РПЦ развивались и уточнялись в документах созданного в 2009 г. Экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси¹ (ЭС). В июле 2009 г. на первом заседании ЭС были одобрены два программных документа: «Заявление в связи с мировым финансово-экономическим кризисом» и «Заявление в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года», а в июле 2010 г. в Киеве на втором заседании ЭС – заявление, посвященное межгосударственному стратегическому партнерству в экономической сфере.

Давая оценку сложившейся в мировой экономике ситуации, ЭС отмечает, что современный экономический кризис носит не только глобальный, но и системный характер. Первопричиной кри-

¹ Согласно Положению о совете, утвержденному 10 июня 2009 г., основной задачей этой структуры является нравственное осмысление экономических процессов в России и мире в целом, поиск эффективных путей решения проблем отечественной экономики с опорой на базовые духовные ценности Православия [Экспертный совет «Экономика и этика», 2009]. Таким образом, внутри отделенной от государства религиозной структуры создан орган, предназначенный для информирования и консультирования патриарха по вопросам экономики и хозяйствования, сбор материалов, необходимых РПЦ при написании внутренних церковных документов, в т.ч. социальной концепции; для предоставления результатов государству и обществу, которым могут пригодиться интересные находки и решения, сделанные церковью [«Экономика и этика» при..., 2010].

зиса является деградация нравственной мотивации хозяйствования, утрата высшей цели экономики, «закключающейся в построении гармоничного и справедливого общества, в котором человек имеет возможность реализовать свой профессиональный и духовный потенциал независимо от социального положения и политических взглядов». Однако доминирование культуры общества потребления приводит к тому, что миллионы людей во всем мире «влачат нищенское существование, страдают от голода и социальной дискриминации, от последствий деградации окружающей среды».

В документе подвергаются сомнению необходимость дальнейшего существования «господствующей в мире экономической парадигмы»¹, слабость которой состоит «в ее отчужденности от нужд и чаяний обычного человека». Подчеркивается, что «потенциально возможная новая модель мирового развития должна быть основана на принципах справедливости, эффективности и общественной солидарности». При этом Россия «с ее многовековой культурой, основанной на ценностях соборности, самоограничения, умеренности, жертвенности и патриотизма» может и должна стать примером ее создания.

В документе также подвергаются критике глобальная финансовая система и США, которые «контролируют большую часть мирового рынка, подрывая основополагающий принцип равных конкурентных возможностей для всех участников мировой экономической системы».

Практически впервые в официальном документе РПЦ поднимается вопрос о банковском проценте и ростовщичестве. Учитывая, что «финансовая система остается производной от реального

¹ Выступая в дискуссии «Есть ли будущее у капитализма?» на Гайдаровском форуме в январе 2015 г., глава Отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви и общества (ОВЦО) прот. Всеволод Чаплин, явно учитывая состав аудитории, заявил, что начало XXII в. мир встретит в условиях либо глобальной диктатуры, либо огромного разнообразия форм государственности, экономических моделей, векторов развития. «Будут конкурировать модели экономики, основанные на банковском проценте и на отказе от ростовщичества, на отрыве финансовой экономики от реальной или на восстановлении их связи, на деньгах, обеспеченных “твердыми” материальными ценностями или независимых от них». Однако, по мнению о. Всеволода, сохраняется опасность силовой, диктаторской доминанты одной из политических и экономических моделей, и силовой фактор в споре цивилизаций может оказаться главным. В этих условиях следует учитывать, что «разнообразие несравненно лучше, чем диктатура, а тем более война» [Председатель Синодального отдела..., 2015].

сектора экономики и должна служить интересам его развития», церковь указывает на моральную неприемлемость действий финансистов, препятствующих выполнению «главной задачи банков – накоплению и перераспределению денежных средств для более эффективного развития реального производства товаров и услуг». Не призывая к отказу от использования современных финансовых инструментов, «а уже тем более к возврату к натуральным формам хозяйствования», авторы документа советуют «трезво взвесить и оценить существующие в мире финансовые модели».

Выход из кризисной ситуации ЭС видит в комплексе мер, направленных на создание нравственной атмосферы в деловых взаимоотношениях, расширение инвестиций в социально ответственные предприятия с использованием инструментов налоговой политики и кредитования, развитие малого и среднего предпринимательства [Заявление... в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, 27.07.2009].

«Заявление, касающееся стратегии развития России до 2020 г.» относится к первому варианту «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Концепция), утвержденной Правительством РФ в ноябре 2008 г. (ее обновленный вариант был принят в 2011 г.). Концепция определяла пути и способы обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе в долгосрочной перспективе.

Заявление ЭС свидетельствует о безусловном одобрении Концепции церковью («без преувеличения, ключевая роль в процессе созидания достойных условий жизни нашего народа отводится стратегии развития России на период до 2020 года») и ее целей («достижение кардинального повышения эффективности и социальной ориентированности российской экономики»). В нем также определяются условия перехода к инновационному развитию (возрождение трудовой этики; уважение к труду; ответственная социальная политика; справедливая конкуренция; солидарность поколений и социальных групп; социальная справедливость), т.е. РПЦ ясно заявляет о приверженности церкви социальному и правовому государству [Заявление... в связи с обсуждением..., 27.07.2009].

Несмотря на в целом декларативный характер документа, в заявлении впервые говорится о необходимости не вообще справедливой оплаты труда, а предлагается, хотя и без какой-либо конкретики, «определить ясный и разделяемый обществом критерий

определения справедливой оплаты труда, позволяющей честному работнику жить достойно и обеспечить необходимые потребности своей семьи», а также о справедливом распределении национального дохода. Подчеркивается, что «весьма опасно абсолютно неприемлемое различие в доходах между богатыми и бедными, сложившееся в нашей стране... Важной мерой в решении этой проблемы является внедрение таких стандартов общественного поведения, при которых наиболее богатые и успешные готовы добровольно разделять преимущества своего положения в обществе с малообеспеченными и социально незащищенными людьми» [Заявление... в связи с обсуждением..., 27.07.2009].

В Заявлении ЭС (июль 2010 г.) рассматриваются проблемы межгосударственного стратегического партнерства в экономической сфере, участвовать в котором должны «братские славянские народы, вышедшие из одной купели крещения – Киевской Руси». Можно предположить, что это заявление было связано с близящимся к завершению процессом окончания первого этапа создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, в который, как изначально предполагалось, должна была войти и Украина.

Возможно, РПЦ в рамках соработничества с государством пыталась повлиять на отношение Украины к евразийской интеграции, выступив с политической инициативой о создании «масштабной инфраструктуры» долгосрочных совместных проектов с участием России, Украины и Белоруссии, призывая «строить межгосударственные экономические отношения на принципах эффективности, справедливости и солидарности» [В Киеве..., 2010].

По оценкам некоторых обозревателей, заявление является очередной декларацией особой роли православия в образовании общности народов России, Украины и Белоруссии и призывом к политикам, предпринимателям, ученым, государственным и религиозным деятелям «хранить это единство и максимально эффективно, но вместе с тем бережно развивать новые положительные реалии» [«Экономика и этика» при..., 2010]. Наряду с этим констатируется, что существующее на этой основе «единое экономическое пространство нуждается в межнациональной интеграционной идеологии и в новой, основанной на ценностях православной цивилизации, прикладной этике бизнеса» [Заявление... от 29 июля 2010 года]. При этом ЭС с помощью понятий нравственно-экономических «механизмов» и «пространства» выделяют из международного сообщества некое славянское экономическое сообщество

[«Экономика и этика» при., 2010], идеология которого «может послужить образцом наведения духовных и экономических мостов между странами Восточной Европы» [Заявление... от 29 июля 2010 года].

Следует отметить, что в документах ЭС полностью отсутствует богословская терминология, по стилю они мало отличаются от документов любого государственного ведомства. Церковь ничего нового не сказала о причинах экономического кризиса, просто повторив выводы светских аналитиков. В то же время в них красной нитью проводятся идеи о необходимости справедливой и нравственной экономики, ведущей роли России в оздоровлении человеческой цивилизации, которая может и должна показать пример другим странам в соединении экономики и нравственности. Как отмечает С. Филатов, «независимо от личной веры в Бога патриарх Кирилл и его единомышленники проповедуют не веру в Бога, а неославянофильскую идеологию национального возрождения, по сути своей светскую» [Филатов С., 2012, с. 34]. Но как бы ни относиться к документам ЭС, они, в отличие от ОСК, вполне убедительны и понятны светскому обществу.

Социально-экономическая тематика широко обсуждалась на съездах Всемирного Русского народного собора (ВРНС)¹, хотя, строго говоря, его документы не являются официально церковными. В 2004 г. ВРНС принял «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования» (Свод). В его подготовке участвовали В. Мау, С. Глазьев, прот. Всеволод Чаплин, представители Торгово-промышленной палаты РФ, Российского союза промышленников и предпринимателей и ряда других организаций, а также представители других традиционных для России конфессий. По словам митрополита Кирилла (Гундяева), разработчики документа изначально постарались уйти от узко конфессиональной трактовки текста, стремясь «создать такой документ, который в понятных всем выражениях объяснял бы основные принципы ведения дел в экономике и был бы в равной степени приемлем как для людей, исповедующих Православие, так и для представителей других религий, а также

¹ Всемирный Русский народный собор (ВРНС), объединяющий многочисленные общественные организации в России и за рубежом под эгидой РПЦ, был создан в мае 1993 г. по ее инициативе. Духовным вождем Собора стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Первым главой Собора стал Святейший патриарх Алексий II. С 1 февраля 2009 г. главой Собора является патриарх Кирилл. – *Прим. авт.*

для людей нерелигиозных [Кирилл (Гундяев), митрополит, 2005]. По мысли авторов документа, Свод будет способствовать экономическому росту и тем самым укреплению позиций России на международной арене.

Свод основан на десяти библейских заповедях и опыте их усвоения христианством и другими традиционными религиями России. Он описывает идеальную модель хозяйствования, «которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности» и «предлагается для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование» [Свод нравственных..., 2004].

Первая заповедь гласит: «Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны». Обращаясь к проблеме богатства и бедности, авторы Свода (вторая заповедь) предупреждают бизнесменов: «Богатство – не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа», напоминая, что «использование собственности в хозяйствовании не должно носить узкоэгоистический характер, противоречить общему интересу», а «присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе» (восьмая заповедь). В то же время авторы Свода (вторая заповедь) напоминают бедным, что, поскольку «бедность – это испытание, как и богатство», «бедный человек обязан достойно вести себя, стремиться к эффективному труду, повышать свой профессиональный уровень, чтобы выйти из бедственного состояния» [Свод нравственных..., 2004]. При этом, отмечает Т.Б. Коваль, непонятно, каким образом, по представлению разработчиков кодекса, бедствующие люди могли бы реализовать эти требования, чтобы считаться нравственными [Коваль Т.Б., 2014, с. 212].

Рассуждая о налогах (восьмая заповедь), авторы Свода отмечают, что их неуплата – это «хищение у сирот, стариков, инвалидов, других самых незащищенных людей». «Передача в виде налогов части своего дохода на нужды общества должна превратиться из тягостной обязанности, исполняемой подневольно, а иногда и вовсе не исполняемой, в почетное дело, достойное благодарности общества». Соккрытие доходов, незаконный увод капиталов за рубеж,

нежелание платить работникам достойное жалование равнозначны обкрадыванию соотечественников [Свод нравственных..., 2004].

Останавливаясь на проблеме национализации и приватизации (десятая заповедь), авторы Свода подчеркивают необходимость уважения института собственности, поскольку ее необоснованное изъятие «подрывает экономическую стабильность, разрушает веру людей в справедливость». «Национализация частной собственности нравственно оправдана только тогда, когда ее использование заведомо противоречит интересам общества, угрожает безопасности и жизни людей. В любом случае изъятие собственности должно проводиться строго по закону и при условии справедливой компенсации».

В то же время приватизация, т.е. законная передача общественной собственности в частные руки «нравственно оправдана», если ее следствием является «реальное улучшение качества товаров и услуг, снижение цен, укрепление экономики, построение динамичного, справедливого и гармонично развивающегося общества» [Свод нравственных..., 2004]. Таким образом, через Свод РПЦ уточнила положительное отношение к частной собственности.

Разработчики Свода (девятая заповедь) признают, что конкуренция является одним из двигателей экономики, тогда как монополизм равнозначен консервации и отсталости. «Результаты добросовестной конкуренции служат интересам общества, она ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения». При этом Свод призывает предпринимателей при ведении дел не «пользоваться нравственно ущербными приемами» и не прибегать к рекламе, содержащей откровенный обман, эксплуатирующей греховные инстинкты человека, оскорбляющей его религиозные и национальные чувства. Такая реклама «должна считаться делом безнравственным и не поддерживаться предпринимательским сообществом» [Свод нравственных..., 2004].

Л. Регельсон рассматривает Свод как попытку «облагородить» принципы свободного предпринимательства, взяв на вооружение традицию «старообрядческого капитализма», чтобы сделать частное предпринимательство более приемлемым для массового русского сознания, которое его пока отторгает [Православная церковь и модернизация..., 2010].

Со своей стороны, Т.Б. Коваль указывает на изобилие в тексте общеизвестных истин (предприниматели и чиновники должны быть

честными и добропорядочными, добрыми и милосердными, что поможет подъему экономики и процветанию граждан), отмечая, что со многими установками Свода нельзя не согласиться. В то же время довольно сомнительным выглядит стремление разработчиков подкрепить свои призывы к нравственности рассуждениями о том, что нравственным быть выгодно. «Если человек созидает материальные блага исключительно для себя, своей семьи, своей социальной группы, при этом пренебрегая интересами других, — он преступает нравственный закон и многое теряет в экономическом смысле» (вторая заповедь). Или: «Чем больше доверия к твоему делу, тем быстрее растет его доходность. Честность — это инвестиции в будущее» (девятая заповедь). Подобные попытки обосновать христианские добродетели земной выгодой не совместимы ни со святоотеческим учением, ни с русской православной традицией.

Рассуждая о деньгах, авторы Свода говорят, что они должны находиться в постоянном движении, в обороте. «Дело — настоящее, захватывающее целиком, — вот богатство предпринимателя. Отсутствие культа денег раскрепощает человека, делает его внутренне свободным». Т.Б. Коваль считает это утверждение принципиально новаторским в православной мысли, поскольку оно находится «в прямом противоречии с традиционным подходом, согласно которому истинное богатство имеет духовный характер. Оно не воплощается в материальных благах, “деле” или проекте, а предприниматель, если он, конечно, христианин, должен с точки зрения традиционного православного богословия стяжать духовное богатство, а не сосредоточиваться целиком и полностью на своем бизнесе» [Коваль Т.Б., 2014, с. 210–211].

В то же время К.Н. Костюк отмечает, что в Своде получила развитие тема, не нашедшая отражения в ОСК: оправдание богатства и собственности как Божьего источника и средства служения Богу и отечеству. Конечно, православный документ не видит в богатстве Божью награду, а, скорее, концентрируется на ответственности предпринимателя: «Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости» (вторая заповедь) [Костюк К.Н., 2014, с. 376–377].

С. Глазьев рассматривает документ как подспорье для создания механизмов общественного контроля за действиями властей на основе традиционных нравственных ценностей российской культуры [Глазьев С., 2006].

В марте 2007 г. прошел XI съезд ВРНС под названием «Богатство и бедность: исторические вызовы России». В Соборном слове XI Всемирного Русского народного собора констатируется, что «внутри страны большинство населения живет бедно, в то время как богатство “избранных” постоянно увеличивается». При этом подчеркивается, что как курс на личное обогащение в ущерб интересам государства и народа, так и ставка на «замену олигархической модели бюрократической системой управления» не имеют перспективы [Соборное слово..., 2007].

Участники съезда предлагают решать проблему бедности политико-экономическими средствами с учетом русской национальной традиции. К ним относятся: введение прогрессивной шкалы налогов на сверхдоходы и предметы роскоши с направлением вырученных средств на сокращение имущественных диспропорций; отказ от резкого увеличения налога на жилье в соответствии с рыночной стоимостью недвижимости, поскольку он ударит не по богатым, а по бедным, и не даст оформиться среднему классу; вложение доходов от «продажи богатств, которыми наделил нас Творец», в страну и в людей; создание «действенных механизмов использования стабфонда для развития высокотехнологичной промышленности, обновления инфраструктуры, поддержки науки и образования, а также для помощи наиболее незащищенным слоям населения»; обновление основных фондов российских предприятий; радикальный пересмотр доли зарплаты в распределении прибыли; усиление правового и общественного контроля за тратой народных денег. «Особенно важно победить коррупцию, которая, став удавкой на шее российской экономики, особенно малого и среднего бизнеса, чудовищным образом подрывает престиж страны и осложняет инвестиционный климат» [Соборное слово..., 2007].

Конечно, со многими предложениями ВРНС можно согласиться, но нельзя не признать их декларативный и популистский характер.

Последней экономической инициативой РПЦ, с которой в ноябре 2014 г. выступил глава ОВЦО прот. Всеволод Чаплин, является проект создания системы православного банкинга. По его словам, «необходимо в мире наращивать роль механизмов, не основанных на ростовщичестве. Иначе неизбежный конец финансового пузыря, работающего по принципу “деньги делают деньги”, может привести к катастрофическим последствиям или даже к большой войне, на которую можно было бы списать все» [Чинкова Е., 2014].

Хотя эта тема уже несколько лет муссируется в церковных и околоцерковных кругах, никогда прежде она не звучала так предметно, как в конце 2014 г. А.И. Нотин объясняет это реакцией «православных банкиров» на письмо Ассоциации российских банков (АРБ) в ЦБ РФ с предложением о создании в России исламских банков и наделении их государственными льготами. В связи с этой инициативой была сформирована «Общественная рабочая группа», которая, собственно и продвигает концепцию создания «Православной финансовой системы» (ПФС), основными элементами которой станут Православный специализированный низкорисковый банк (ПСБ), православные инвестиционные фонды и компании (ПИФК) [Нотин А.И., 2015].

По словам члена «Общественной рабочей группы» и одновременно члена комитета по инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты РФ Д. Любомудрова, предполагается, что уставный капитал ПСБ будет разделен на равные пакеты (не больше 10%), которые нельзя перепродавать, консолидировать, перекупать, что позволит избежать формирования контрольного пакета. Планируется, что ПСБ в основном будет заниматься расчетными операциями, проектным финансированием (отказ от ссудного процента в пользу долевого участия кредитной организации в капитале «заемщика» по аналогии с исламскими банками), а также оказанием крупным предприятиям и холдингам возмездных услуг по высокотехнологичному «бюджетированию проектов». При этом он не будет заниматься проектами, связанными с повышенными рисками, выдавать кредиты и участвовать в организации спекулятивной торговли на валютном и фондовом рынках, т.е. заниматься ростовщичеством. Как только соберется группа, насчитывающая не менее 11 персон (это могут быть и «физические», и «юридические лица») и минимальный капитал в 400 млн руб., система начнет функционировать.

ПИФК предназначены для финансирования реального сектора экономики, приобретения оборудования, технологий и производственных площадей. Они не будут вкладывать средства в производства, поощряющие пороки, а также не будут оказывать финансовых услуг населению.

Инициаторы полагают, что ни новые законы, ни налоговые льготы, ни какие-либо преференции новому православному финансовому проекту не нужны. Работа будет идти на общих основаниях [Яковлева Е., 2015].

Со своей стороны, глава ОВЦО, поддержавший инициативу предпринимателей, в январе 2015 г. разослал письма главам пяти регионов – Белгородской, Кемеровской и Псковской областей, Республики Марий Эл и Ставропольского края – с призывом включиться в пилотный проект создания христианского финансового института.

Однако некоторые аналитики оценивают концепцию православного банкинга не просто как сырую, а в принципе вызывающую серьезные профессиональные и духовные сомнения [Катасонов В., 2015; Нотин А.И., 2015]. Поскольку любой так называемый банкинг по определению является ростовщической деятельностью, а величина взимаемого процента при этом не имеет никакого значения, в переводе на русский язык термин «православный банкинг» может означать только одно: «православное ростовщичество». Запущенная кем-то идея «православного банкинга», по мнению В. Катасонова, способна лишь дискредитировать РПЦ [Катасонов В., 2015].

Вместо громогласных деклараций и амбициозных проектов с весьма спорной и сомнительной духовной «начинкой» необходимо создавать сообщества православных предпринимателей, а в более широком контексте – малых социумов православных людей, включающих не только предпринимателей, но и потребителей товаров и услуг. В истории «русского капитализма» конца XIX – начала XX в. средством противодействия агрессивной капиталистической среде были такие хозяйственные формы, как потребительская и производственная кооперация, а в денежной сфере – кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования [Катасонов В., 2015; Нотин А.И., 2015].

Заключение

Хотя постсоветский период можно считать самым продуктивным с точки зрения развития социальных идей РПЦ (именно в эти годы были приняты официальные или одобренные церковью документы, в той или иной степени отражающие ее отношение к социально-экономическим проблемам современной России, а также состоянию мировой экономики и международному экономическому сотрудничеству), «социально-этические воззрения православной церкви сегодня – это не ясные доктрины, а скорее многослойные, но слабые токи, пронизывающие публичный дискурс и иногда задевающие и слегка отрезвляющие светскую общественность» [Костюк К.Н., 2014, с. 336]. Вне поля зрения церковной мысли ос-

тались, например, проблемы информационного общества, развития Интернета, трансформации социальных структур в сети [Костюк К.Н., 2014, с. 393]. Поэтому сегодня в рамках этики заповедей невозможно ответить на вопрос, как жить христианину в мире растущего богатства и устрашающей бедности, рыночных императивов, цифровых разрывов, биржевых катастроф. Для этого необходимо «глубокое понимание и проникновение в суть происходящих социальных процессов» [Костюк К.Н., 2014, с. 394]. В целом очевидно, что «социальная концепция церкви “не сработала”, не вышла из лабораторных рамок, предназначенных для церковных интеллектуалов». Общество ее не заметило, а она не сблизилась с церковью с обществом [Костюк К.Н., 2014, с. 398].

Таким образом, церковь, несмотря на заявления ее лидеров или ориентированных на нее экспертов о том, что РПЦ является ведущим институтом гражданского общества, все же не может полностью считаться таковым. С институтом гражданского общества РПЦ сближает, например, движение самоорганизации людей, по собственной инициативе возрождавших церковные общины в 1990-е годы; жесткие выступления церкви против программ полового просвещения и регулирования рождаемости. Даже не соглашаясь с ее позицией, следует признать, что в этом вопросе она выступала как самостоятельная сила. Самостоятельность церковного института ярко проявилась в борьбе с ювенальной юстицией.

Заявление Святейшего патриарха о том, что смысл всей деятельности Церкви, в том числе диалога с обществом, – это желание утвердить в жизни людей традиционные духовно-нравственные ценности, без которых немислим гражданский мир и развитие [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2012], означает, что РПЦ представляет собой самостоятельную силу, ориентированную на свою внутреннюю мотивацию и независимую от государственных инструкций, т.е., по сути, является частью гражданского общества. В то же время такие характеристики РПЦ как закрытость, копирование госструктуры, дефицит солидарности, отсутствие самокритики и подавление человеческого волеизъявления не позволяют считать РПЦ в полной мере институтом гражданского общества [Кнорре Б., 2012].

Представляется, что в целом РПЦ больше ориентируется на взаимодействие с государством, чем с гражданским обществом. В течение последних двух десятилетий РПЦ последовательно восстанавливала свое материальное имущество. Ключевым моментом стало принятие в декабре 2010 г. закона о передаче в собствен-

ность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находившегося в ведении государства. Среди прочих потенциальными объектами для передачи могут стать земельные участки, храмы, монастыри и другие здания, а также предметы религиозного культа, часть которых сегодня имеет статус исторических памятников. Противники законопроекта утверждали, что в такой ситуации нельзя говорить о восстановлении исторической справедливости. Критике со стороны представителей различных конфессий в России подвергается и тот факт, что иногда РПЦ получала право на объекты, ранее принадлежавшие другим религиозным сообществам. Свое недовольство высказывают и сотрудники культурных учреждений и общественных организаций, расположенных в зданиях, на которые претендует церковь. Они опасаются потерять свои помещения. Представители епархий в свою очередь утверждают, что не собираются никого «выгонять на улицу» и желают лишь защитить по праву принадлежащие им объекты [Яжиньска К., 2013]. Тем не менее борьба за недвижимость, сопровождаемая обвинениями и высокомерием в адрес оппонентов, а иногда разрушением музейных комплексов, вредит авторитету РПЦ.

В РПЦ выкристаллизовывается строго централизованная система владения полученной собственностью, что делает более централизованной всю систему внутрицерковного управления. Кроме того большинство храмов будет зависеть от бюджетных средств, выделяемых на реставрацию и восстановление церковных памятников культуры. В настоящее время значительная часть памятников и брошенных церквей находятся в упадке или не получают регулярного финансирования. Когда РПЦ оформит право собственности на тысячи объектов, которые можно считать памятниками культуры, может оказаться, что на реставрацию и восстановление собственнику, т.е. Московской патриархии, придется выделить из госбюджета не 2 млрд руб., как было предусмотрено на 2010 г., а 20 млрд [Филатов С., 2012, с. 47–48]. Церковь может превратиться в вечного реципиента бюджетных денег, потому что без помощи государства все это имущество невозможно содержать в порядке. Победа патриарха Кирилла в борьбе за глобальную реституцию может только увеличить имеющуюся зависимость церкви от государства. Еще одна сложная проблема – отношение к сохранению культурного наследия. Существуют разногласия между представителями РПЦ и светскими специалистами – историками, искусствоведами, краеведами – по поводу того, кто лучше сохранит

национальное наследие и кто «правильнее» оценивает церковное искусство [Филатов С., 2012, с. 50].

Выступая 30 ноября 2010 г. на встрече с сотрудниками ОВЦО, патриарх Кирилл так оценил достигнутые успехи: «В области церковно-государственных отношений в России на сегодня не осталось ни одного принципиального вопроса, который бы содержал в себе некий конфликт между Церковью и государством». По его словам, было три таких вопроса: «присутствие религиозно ориентированных дисциплин в школе, участие духовенства в Вооруженных силах и возвращение Церкви незаконно отнятого у нее имущества» [Состоялась встреча..., 2010].

Список литературы

1. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1994 г. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/417674.html>
2. Башкиров В., протоиерей. Основы социальной концепции Русской православной церкви: (Краткий аналитический обзор) // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Минск, 24–26 мая 2006 г. – Режим доступа: <http://sobor.by/obzor.php>
3. Безбородов М.И. Общественно-политическая идеология Русской православной церкви: Определение модели церковно-государственных отношений // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы IX Международ. науч. конф. Иваново, 10–11 февраля 2011 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – Ч. 1. – С. 75–81.
4. Браславский П. Современный социально-экономический этос Русской православной церкви: Перспективы и границы толерантности. – М., 2004. – 18 с.
5. В Киеве состоялось очередное заседание Патриаршего совета «Экономика и этика». – 29.07.2010. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1233707.html>
6. Вениамин (Новик), игумен. Об «Основах социальной концепции Русской православной церкви»: (Критические замечания на первые пять глав) // Христианские начала экономической этики. Научно-богословская конференция. – Октябрь 2000 г. – Режим доступа: http://dl.biblion.realin.ru/text/14_Disk_EPDS_-_vse_seminarskie_konspekty/Uchebnye_materialy_1/economika.doc
7. Ветров В.А., Попова В.А. Социальная деятельность православия, католицизма и протестантизма на территории современного Российского государства // Научный поиск. – Иваново, 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://reabcentr.ru/2011-05-04-06-47-04/2769-s>

8. Вовченко Б.В. Церковь и государство в социальной концепции Русской православной церкви // Государственное управление. Электронный вестник. – 2010. – № 23. – С. 1–17. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2010/vipusk_23_ijun_2010_g/vovchenko.pdf
9. Глазьев С. Конкурентные преимущества российской культуры хозяйствования: возможности и проблемы реализации. – М., 2006. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=315210>
10. Дятлов С.А. Духовно-нравственные традиции хозяйствования в России // Проблемы современной экономики. – СПб., 2006. – № 1/2 (17/18). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1007>
11. Зарубина Н.Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 5. – С. 100–112.
12. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. – 27.07.2009. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705099.html>
13. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года. – 27.07.2009. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705080.html>
14. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси от 29 июля 2010 года. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1233732.html>
15. Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. – М., 1913. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/hristianstvo/economics/khozjajstvenno-ehicheskie-vzgljady-ottsov-tserkvi.shtml>
16. Зубов А. Русская православная церковь в посттоталитарном пространстве // Континент. – М., 1995. – № 3 (85). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/149/z48.html>
17. Иларион (Алфеев), Епископ Венский и Австрийский. Русская православная церковь и ее социальная позиция // Право и безопасность. – М., 2005. – № 2 (15). – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_15_5.htm
18. Иларион, митрополит Волоколамский. Выступление... на тему «Государство и Церковь в России: 20-летний опыт взаимоотношений» на II православно-католическом форуме (19 октября 2010 г., о. Родос, Греция). – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1301914.html>
19. Катасонов В. О православных банковских утопиях. – М., 2015. – Режим доступа: <http://ekklezia.ru/blogi/4871-v-katsonov-o-pravoslavnyih-bankovskih-utopiyah.html>
20. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Доклад... председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата «Об основах социальной концепции Русской православной церкви». – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422562.html>

21. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Идеи солидарности и заботы об общем могут и призваны стать скрепой нашего общества: Интервью ИТАР-ТАСС Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – 03.11.2012. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/print57182.htm>
22. Кнорре Б. Пять критериев отделяют РПЦ от институтов гражданского общества. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1445015.html>
23. Коваль Т.Б. Личность и собственность: Христианство и другие религии мира // Мир России. – М., 2003. – № 6. – С. 3–45.
24. Коваль Т.Б. Православие в современной России. Экономические аспекты социального учения РПЦ // Мир России. – М., 2008. – № 1. – С. 122–146.
25. Коваль Т.Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство / НИУ-ВШЭ. – М., 2014. – 349 с.
26. Коваль Т.Б. Экономика и нравственность в суждениях Отцов Церкви // Общественные науки и современность. – М., 2002. – № 6. – С. 156–167.
27. Корзо М.А. Сравнение социального учения Русской православной церкви и Ватикана: к постановке проблемы. – 2009. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/soc_eth/korzo.html
28. Костюк К.Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. – СПб.: Алетей, 2014. – 448 с.
29. Костюк К. Три портрета. Социально-этические воззрения в Русской православной церкви конца XX века // Континент. – М., 2002. – № 113. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2002/113/kost.html>
30. Костюк К.Н. Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 6. – С. 114–131.
31. Костюк К.Н. Социальная концепция Русской Православной Церкви как система нравственных вызовов обществу. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1246436.htm>
32. Кырлежев А. Русская православная церковь перед проблемой модернизации. – М., 2003. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/titul/turn/enhancement/?version=forprint
33. Кырлежев А. Русско-немецкая дискуссия вокруг социальной концепции Русской православной церкви. – Мюльхайм, 19–20 февраля 2003. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/basis/y14/>
34. Лукин С.В. Частная собственность в христианской доктрине // Проблемы современной экономики. – СПб., 2014. – № 2 (50). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5023>
35. Лункин Р. Образ РПЦ в светских масс-медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультизмом православием // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малащенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 171–222.

36. Митрополит Кирилл: «Экономика не является сферой исключительно материальных интересов». – 21.03.2005 // Интерфакс. Религия. Новости. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=2068>
37. Митрохин Л. О принципе свободы совести. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/basis/y13/?version=forprint>
38. Митрохин Н. Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. – М., Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.
39. Нотин А.И. Чем «пахнет» православный бэнкинг. – М., 2015. – Режим доступа: <http://kpp-russia.ru/2015/01/chem-paxnet-pravoslavnyj-benking/>
40. Основы социальной концепции Русской православной церкви («круглый стол») // Социологические исследования. – М., 2001. – № 8. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/477027/index.html>
41. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
42. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – 26.06.2008. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/document/401145/>
43. Православная церковь и модернизация России: вызовы XXI века (Круглый стол). – 04.03.2010. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/4603>
44. Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества выступил на Гайдаровском форуме. – М., 15.01.2015. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3938096.html>
45. Ревзин Г. Политическая икономия // Коммерсантъ. – 22.03.2010. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1333970>
46. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.vrns.ru/documents/61/1219/>
47. Соборное слово XI Всемирного Русского Народного Собора. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.vrns.ru/documents/64/1131/>
48. Сомин Н.В. Несколько тезисов о православной социальной доктрине // Христианские начала экономической этики / Научно-богословская конференция. Октябрь 2000 г. – Режим доступа: http://dl.biblion.realin.ru/text/14_Disk_EPDS_-_vse_seminarskie_konspekty/Uchebnye_materialy_1/economika.doc
49. Сомин Н.В. Святые отцы о праве собственности. – М., 1998. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/dictionary/02/svjatyje-ottsy-o-prave-sobstvennosti-all.shtml>
50. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с сотрудниками Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества. – М., 30.11.2012. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1331331.html>
51. Филатов С. Патриарх Кирилл – два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко, С. Филатова / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 9–68.

52. Хёффнер Й. Христианское социальное учение. – М., 2001. – 324 с.
53. Чаплин В., протоиерей. Русская православная церковь и вопросы экономической этики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – М., 2005. – № 3 (24). – Режим доступа: http://dpr.ru/journal/journal_24_2.htm
54. Чинкова Е. Протоиерей Всеволод Чаплин: Православный банкинг спасет от кризиса // Комсомольская правда. – М., 22.12.2014. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26323.5/3204367/>
55. «Экономика и этика» при дефиците этичности // Центр религиоведческих исследований. – 02.08.2010. – Режим доступа: <http://www.religiopolis.org/publications/805-ekonomika-i-etika-pri-defitsite-etichnosti.html>
56. Экспертный совет «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси. – М., 10.06.2009. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705176.html>
57. Яжиньска К. Русская православная церковь как часть государства и общества // Неприкосновенный запас. – М., 2013. – № 4 (90). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/10ya.html>
58. Яковлева Е. Представлен проект православной финансовой системы. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/22/banking-site.html>
59. Calvez J.-Y. Doctrines sociales comparées, l'orthodoxe russe et la catholique romaine. – Mode of access: http://www.cairn.info/zen.php?ID_ARTICLE=RETM_248_0111
60. Hallensleben B., Sokolovski A. Les bases de la conception sociale et la perspective orthodoxe. – Mönchengladbach, 2001. – 16 p.
61. Sollogoub M. Évangile et vie économique: une réponse russe // Resurrection. – P., 2009. – N 132–133.

И.Г. Минервин

АЗИАТСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: КОНФУЦИАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выдающийся китайский мыслитель Конфуций (Кунфу-цзы) (551–479 гг. до н.э.) выработал этические нормы и ценности, которые пронизали собой всю китайскую культуру и сегодня остаются ее важными элементами. Философия Конфуция оказала глубокое влияние на общественную жизнь и менталитет в Китае, Японии, других странах Азии и даже на Западе. Воздействие конфуцианства на формирование китайской системы ценностей распространилось на принципы правления, господствовавшие в течение веков, и до сих пор сохраняет свое значение.

Многочисленные исследователи указывали также и на влияние, оказываемое конфуцианством на современную практику менеджмента. Были показаны масштабы этого влияния в самом Китае и в среде китайской диаспоры на практикуемые методы ведения бизнеса, на поведение работников. Вместе с тем, несмотря на огромный интерес к этой тематике – как на Востоке, так и на Западе – и обилие научной литературы, отмечается также и недостаточная изученность этого явления.

Немного об основах

В конфуцианском этическом наследии выделяются пять ключевых элементов (ценностей): 1) иерархия и гармония; 2) групповая ориентация; 3) межличностные отношения; 4) положение в обществе («лицо»); 5) особое отношение ко времени как жизненной среде для достижения конечной цели человека [Confucian values., с. 314; Li J., 2009, p. 171]. Центральное место в этом наследии занимает проблематика межличностных отношений. Таких отноше-

ний пять: 1) отношения между господином и слугой (правителем и подчиненным); 2) отношения между родителями и детьми; 3) отношения между супругами; 4) отношения между старшими и младшими; 5) отношения между друзьями. В этих пяти отношениях между людьми осуществляется «Путь», т.е. предназначение человека [Конфуций, с. 114]. Все эти отношения предполагают набор ролей и взаимных обязательств, которые, по преимуществу, носят иерархический характер. Каждый индивид должен соответствовать своей роли и поступать надлежащим образом для блага общества [Confucian values., p. 314]. Конфуцианство тем самым задает нормы общественного поведения, которые и сегодня ощущаются в повседневной управленческой практике, в частности, китайского бизнеса [Rarick Ch.A., 2007].

Это – одна сторона идеологии конфуцианства. Другая складывается из человеческих достоинств, или добродетелей (их тоже пять): гуманность (доброжелательность), справедливость, пристойное поведение (соблюдение норм), мудрость, доверие. Таким образом, резюмируют Дж. Ванг и другие, если одна сторона конфуцианства состоит в утверждении подчиненности нормам и социальным ролям, то другая – в культивировании нравственности и самосовершенствовании путем обучения и самопознания [Confucian values., p. 314].

Конфуцианскую этику, отмечают К. Лоу и С. Энг, можно подразделить на три раздела: самосовершенствование правителя (менеджера), его взаимоотношения с окружающими и социальная ответственность. Ее элементы связаны с центральной концепцией китайской философии – «дао», т.е. жизненного пути, означающей прежде всего принцип самосовершенствования. Прежде чем вести за собой других, говорит Конфуций, «смотри внутрь себя и познай самого себя», свои желания и убеждения [Low K.C.P., 2013, p. 1]¹.

Моральное самосовершенствование – краеугольный камень конфуцианского учения, с него должно начинаться всякое воспитание и обучение. Соблюдение принципов морали, добродетельность – необходимые условия для каждого уважаемого человека, достигаемые с помощью самоанализа [Chan A., Young A. Chinese..., 2012, p. 20].

Согласно учению Конфуция, «дао» – это жизненная мудрость, конечная жизненная цель и ее озарение. К этой концепции примы-

¹ Максима, знакомая европейцу еще по древнегреческой философии. Г.Э. Лессинг называл самопознание центром, а И. Кант – началом всей человеческой мудрости [Философская энциклопедия].

кает идея «воления», т.е. такого целеустремленного желания, которое следует предначертанию (судьбе) и подкрепляется конфуцианскими этическими ценностями – честностью, добротой, сочувствием [Low K.C.P., 2013, p. 3]. Жизнь следует строить в соответствии с ценностями, принципами добродетели и гуманизма, черпать вдохновение в изучении искусства. Мир и гармония достигаются в близости к природе, а лидеры должны руководствоваться в своих действиях благожелательностью и сочувствием, при этом правильные поступки важнее верований. Кроме того, подчеркивается не только необходимость постановки целей для себя (самосовершенствование) и для других, но и необходимое упорство в достижении целей. Важно, что отношения правителя и управляемых характеризуются взаимными обязательствами: это сыновнее почтение в семье и лояльность к лидеру, с одной стороны, и отеческая забота и добродетельность решений – с другой.

Таким образом, конфуцианский правитель (а сегодня и бизнесмен), имеющий высокие цели и обязательства, должен заботиться о создании отношений дружественности и взаимопомощи с работниками, а забота и участие по отношению к подчиненным представляют собой составные элементы его управленческих навыков. Эти аспекты конфуцианской этики, считают Лоу и Энг, могут быть положены в основу эффективного лидерства, корпоративного управления и социальной ответственности [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 32; K.C.P., 2013, p. 2]. Однако следует учесть, что такая точка зрения в большей мере свойственна адептам конфуцианской культуры, склонным противопоставлять ее западным ценностям.

Этические ценности отражают фундаментальные верования, они задают цели и приоритеты людей и организаций, задают нормы поведения. В учении Конфуция такими ценностями являются: почтительность к родителям, старшим; братство и равенство; преданность и верность; доверие; вежливость и учтивость; добродетельность и смелость; прямота, честность, твердость характера; смирение и скромность [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 32]. Следование этим этическим принципам, по мнению адептов учения, улучшает взаимоотношения между людьми, устраняет противоречия, создает положительные стимулы к коллективному труду. В отличие от западной этики, по преимуществу индивидуалистической и утилитаристской, конфуцианская этика утверждает примат духовности (в соответствии с «дао»). Это означает, что че-

ловек становится личностью только во взаимодействии с другими, т.е. в социуме.

Основное значение конфуцианской этики многие исследователи видят в ее влиянии на социальную организованность, в утверждении примата общественных, групповых интересов над индивидуальными. Каждый индивид рассматривается как находящийся в центре системы взаимоотношений и несущий целый набор обязанностей, прежде всего, перед семьей и обществом. Но при этом подчеркивается важность социальной гармонии. Принцип «пяти отношений» – с вышестоящими, с родителями, с супругами, старшими по возрасту и друзьями – определяет надлежащее поведение людей, его соблюдение ведет к социальной гармонии и процветанию. Этот принцип находит проявление также в деловой практике, во многом определяя управленческий менталитет, для которого характерна опора на коллективизм, групповые усилия, общность взглядов и представлений [Rarick Ch.A., 2008].

В центре конфуцианской этики управления идея опоры не на законы и правила, а на моральные ценности и нормы, соблюдаемые в рамках сообщества и ведущие к социальной гармонии внутри него. В этом видится источник «высоких стандартов нравственного поведения добродетельного человека». Общественный идеал достигается благодаря сочетанию моральных установок и иерархического порядка, создающему «социально необходимый набор взаимных обязательств», а история Китая, по мнению ряда исследователей, свидетельствует об эффективности такой системы правления [Chan A., Young A. Chinese..., 2012, p. 3].

Учению Конфуция приписывается также существенный вклад в формирование трудовой этики в странах Восточной Азии. Конфуцианская трудовая этика провозглашает ценности трудолюбия (упорного труда), обязательности, соблюдения нравственных норм поведения. Ее чертами являются утверждение преданности организации (т.е. фактически преданности работодателю, облеченной в форму коллективизма), бережливости, сотрудничества, стремления к обучению. Ценностные установки конфуцианского учения, положенные в основу подобной трудовой этики, как утверждают современные исследователи, в целом имеют положительную связь с экономическим и социальным развитием. Аналогичные установки формируются и в отношении к государству (правителю). Сюда относится и требование жертвенности со стороны индивида во имя процветания государства (коллективизм, распространяемый на национальную общность). Как отмечают исследователи, такая ус-

тановка обнаруживается в Китае и во всех странах, испытавших влияние конфуцианства [Rarick Ch.A., 2007; Rarick Ch.A., 2008].

Говоря о конфуцианстве, нельзя не упомянуть о других составляющих китайской культуры и нравственности: даосизме и буддизме – течениях, оказавших фундаментальное влияние на китайскую культуру. Так, Лао-Цзы придерживался концепции, в центре которой утверждение о гармонии природы и необходимости для человечества стремиться к гармонии, следуя особому «Пути» («Дао»). Даосизм утверждает необходимость адаптации человеческого поведения к естественному порядку («Пути»), т.е. большую гибкость: если меняется ситуация, то должны измениться и действия. Можно сказать, что в учении Лао-Цзы, а также другого основоположника даосизма Чжуан-цзы, берет начало в большей мере пассивный, ситуационный подход к этическому поведению.

Таким образом, древняя мудрость, по словам Ч. Рэрика, сформировала для Китая парадигму управления [Rarick Ch.A., 2008], основу которой составляют ориентация на гармонию отношений и коллективизм, централизованные структуры и авторитарный стиль, лидерство, основанное на доверии и патернализме, крепость деловых связей и гибкость стратегий. Несмотря на забвение в период коммунистического режима, эти ценности оставили глубокий след в менталитете китайцев и до сих пор составляют существенную основу как всей китайской культуры, так и практики менеджмента [Rarick Ch.A., 2007; Rarick Ch.A., 2009].

Традиции и современность

Исследователи этического учения Конфуция [Confucian values., 2005; Li J., Madsen J., 2009] подчеркивают, что конфуцианские принципы сохраняют свое значение для управления в современном Китае и ряде других азиатских стран. Однако их значение, по мнению аналитиков, неоднозначно, поскольку в этих странах присутствуют такие специфические явления, как бюрократизация, почтение к вышестоящим, ритуальность и церемониальность и т.п.

Конфуцианство исторически внесло значительный, если не решающий, вклад в формирование иерархической системы, патерналистского и авторитарного стиля управления, групповых взаимоотношений. Его определенные черты наследовал и современный китайский менеджмент. Влияние конфуцианской этики проявляется в стиле руководства, ориентированном на социальную гармонию, коллективизм, самосовершенствование и обучение и в

то же время на жесткий контроль, умеренность и экономность, высокую требовательность к работникам, их преданность своей организации, ее руководителям и владельцам. Эти плюсы и минусы, оценка которых может отличаться в зависимости от точки зрения, образуют причудливую комбинацию, оценить влияние которой на хозяйственную практику достаточно сложно.

Конфуцианская система ценностей подчеркивает отношения должностования по отношению к другим людям, семье, обществу, ставит на первое место групповые интересы в противоположность индивидуальным. Приложенные к сфере менеджмента эти ценности означают примат психологии коллективизма, умения работать в трудовом коллективе, поддержания гармонии и устранения конфликтности [Rarick Ch.A., 2007].

Гармония – одна из центральных идей Конфуция, который считал, что гармония в рабочей группе есть важное средство повышения ее результативности. В китайской деловой культуре, отмечает Рэрик, невозможно выделение, например, награждение кого-либо одного из группы. Здесь господствует коллективная ответственность, поскольку считается, что индивидуализм подрывает взаимное доверие [Rarick Ch.A., 2007].

В рамках традиционного поведения принято обращаться к руководителю за советом и консультацией даже по повседневным вопросам. Уважение и послушание – ценности, традиционно внушаемые со школьной скамьи. Высказывание собственного мнения без особого приглашения может расцениваться как отсутствие уважения и нарушение субординации.

Все эти факторы служат для западных наблюдателей основанием для вывода о низкой эффективности китайских организаций [Confucian values..., 2005, p. 318, 319]. Вместе с тем отмечается, что этика, нравственные нормы – это краеугольный камень в практике хозяйственной деятельности, они призваны играть определяющую роль во всяком бизнесе и в обществе в целом. Подчеркивая значение этики, в том числе конфуцианской, для практики ведения бизнеса, специалисты [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013] отмечают благотворные экономические последствия поведения, основанного на доверии и сотрудничестве между деловыми партнерами.

Рассмотрим те элементы конфуцианского наследия, которые представляют интерес с точки зрения теории и практики менеджмента.

Учение Конфуция и практика корпоративного управления

Согласно общепринятым определениям, корпоративное управление (КУ) (governance) представляет собой процесс наделения его субъектов властными полномочиями, выработки необходимых правил и норм и их реализации. Хорошее управление связывается с демократией, соблюдением гражданских прав, транспарентностью, законностью, эффективностью общественных услуг. Если следовать Конфуцию, то хорошее управление неотделимо от доброжелательности и совести: без них руководитель теряет властные полномочия, приобретенные с помощью мудрости и таланта, и не может сохранить поддержку коллектива. Еще одним условием эффективного управления является соблюдение ритуалов. «Высший порядок» («тао») означает совершенствование личности, самодисциплину и саморегулирование¹.

Специалисты из Университета Брунея и Южно-Австралийского университета [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013] провели исследование воздействия конфуцианской этики на КУ, а именно ее ориентацию на гуманизм, социальную ответственность, самодисциплину и самосовершенствование. Исследование проводилось методом опроса среди китайских владельцев и работников мелких и средних предприятий в Брунее. Оно показало широкое распространение мнения о значении самодисциплины и самосовершенствования как важных ценностных установках в контексте конфуцианской этики. Приверженность «хорошим» ценностям несет выгоду организации, поскольку способствует духу коллективизма и эффективной групповой работе. Один из главных выводов состоит в признании важности человеческого капитала и гуманистических отношений, соответствующих положениям конфуцианской этики.

Выше упоминалось о принципах конфуцианской этики применительно к основным видам общественных отношений, формирующих их патерналистскую структуру (правитель – подданный, отец – сын, муж – жена). Вытекающие из этих принципов добродетели – благожелательность, справедливость, приличие, мудрость, доверие – составляют фундамент человеческого общения и взаимных обязательств. Приложение этих принципов к контексту современного КУ означает приверженность сохранению «патерналист-

¹ Разумеется, все это еще не дает никакой гарантии эффективности. Как отмечают Лоу и Энг, в том же имперском Китае эти принципы обросли «мусором» бюрократизации [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 33].

ского порядка» и соблюдению взаимных обязательств в отношениях между людьми в компании с целью создания «гармоничной среды» [Chan A.Ch.K., Young A. Confucian., 2012].

К. Лоу и С. Энг, выделяя традиционные функции менеджмента (планирование, организация, кадровое обеспечение, руководство, контроль) и рассматривая их традиционные элементы, в качестве ценностей, производных от конфуцианской этики, называют обучение и гармонизацию отношений [Low K.C.P., Ang S.L. Management., 2013]. По Конфуцию, обучение, как и самодисциплина, жизненно необходимы для самосовершенствования, роста и развития [Low K.C.P., 2013, p. 6].

Планирование. Высказывание Конфуция о том, что «хорошая подготовка обеспечивает успех», сегодня трансформируется в стандартные рекомендации относительно эффективного планирования, стратегического позиционирования бизнеса, развития человеческого капитала, выработки эффективных систем снабжения и сбыта.

Организационная деятельность. Среди рекомендаций, вытекающих, по мнению исследователей, из конфуцианских тезисов, — точное соблюдение должностных обязанностей всеми менеджерами, руководителями подразделений и рядовыми работниками. Конфуцианский подход к человеческому капиталу требует четкости организационной системы (в терминах Конфуция — «исправления имен»), точности в отношении должностных позиций, титулов, назначений в соответствии с качествами, навыками и способностями работников. В эффективной организации находят воплощение следующие принципы [Low K.C.P., Ang S.L. Management., 2013, p. 84–88]:

- забота о мире и гармонии в межличностных отношениях, что соответствует принципам уважения («ли») и братства («ти»);

- приверженность справедливости и нравственному мужеству («йи»), выполнение своих обязанностей со смелостью: «действия требуют смелости, особенно когда есть сомнения или опасения относительно последствий»;

- честность поведения («лиен»), под которой понимается следование ключевым ценностям, верованиям и принципам, «последовательность ценностей, действий, методов, критериев, принципов, ожиданий и результатов»;

- забота о чести и уважении, воздержание от действий, способных вызвать унижение и бесчестие («чи»).

Кадровое обеспечение (наем, отбор, расстановка и т.д.). Здесь выделяются конфуцианские идеи лояльности («дзонг») и управления талантами, доверия между работодателем и работниками, реа-

лизация которых ведет к добросовестности в работе и преданности организации. Практическая польза лояльности состоит в уменьшении текучести кадров и снижении расходов на обучение, а также в обеспечении профессионального роста и накопления опыта.

Руководство. Сюда обычно включаются такие функции, как выдача распоряжений, инструктирование, стимулирование, поощрение и наблюдение с целью выполнения поставленных задач. Привлечение конфуцианских идей в этой области рассматривается по следующим направлениям:

- проявление благожелательности и заботы, помощь в решении проблем подчиненных («зен аи») способствует проявлению уважения и любви со стороны последних, облегчает внедрение нововведений и предполагает, согласно Конфуцию, обладание пятью качествами: честность, терпимость, искренность, усердие и щедрость;

- использование чувства сыновней (дочерней) почтительности и соблюдения долга («сяо»): это положение означает, согласно китайской мудрости, что все позитивные социальные отношения берут свое начало в семье, а практически призывает к соблюдению взаимных контрактных обязательств;

- культивирование братских отношений («ти»): в конфуцианской философии братство служит аналогом равенства и взаимного уважения, что важно для организации коллективного труда.

Контроль. Теоретически функция контроля включает установление нормативов функционирования, оценку результатов и принятие корректирующих мер. Конфуцианский подход означает, что пример поведения, подаваемый менеджером, служит одновременно и средством контроля, понимаемого как помощь в обнаружении и исправлении ошибок. Подчеркивается также использование ритуалов и церемоний, соответствующих китайской культурной традиции, при постановке задач и инструктировании персонала. Во всех элементах контроля необходимо присутствие доверия как руководителя к подчиненным, которые в противном случае окажутся в униженном положении, так и подчиненных к руководителю, который иначе рискует потерять репутацию. Доверие обеспечивает возможность каждому беспрепятственно выполнять свои обязанности, формирует предпосылки для создания обучающейся организации, в рамках которой работники, действуя самостоятельно, обучаются, накапливают опыт и движутся по карьерной лестнице, а организация сохраняет и развивает человеческий капитал.

Современные исследования свидетельствуют о сохранении основных черт строгой иерархичности и патернализма систем КУ

в странах конфуцианской культуры, что не всегда оценивается как фактор, способствующий продуктивности. Так, опрос руководителей фирм в Гонконге показал наличие жестких иерархических структур и концентрацию власти в руках «патриарха». Современные исследователи к недостаткам такой системы относят непрозрачность и субъективность, подверженность различным толкованиям в зависимости от условий и решаемых задач. К отрицательным сторонам патерналистского менеджмента относят также нередкое отсутствие аналитических подходов к принятию авторитарных решений и, следовательно, их частую необоснованность, блокирование профессиональных талантов и идей, отсутствие планомерности в замещении должностей и необходимого продвижения сотрудников, неприятие внешнего аудита [Young A., 2013].

В то же время следование патерналистским принципам порождает и определенные преимущества, среди которых указываются: быстрое принятие решений; организационная эффективность за счет строгого вертикального контроля; преданность работников в рамках отношений, сходных с семейными; организационная культура, ориентированная на гармонию отношений и неприятие конфликтов. Некоторые исследователи считают, что эти преимущества патерналистских структур могут компенсировать их недостатки. Вместе с тем руководителям китайских предприятий при освоении современных методов управления важно сохранять и традиционные духовно-нравственные ценности.

Стиль управления, проблема лидерства

К вопросу об особенностях корпоративного управления тесно примыкает трактовка проблем стиля управления и лидерства в конфуцианском контексте.

Важнейшими элементами конфуцианской этической конструкции являются добродетельность и мудрость, обеспечивающие гармонию отношений между руководителями и подчиненными и эффективное лидерство. В коллективистском обществе от руководителя требуются благожелательность, мудрость, смелость, справедливость, умение прощать, а от подчиненных – проявление уважения, преданности, сыновней почтительности. В результате в организационной среде фактически господствуют черты иерархичности и авторитаризма. Однако, как отмечают исследователи, власть лидера не является абсолютной, менеджеры должны со-

блюдовать принципы «добродетели», чтобы заслужить уважение и моральный авторитет [Rarick Ch.A., 2009].

Среди добродетелей, которые Конфуций считал обязательными для правителя, благожелательность, справедливость, мудрость, честность, доверительность. Считается, что конфуцианский менеджер должен, по крайней мере, стремиться к обладанию этими достоинствами, придерживаться высоких нравственных стандартов, которые, однако, даже в китайском менеджменте представляются редкостью [Chan A.Ch.K., Young A. Confucian., 2012; Rarick Ch.A., 2007].

От конфуцианской традиции идет понимание лидерства как заботы («заботливое лидерство»), его связи с позитивными, гармоничными отношениями и опоры на ценности добродетельности, честности и взаимности как основы деловой этики. Вот как это выглядит с конфуцианской точки зрения. «Заботливый лидер относится к своим людям и окружению с добротой и сочувствием. Он старается причинить им как можно меньше вреда и при этом дать им возможность достичь счастья и хорошей жизни в благоприятной обстановке... Таким образом, лидер, демонстрирующий заботу и участие по отношению к своим сотрудникам или сторонникам, способен реально влиять на их мотивацию» [Low K.C.P., Ang S.L. Leaders., 2012, p. 99].

Лоу и Энг следующим образом описывают конфуцианский взгляд на лидерство [Low K.C.P., Ang S.L. Leaders., 2012, p. 100–102].

1. Ориентация на человека. Конфуций считал добродетельность величайшей ценностью, постоянно подчеркивал ее важную роль. В своем учении он распространил идею добродетельности на все общество, управляемое социально ответственными правителями, где каждый его член может пользоваться благами мира и счастья.

2. Поощрение постоянного обучения. Успешный лидер должен не только непрерывно учиться, расширять знания, но расширять свой горизонт и совершенствовать предвидение, а также учиться у других. Это дает ему возможность достигать прогресса и роста. Современный конфуцианский лидер инвестирует большие силы и средства в образование и обучение.

3. Умение слушать, скромность и смирение. Чтобы учиться у других, надо слушать, а выслушав хороший совет, исправиться и готовиться к дальнейшему совершенствованию. Поведение лидера важно для социальных отношений, лидер, не придающий должного значения своему поведению, рискует заслужить негативное восприятие среди подчиненных.

4. Правдивость, искренность и честность по отношению к себе и обществу. Эти качества помогают лидеру выполнять свои обязанности и быть примером, а его открытость формирует доверие со стороны подчиненных.

5. Соблюдение взаимности. Многое в отношениях между людьми зависит от того, что и как делается и говорится. Взаимность служит здесь главным принципом. Конфуций одним из первых сформулировал универсальный нравственный принцип, ставший известным как «Золотое правило»: не делай другим того, чего не желаешь себе¹.

Таким образом, лидерство является понятием прежде всего моральным, а не организационным, как в западной культуре управления. Следует при этом отметить, что стиль лидерства, делающий акцент на его моральную сторону, привлекает в последнее время внимание и обсуждается не только в азиатской, но и в западной управленческой литературе, а также практике менеджмента [Wong K.C., 2001]. Опрос нескольких десятков менеджеров в Сингапуре и Брунее, проведенный Лоу и Энгом [Low K.C.P., Ang S.L. Leaders., 2012], показал, что подавляющее большинство респондентов считают важными характеристиками лидера гуманистическую ориентацию, самодисциплину, педагогические способности, внимательное отношение к качеству информации, нравственность, честность и т.д. Обязательным требованием к лидеру является наличие доверия к нему как следствия его добродетельного и нравственного поведения [Chan A., Young A. Chinese., 2012].

Лидерство, согласно конфуцианской традиции, опирается на заботу об общем благополучии, о гармонии отношений в группах, о согласованности коллективных усилий, но в то же время на бережливость, требовательность и лояльность к организации. Более

¹ Эта заповедь присутствует в буддизме, античной философии, христианстве (Нагорная проповедь), встречается в «Суннах» как одно из изречений Мухаммеда. Многие последующие поколения мыслителей видели в этом принципе «непоколебимое нравственное правило и основу всякой общественной добродетели» (Д. Локк), «этический инвариант, присущий всем религиям, наиболее последовательно сформулированный в учении Христа и выражающий общечеловеческую суть нравственности» (Л.Н. Толстой) [Новая философская энциклопедия, 2010]. Эта и многие другие аналогии свидетельствуют об общности отдельных ветвей человеческой мудрости, возникших самостоятельно в различных культурах. Мы видим, что разные популяции *homo sapiens*, по всей видимости, независимо друг от друга вырабатывают общие гуманитарные принципы. И «в этом лучшем из миров» это вселяет надежду.

того, как отмечают исследователи, для конфуцианского менеджера преданность и доверие в групповых отношениях важнее, чем формальные достижения: если работа группы эффективна, то различия индивидуальных результатов не имеют значения [Rarick Ch.A., 2008].

Такое в целом противоречивое сочетание установок на иерархию и гармонию отношений проявляется на рабочем месте двойственным образом. С одной стороны, результатом является практическое отсутствие конфликтов как внутри рабочих групп, так и между руководителями и подчиненными. С другой – почтение перед иерархией и четкое соблюдение социальных статусов чреваты подрывом чувства соучастия, отсутствием инициативы, фаворитизмом. Узкое применение партисипативного стиля менеджмента объясняется этими чертами конфуцианской культуры. Жесткая иерархия также препятствует гибкой и автономной организации труда производственных подразделений, лишает их ответственности и возможности разделения рисков.

Отсюда на первом месте в стратегии предприятий стоят задачи повышения качества продукции, внедрения новых технологий, реструктуризации неэффективных органов управления, повышения прибыльности, позволяющей также решать и социальные проблемы.

Современные концепции морального лидерства, близкие к конфуцианской традиции, выдвигают два необходимых условия: 1) для повышения мотивации подчиненных лидер должен обращаться к таким их качествам, как чувство доброты, справедливости и долга; 2) лидер сам должен безусловно обладать этими качествами. Древние ценности должны быть вновь проанализированы и использованы в современных условиях, заключает профессор Гонконгского университета К.Ч. Вонг [Wong K.C., 2001, p. 5, 9]. В целом определение морального аспекта лидерства как одного из приоритетов культуры управления предполагает повышение требований к нравственным и этическим качествам лидеров. На уровне общества это создает запрос на воспитание и образование, формирующие соответствующие человеческие качества и мотивации лидерства.

Корпоративная социальная ответственность

Приверженность нравственным ценностям, сформулированным Конфуцием, открывает лидеру путь к самосовершенствованию, постоянному обучению и гармонии отношений. А это, в свою очередь, несет многие преимущества для практики бизнеса, включая эффективное управление и корпоративную социальную ответст-

венность (КСО) [Low K.C.P., Ang S.L. Confucian leadership..., 2012, p. 104]. Сегодня фактор лидерства в управлении рассматривается уже как одна из ключевых ценностей в рамках организационной культуры, а современное определение КСО прямо связывает решение задач экономического развития и повышения качества жизни с этическим поведением участников хозяйственной деятельности. Согласно определению Всемирного совета предпринимателей по устойчивому развитию (World Business Council for Sustainable Development, WBCSD), «корпоративная социальная ответственность есть обязанность бизнеса соблюдать этическое поведение и содействовать экономическому развитию при улучшении качества жизни работников, их семей, местного сообщества и общества в целом» [Corporate social responsibility..., 2000].

В сфере бизнеса это означает внимание менеджмента к внутренним и внешним социальным последствиям управления организацией. КСО представляет собой форму корпоративного саморегулирования, интегрированного в бизнес-модель, механизм согласования политики с законом, этическими нормами и международными стандартами. В этом просматривается связь конфуцианской трактовки лидерства с современной концепцией КСО, утверждающей ответственность лидеров бизнеса перед занятыми, местными сообществами и обществом в целом за улучшение качества жизни и устойчивое экономическое развитие.

Сравнение западного и конфуцианского подходов к КСО показывает, что в первом – приоритет прав личности ведет к усилению транспарентности, вниманию к оценке результатов и соблюдению норм, тогда как во втором – подчеркивается постоянная необходимость обратной связи с сообществом [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 33]. Таким образом, влияние конфуцианского наследия затрагивает понятия социальных обязательств и КСО. В западном контексте, подчеркивающем индивидуализм и права индивида, концепция социальной ответственности призвана минимизировать отрицательные последствия такой ориентации, утвердить обязательства индивида перед организацией и обществом. В конфуцианском контексте каждый является частью «единого и целостного мира» с его коллективными (в том числе семейными) ценностями и стимулами.

В Китае в условиях слаборазвитой законодательной структуры бизнес продолжает во многом жить по старым канонам и правилам, сохраняющим традиционные принципы и стили управления, которые не адекватны современным вызовам. Они, в част-

ности, предполагают строгое соблюдение иерархичности структур и следование социальным ролям, т.е. по сути дела сословным различиям, свойственным докапиталистическому общественному укладу. Пока общество не зафиксировало основные правила нравственности и содержание моральных норм, отмечает Э. Янг, оно останется зависимым от индивидуальной совести, так как будет сохраняться возможность обхода и манипулирования нравственными ограничениями [Young A., 2011, p. 34].

Сложившаяся ситуация позволяет говорить о том, что Китай нуждается в выработке особой политики КСО, соответствующей специфике его культуры. Такая политика должна наряду с задачами развития предприятия учитывать мотивацию работников, их права, т.е. делать акцент на гуманистическую направленность [Zheng Z., 2007, p. 33, 67]. Вместе с тем в перспективе в процессе глобализации экономика Китая и китайская культура будут все больше интегрироваться в мировой контекст, что будет способствовать развитию также социальных и экологических элементов китайской КСО.

Трудовая этика и управление человеческими ресурсами

Черты современного китайского менеджмента, основанные на конфуцианских этико-патерналистских концепциях, находят яркое выражение в подходах к управлению человеческими ресурсами. В рамках культурной традиции Китая менеджеры склонны рассматривать членов своей организации как семью и в ответ ожидают безусловную отдачу. Стремление руководителей предприятий в частном секторе к простым и понятным организационным структурам также объясняется, по крайней мере отчасти, конфуцианским влиянием. Здесь обращает на себя внимание господство принципа подчиненности низовых подразделений непосредственно высшему руководству и искусство вести дела с властными структурами на всех уровнях [Hout T., Michael D.A., 2014].

Очевидно, что трудовая этика как совокупность отношений и установок, определяющих трудовое поведение, не может не находиться под влиянием социокультурных факторов и не отражать их различия. Сравнительный кросс-культурный анализ западных и восточных характеристик трудовой этики показывает как ряд совпадений, так и существенные различия. Основные различия обнаруживаются в отношении к труду (трудолюбие) и опоре на собственные силы (самодостаточность) [Li J., Madsen J., 2009, p. 171]. Г. Хофстеде и многие другие исследователи видели основную при-

чину этих различий в конфуцианском учении, провозгласившем ценности гармонии межличностных и иерархических отношений, коллективизма, ответственности и самосовершенствования.

Исследование деловых культур, проведенное Г. Хофстеде, показало, что на их формировании решающим образом сказываются базовые ценности национальных и этнических культур, определяющие культурную идентичность участников бизнес-процесса. Был выявлен набор ценностей, свойственных китайской культуре, которые были сгруппированы в четыре категории: межличностные отношения, трудовой динамизм, мужество и самодисциплина.

Многочисленные исследователи определяли конфуцианскую трудовую этику как состоящую из сложного набора ценностных ориентаций, среди которых: упорядоченность и гармония отношений, сотрудничество, трудолюбие, стремление к обучению, настойчивость, статусность, экономность, совестливость, почтительность перед властью и авторитетом, консерватизм, забота о репутации и престижности, проявление взаимной благосклонности [Li J., Madsen J., 2009, p. 171–172].

Среди результатов конкретных эмпирических исследований отношения работников к труду, проведенных Дж. Ли и Дж. Мэдсоном на китайских предприятиях, обращает на себя внимание прежде всего то, что китайские рабочие заявляют о своем стремлении к интенсивному труду, активному использованию рабочего времени и к обучению, а также об удовлетворении от достижения коллективных организационных целей. Влияние конфуцианского наследия проявляется также и в почтительности и покорности по отношению к иерархии и власти, доминированию коллективных результатов и коллективной ответственности при невнимании к индивидуальным. Отсюда, например, трудовое поведение может быть направлено не на производительность, а на благосклонное отношение руководства. Все это содержит как проблемы, так и потенциальные возможности для управления человеческими ресурсами (УЧР). Прежде всего, отмечается конфликт между традиционной трудовой этикой и современными подходами к УЧР, который может повредить конкурентному, творческому и инновационному подходу, нарушающему «социальную гармонию».

Конфуцианское влияние наблюдается в практике УЧР даже в организациях, проводящих модернизацию. Отмечается, что практика набора персонала, должностного продвижения, оценки деятельности страдают субъективизмом и предвзятостью. Многие аспекты УЧР в Китае постепенно меняются, система гарантиро-

ванной занятости свертывается и заменяется контрактной системой, вводятся новые критерии отбора и вознаграждения [Confucian values..., 2005, p. 320].

Многие из выявленных характеристик позволяют применить к трудовым отношениям, носящим отпечаток конфуцианских нравственно-культурных ценностей, категории патернализма и персонализма. Патернализм проявляется в молчаливом согласии с конфуцианской иерархией социальных ролей, в зависимости подчиненных от руководителей, личной преданности первых и «благожелательном авторитаризме» вторых. Персонализм характеризуется межличностным доверием, гармонией отношений, неприятием конфликтов и заботой о «сохранении лица».

Можно, таким образом, увидеть определенную противоречивость ситуации. В самом факте организационного патронажа, заботы о благоустройстве работников в обмен на их лояльность и трудолюбие не было бы ничего плохого, если бы не подчиненное положение занятых, серьезные последствия при отклонении от желательного поведения, подавление самостоятельности и инициативы и возможность злоупотреблений. Китай динамично меняется, эволюционируют ценностные и нравственные ориентиры, создавая коллизию между конфуцианской, коммунистической и капиталистической идеологиями, что оказывает неоднозначное влияние на практику менеджмента.

Г. Хофстеде и другие высказали мнение о связи конфуцианской трудовой этики с экономическими достижениями азиатских стран, где доминирует конфуцианская культурная традиция. Исследователи, изучавшие «экономическое чудо» Японии и «азиатских тигров», единодушно отмечали, что их успехи были связаны со способностью сочетать передовые технологии с традиционными культурными ценностями [Hofstede G., 1997; Cheng T., 1998; Confucian values..., 2005].

Группа исследователей из университетов США предлагает извлечь из этого следующие уроки [Confucian values..., 2005; Li J., Madsen J., 2009]. Западные принципы и методы управления, сконцентрированные на задачах эффективности и конкуренции, подчас игнорируют человеческий фактор и значение коллективных усилий. Стратегия предприятий должна учитывать специфику ценностных установок, социальных связей и межличностных отношений. Это особенно важно для МНК, действующих в Китае и других странах с аналогичной культурной средой. Есть примеры успешной реализации подобной практики в области управления персо-

налом и создания интегрированной системы (компания «Motorola China») [Confucian values..., 2005, p. 322].

В то же время в практике УЧР необходимо учитывать невозможность механического переноса западных методов на китайскую почву. Некритичный подход неизбежно приводит к серьезным проблемам и негативным последствиям для эффективности функционирования предприятий. Более того, западные компании подчас используют методы, не вписывающиеся в требования КСО, перенося их в развивающиеся страны. Перед УЧР на китайских предприятиях, таким образом, стоят масштабные задачи анализа возникающих противоречий в ценностных установках, сбалансирования групповых и индивидуальных ролей, стимулирования принятия персональной ответственности, внедрение косвенных, экономических методов воздействия, обеспечения инвестиций в развитие персонала наряду с эффективным использованием традиционно ему присущих качеств: обязательности, лояльности, трудолюбия [Li J., Madsen J., 2009, p. 176, 184].

В практическом плане исследователи отмечают следующие основные направления влияния конфуцианства на УЧР.

1. *Важность человеческого капитала для организации.* Конфуций говорит: «Будьте примером для других, показывайте терпимость к незначительным ошибкам, продвигайте талантливых людей. Вам будут подчиняться, если вы поддерживаете людей добродетельных и подавляете порочных, и не будут вам подчиняться, если вы поступаете наоборот». Успех бизнеса зависит от человеческого капитала, от эффективного управления талантами, высокой оценки важности образования как индивидуальной ценности, так и на уровне общества, когда постоянное обучение, расширение горизонта знаний, освоение новых идей становятся характеристиками социальной среды [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 38].

Принятая в японской компании «Toyota» философия *Kaizen* означает «ежедневное и непрерывное улучшение», что очень близко таким положениям конфуцианской этики, как бережливость, настойчивость в достижении цели, постоянное обучение. Исследователи отмечают связь ее успехов с ценностными установками, коренящимися в конфуцианской этике. В одном из опросов на важность обучения указали 97,8% респондентов [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 38].

2. *Забота о человеческом факторе и ее демонстрация.* Говоря о важности заботы о людях, Конфуций признавал свободу воли

каждого человека, он считал, что даже у простого человека нельзя отнять его волю. Лидеры дают пример заботливости, и этот пример заставляет других следовать ему. Это означает, что предприниматели должны обеспечивать стабильную занятость, справедливую оплату труда и безопасность, а также гармоничные отношения внутри коллектива.

3. *Расширение прав и полномочий работников.* Практика строгого контроля уходит в прошлое, постоянное обучение ведет к гибкости, росту, расширению кругозора и способности решать проблемы, освоению новых практик. Сегодня рабочая сила в целом намного более образованна, чем раньше. Работники испытывают естественное стремление к большей свободе действий, к самоуправлению, что должно быть им предоставлено.

4. *Поддержка отношений типа семейственных.* Коллективной работе способствует «семейный тип» отношений между руководством и работниками, «ориентированный на людей», «отеческий» (патерналистский) стиль, соответствующий конфуцианским ценностям. Работодатель ведет себя как «родитель, заботящийся о благе работников, а работники становятся обязанными ему... возникает чувство “общей семьи”, и все конфликты разрешаются гармоничным путем». Тем самым поддерживается «коллективный дух», порождающий доверие и взаимопомощь. В рамках упомянутого исследования эти факторы отметили 95,7% респондентов [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 39].

5. *Осознание катастрофических последствий плохого управления,* ведущего к неэффективности бизнеса, потере репутации, убыткам, дискомфорту работников. Необходимы тщательный мониторинг решений и действий сотрудников, обеспечение их соответствия интересам как работодателей, так и работников, а также меры по противодействию коррупции. Отсюда требования к соответствию оплаты труда и достигнутых результатов, к точности, полноте и транспарентности корпоративной финансовой отчетности. Важно отметить, что эффективное корпоративное управление, практика бизнеса, осуществляемая в соответствии с КСО, способствует росту и процветанию как предприятий и их работников, так и всего общества [Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian..., 2013, p. 39].

Один из постулатов конфуцианской этики требует от руководителя нравственной смелости и решительности. Причиной многих неудач является человеческая слабость, инерция, неспособность отстоять правильное решение. Конфуцианский рецепт состоит в следующем: «Чтобы быть лидером, надо быть им». Это вытекает

из концепции эффективной социальной организации, согласно которой, если лицо занимает определенное положение, оно должно совершать определенные действия, а если должно, то, значит, и совершает. При этом предполагается, что совершает смело и помня о справедливости. «Отец должен быть отцом, мать – матерью, сын – сыном и дочь – дочерью» [Low K.C.P., 2013, p. 5].

Исследователи подчеркивают, что традиционное мнение о пассивном характере конфуцианской этики следует заменить признанием связи ключевых ее ценностей с активным стилем руководства и эффективным корпоративным управлением на основе КСО. Принципы социальной ответственности, рассматриваемые через призму конфуцианских понятий и ценностей, приобретают конкретную направленность на гуманизм, человеческие отношения и гармонию с окружающей средой. Конфуцианский стиль делает упор на социальные обязательства, этические принципы в принятии решений, гармонические отношения, важность обучения и самосовершенствования, что составляет основу эффективной практики менеджмента и несет выгоду для бизнеса, как и для общества в целом.

Запад есть Запад, Восток есть Восток

Разумеется, судить о столь противоречивом и сложном явлении, как столкновение древней духовно-нравственной культуры с современностью, и о его месте в бурных трансформационных процессах сегодняшнего Китая чрезвычайно трудно. Здесь представлены лишь мнения об этом различных исследователей. Особый интерес вызывает вопрос о том, каким образом древняя нравственная мудрость, во многом утопичная, содержащая призывы к общественному порядку и гармонии на основе добродетели и морали, но вовсе не являвшаяся ни религиозным, ни систематизированным светским сводом правил и наставлений и прозвучавшая в условиях сугубо иерархического и авторитарного раннефеодального общества¹, не просто передавала элементы своего содержания последующим эпохам (как, например, древнегреческая философия), а сохранила свою непосредственную значимость на протяжении столетий, оставаясь практическим руководством для правителей и управляемых? Ответ лежит, очевидно, в самих свойствах этого

¹ Правда, следует отметить, что Китай в это время был и еще долго остался передовым в технологическом отношении регионом мира.

учения, его опоре на весь уже накопленный исторический и нравственный опыт, в том, что его содержание составляют ценности подлинные (по крайней мере в большинстве своем), а не мнимые, с одной стороны, и в характере китайского общества, его самодисциплине и долговременной привязанности к принятым нормам и правилам жизни – с другой.

Черты национального менталитета формируются под долговременным или интенсивным идеологическим (в том числе религиозным) воздействием и, следовательно, зависят от него. Трудовая этика отражает и адаптируется под социальные, политические и экономические условия страны. Конфуций обобщил традиции, которые уже складывались в его время, и выразил их в этическом учении. Своим учением и своей жизнью он показал, что «у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком и стать творцом культуры»¹. Его влияние, как пишет В.В. Малявин, «почти не зависело от перипетий политической борьбы именно потому, что сердцевиной конфуцианской традиции было учение о нравственном совершенствовании и ценности символического языка культуры. Каковы бы ни были личные пристрастия правителей Китая, никто из них не мог поставить идеологию и политику выше культуры и нравственного воспитания» [Конфуций, 2002, с. 6, 28]. Как справедливо отмечают Д.Ш. Цырендоржиева и Т.М. Ринчинова, традиционная духовно-нравственная культура Китая, представленная философскими и этическими учениями, в первую очередь конфуцианством, а также легизмом, даосизмом и буддизмом, оказывала во все времена наибольшее влияние на формирование специфики поведенческих стереотипов китайского народа. Традиционные учения соответствовали историческим реалиям жизни китайского общества, поэтому они получили широкое распространение и стали основой политического и социокультурного развития [Цырендоржиева Д.Ш., Ринчинова Т.М., 2012, с. 72, 73].

Чем же принципиально отличается практика конфуцианского менеджмента от западного? Лоу и Энг выдвигают здесь три позиции [Low K.C.P., Ang S.L. Management..., 2013, p. 88–89].

¹ Попутно заметим, что такое нравственное, возведенное в императив учение представляет, по существу, антитезу большевистско-сталинскому отрицанию (а также и его маоистскому варианту) фундаментальных ценностей, выработанных человеческой историей и мировой цивилизацией, в том числе ценностей религии, семьи, собственности и т.д.

1. Большие скачки в отличие от непрерывных улучшений. Западный менеджмент, считают авторы, поддерживает индивидуализм, концентрируется на краткосрочных контрактных обязательствах. По мнению ряда наблюдателей, он опирается на готовые компетенции, умения и профессионализм, ожидает быстрых результатов, добивается множественных, массированных улучшений, основанных, прежде всего, на инновациях, т.е. на исследованиях и разработках, новых знаниях, технологиях и передовых методах производства. Конфуцианский менеджмент концентрируется на систематических и методичных, осуществляемых шаг за шагом улучшениях, когда каждый следующий небольшой шаг основан на таком же предшествующем. Это непрерывный процесс, не исключаяющий, однако, и редких скачков. При этом источником большинства таких идей небольших улучшений являются работники с большим стажем и опытом.

2. Упор на научные и технические знания в отличие от ориентации на личность и человеческий капитал. Если западный менеджмент, удовлетворяя потребность в персонале, обращается к рынку рабочей силы, рассчитывая получить готовых специалистов, то менеджмент конфуцианского стиля ориентируется на формирование персонала компании как единого целого, управление талантами рассматривается как ключевой фактор успеха.

3. Использование в качестве инструментов управления наем и увольнение в отличие от проявления заботы и воспитания лояльности. Исследования показывают, что рутинные методы отбора персонала (интервью, тестирование и т.п.) зачастую оказываются неэффективными. От 30 до 50% назначений на высшие управленческие посты заканчиваются отставкой или увольнением. Это опять-таки свидетельствует о том, что корпорации применяют агрессивную политику найма вместо выращивания и развития талантов. Отбор талантов нужен не для решения неотложных проблем, а для устойчивого роста, а это означает, что компаниям следует воспитывать лояльных работников и создавать благоприятную атмосферу для их развития.

Иначе говоря, Восток ориентируется на постепенные, небольшие улучшения, на лояльность и преданность кадровых работников, составляющих основу человеческого капитала. Запад же ориентируется на превосходство в методах управления и технологиях, на радикальные инновации, опирающиеся на исследования и конструкторские разработки, на умение, квалификацию и профессионализм работников. Специалисты прежде всего подчеркивают

противопоставление коллективистской и индивидуалистической психологических установок. Если по Конфуцию отеческое отношение к подчиненным есть благо, то в философии европейского индивидуализма отеческое правление ассоциируется с деспотизмом. «Правление отеческое есть величайший деспотизм, какой только можно себе представить», – говорит И. Кант¹.

Если западная культура полагается на вербальную коммуникацию, например, контракт и его словесное содержание, то в китайской культуре чрезвычайно большое значение придается контексту, здесь коммуникация рассматривается как многозначный процесс, означающий много больше, чем написанное или сказанное слово. При этом китайцы, утверждает Ч. Рэрик, склонны избегать состояния неопределенности и испытывают дискомфорт при необходимости перемен [Rarick Ch.A., 2007].

При характеристике китайской культуры часто используются такие определения, как интуитивность, самоограничение, зависимость, скрытность, терпеливость и настойчивость, явно контрастирующие с рациональностью, агрессивностью, независимостью, прямоотой и другими подобными чертами западной культуры. Согласно Конфуцию, надлежащее поведение часто означает следование ритуалу, т.е. принятым социальным ролям и процессам. Поэтому китайская практика бизнеса часто ассоциируется в западном понимании как с настойчивостью и терпением, так и с формализмом, отсутствием гибкости и длительностью в принятии решений [Rarick Ch.A., 2007]. Рэрик полагает, что ориентация управления на гуманизм и коллективную ответственность составляет уникальную моральную атмосферу, трудно понимаемую на Западе. Так, например, уклонение от налогов оказывается достаточно распространенным и слабо осуждаемым явлением, при этом правительство воспринимается обществом погрязшим в коррупции, а налоговая система – несправедливой [Rarick Ch.A., 2009].

Китайская культура и ее этические основы характеризуются высокой степенью коллективизма, связанного с конфуцианской доктриной межличностных, в том числе семейных, отношений, что обычно противопоставляется в сравнении с западным индивидуализмом². Потребности индивида подчинены интересам группы,

¹ Цитата по: Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013 – 515 с. – С. 183.

² Собственно говоря, индивидуализм, старательно приписываемый западному образу жизни, не есть нечто абсолютное, его можно рассматривать как ми-

но в то же время в конфуцианской традиции личность рассматривается не изолированно, а как центр, средоточие отношений. Все отдают максимум способностей на благо коллектива, что положительно влияет на исполнительность, производительность, стабильность кадрового состава [Confucian values..., 2005, p. 315].

Однако воздействие этой черты на индивидуальное и групповое поведение оказывается неоднозначным. В групповой среде растворяется индивидуальная ответственность за результаты труда. Основная особенность коллективизма в конфуцианской интерпретации состоит, очевидно, в том, что он связан с жертвенностью: для общего процветания необходимы определенные жертвы со стороны индивида [Rarick Ch.A., 2008].

Групповая солидарность и конфуцианская трудовая этика нашли выражение в прочности неформальных связей внутри китайской диаспоры по всему миру и способствовали бурному развитию китайской рыночной экономики. Для китайцев чрезвычайно важна забота об общем благополучии, их международный бизнес достигает успеха благодаря единству, солидарности и трудовой этике. Как заметил П. Друкер, сплоченность мультинациональных компаний обеспечивается не отношениями собственности и не контрактными гарантиями, а взаимными обязательствами и доверием [цит. по: Rarick Ch.A., 2008].

Таким образом, многие традиционные ценности и обычаи прочно вошли в жизнь современного Китая и стран, находившихся

ровоззренческую концепцию (подход), свойство менталитета, как некоторое основание для восприятия внешнего мира по отношению к индивиду, а не наоборот, послужившее скорее истоком идейных течений идеализма, индивидуализма и экзистенциализма, чем руководством для практического поведения. Это свойство вовсе не означает некоего абсолютного эгоизма, как это иногда представляется, отрицания или невозможности взаимопомощи, сочувствия, коллективных действий. Более того, такой мировоззренческий индивидуализм (возможно, правильнее было бы говорить о персонализме, однако это совершенно другая тема) подчеркивает значение личности, утверждает ценность человеческой жизни и свободы. Действительно, человеческий коллектив невозможен без составляющих его самостоятельных и мыслящих личностей. Такой индивидуализм благоприятен для склонности к обретению свободы и принятию ответственности, без которых невозможно проявление творческого начала.

Кроме того, труд, которым индивид обменивается с обществом, всегда индивидуален, даже если организован как коллективный. В то же время и значение, вкладываемое нередко в понятие коллективизма, не всегда адекватно, т.е. подразумевает не равенство, а уравнительность (тем более в первобытно-патриархальном обществе).

под его культурным влиянием. Вместе с тем, как показала история, конфуцианское учение (добавим, как и всякое другое, взятое само по себе) «не смогло стать опорой публичной, гражданской нравственности в китайском обществе... не смогло выработать жизнеспособного единства внутренней и внешней сторон человеческой деятельности в модернизированной, т.е. полностью технической, цивилизации» [Конфуций, 2002, с. 31, 32].

Экономические реформы, процессы глобализации, интеграции экономики Китая и других азиатских стран в мировую экономику стимулируют принятие западных подходов. Однако влияние традиции очень сильно. Эмпирические исследования показывают, что китайские компании неохотно идут на применение западных методов, даже в совместных предприятиях с западными фирмами [Confucian values..., 2005, p. 312].

Несовместимость управленческих подходов показательна на примере МНК, действующих в Китае, что проявляется в случаях злоупотреблений правами рабочих (например, в форме неоплачиваемой сверхурочной работы или нарушения порядка найма или социального страхования с целью экономии издержек) на фоне отсутствия сопротивления с их стороны. В результате у иностранных МНК возникает «искушение, оправдываемое адаптацией к среде», и надежда, что некоторые нарушения трудового законодательства окажутся незамеченными [Wang L., Snell R.S., 2013, p. 175].

Подобные примеры означают отказ от конфуцианской концепции взаимности обязательств двух сторон (правителя – подданных, старшего – младших и т.п.) в рамках гармоничной системы отношений. Если младшая сторона отвечает за прилежный труд и повиновение старшей, то старшая – за соблюдение нужд и обучение младшей. Пренебрежение этими обязанностями (говоря современным языком, усиление эксплуатации) может дать краткосрочный эффект, но в долгосрочном плане несет ухудшение морального климата, а в случае открытых протестов – вред репутации компании.

Трансформация экономической и общественной жизни Китая внесла изменения не только в сами эти сферы, но и в культуру, духовно-нравственную основу, обусловила коллизию между старыми и новыми, коммунистическими, капиталистическими и традиционными системами ценностей. В этот период произошла известная реанимация значения моральной философии древних мудрецов, ведь именно в условиях переходного периода проблемы морали и нравственного поведения приобретают особую актуальность. Как считают, например, Дж. Ли и Дж. Мэдсен (Университет

Северного Техаса), разумно предположить, что в Китае складывается новая система ценностей, отражающая современный контекст [Li J., Madsen J., 2009, p. 173].

В то же время современные реалии модернизации и глобализации выдвигают проблемы конвергенции культур, освоения передового мирового опыта, без которого выполнение новых задач было бы невозможно. Экономическое развитие, становление предпринимательства и рыночных отношений создали необходимость и возможность для проникновения в Китай соответствующих западных принципов и институтов, что, естественно, породило ряд трудностей и проблем. Исследователи отмечают известную трансформацию духовно-нравственных ценностей современного китайского общества, что выражается в ослаблении семейных отношений, в преобладании индивидуалистического подхода над традиционным коллективистским, усилении стремления к личному материальному благополучию.

Приведем в связи с этим мнение В.В. Малявина, ведущего специалиста по истории и культуре Китая. «В современном Китае мы наблюдаем сплав китайского и западного, дающий жизненным ценностям китайцев новое качество и новый смысл. В свою очередь, традиция духовного совершенствования, столь тщательно и всесторонне развитая китайскими учителями, обладает в наши дни необыкновенной привлекательностью для людей Запада... Китайский идеал духовно-нравственного совершенства становится все более важным и значимым в наш “век информатики”, когда судьба человечества уже напрямую зависит от способности людей жить в согласии друг с другом» [Малявин В.В., 2001, с. 613].

Некоторые исследователи обнаруживают сходство конфуцианской трудовой этики с протестантской этикой, описанной Вебером. Рэрик, например, прямо утверждает, что при их сравнении проявляется больше сходств, чем различий [Rarick Ch.A., 2007]. Оба учения подчеркивают важность упорного, добросовестного труда, бережливости, расчетливости, духовного совершенствования, самореализации возможностей индивида. В обеих системах ценностей приоритет за образом жизни и реальными поступками, а не за целью душеспасения. Различия трудовой этики в основном затрагивают доминирующий уровень приложения: индивидуальный в одном случае, коллективный – в другом. Конфуцианская этика подчеркивает социальные взаимосвязи, в том числе носящие выраженную семейную основу, что совсем не характерно для западной культуры [Rarick Ch.A., 2007].

Вместе с тем сторонникам резких противопоставлений можно указать на то, что нравственный посыл, норматив обязательности отнюдь не чужд западной культуре. Напротив, М. Вебер, анализируя этическую проповедь Б. Франклина, показал, что в ней содержатся не просто правила житейского поведения, не только «практическая мудрость», а излагается своеобразная «этика», отступление от которой рассматривается как своего рода нарушение долга.

«В самом деле, – писал М. Вебер, – столь привычное для нас теперь, а по существу отнюдь не само собой разумеющееся представление о *профессиональном долге*, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей “профессиональной” деятельности, в чем бы она ни заключалась и независимо от того, воспринимается ли она индивидом как использование его рабочей силы или его имущества (в качестве “капитала”), – это представление характерно для “социальной этики” капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для нее и конститутивное значение» [Вебер М., 2013, с. 42].

В последние десятилетия все большее внимание со стороны теоретиков и практиков менеджмента получает проблема игнорирования этических принципов, воспринимаемая как едва ли не главная болезнь современного бизнеса. «Менеджмент, – пишет в своей последней книге Г. Хэмел, – сделал бизнес намного эффективнее, но едва ли можно сказать, что он сделал его намного этичнее. ...Возможно, настал момент пересмотреть условия сделки. Мы должны научиться координировать усилия тысяч людей, не прибегая к услугам дорогостоящей армии надсмотрщиков, крепкой хваткой держать затраты, не удушая воображение людей, строить организации, в которых дисциплина и свобода не являются взаимоисключающими понятиями» [Хэмел Г., Брин Б., 2013, с. 23].

Вместе с тем нельзя не отметить, что практика западных корпораций знает многие примеры включения показателей социальной ответственности в регулярную отчетность. Также широко применяется практика использования этических кодексов КУ, в том числе и в России. Однако реальная эффективность этих мер остается под вопросом.

Таким образом, постепенные, но существенные изменения происходят и в западной управленческой культуре. Это проявляется, в частности, в кодексах КУ, в университетских программах обучения будущих лидеров бизнеса. Например, в магистерской программе Гарвардской школы бизнеса появилась новая программа под названием «Лидерство и корпоративная подотчетность», со-

гласно которой должностные обязанности руководителя подразделяются на три категории: экономические, правовые и этические [Bloomfield S., 2013, p. 358].

Теоретическое обоснование гуманизированного менеджмента на современном этапе изобилует в работах Ф. Герцберга (школа человеческих отношений), Д. Макгрегора (теория Y), П. Друкера, Г. Хэмела и др. В постиндустриальной экономике ускорение процессов структурных изменений занятости, рост значения человеческого капитала с неизбежностью ставят новые задачи перед менеджментом и заставляют использовать методы, опирающиеся на непрерывное обучение и учет интересов работников. Очевидно, что современная глобализация экономических отношений, мировых хозяйственных связей создает почву и для конвергенции различных культур, сближения методов и практик менеджмента.

Одни универсальные ценности должны дополняться другими. Перспектива развития – во взаимообогащении культур. И для этого существует мощная исторически обусловленная объективная основа, выработанная самим опытом человечества. Об этом свидетельствует сходство этических составляющих, нравственных норм, содержащихся в различных религиозных учениях. Это касается не только христианства и ислама, вышедших, в общем, из одного корня, но и таких далеких систем, как даосизм и буддизм.

В современном мире парадигма раздельности, изолированности мировых цивилизаций (культур) уходит в прошлое, несмотря на то, что их особые временно-пространственные циклы развития сохраняются. Ей на смену, при всей мифичности и относительности глобализации идет признание сближения, по крайней мере, интенсификации культурных взаимовлияний и взаимопроникновений, как и работы в этом направлении многих социокультурных факторов (и конкретных агентов). Напрашивается вывод о процессе, развивающемся в параллель глобальным и региональным экономическим и политическим интеграционным процессам, – ассимиляции, взаимного обогащения духовно-нравственных ценностей и норм поведения во всех аспектах человеческой деятельности и, тем самым, постепенного сближения мировых социокультурных ареалов.

Когда-то Р. Киплинг, исходя из реалий его времени, утверждал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда». Сегодня, когда они уже сдвинулись навстречу друг другу в отдельных проявлениях, вероятно, правильнее было бы сказать, что есть Запад и Запад, Восток и Восток, имея в виду как значительную внутреннюю социокультурную неоднородность, так и все

происшедшие изменения, их разнонаправленность и одновременность в двух, бывших когда-то полярными, регионах мира. Времена меняются, и конвергенция культур, их взаимное обогащение становятся неизбежностью, определяющей перспективу развития всего человечества. В этом процессе обе стороны могут взглянуть на себя критическим взглядом и почерпнуть из других культур необходимые и недостающие элементы.

Закон и мораль

Отмеченные выше противоречия между традиционным стилем управления и его элементами в сферах трудовых отношений, занятости, найма и вознаграждения и современными требованиями к УЧР в условиях модернизации выливаются в противоречие между действующими социокультурными нормами и ценностями, с одной стороны, и неизбежной перспективой развития правовых институтов и контрактных отношений – с другой. Эта дилемма приводит к более общей проблеме, актуальной не только для азиатского менеджмента. Речь идет о роли и соотношении двух важнейших институциональных характеристик человеческого общества – нравственности и законности и, более конкретно, о соотношении моральных и законодательных норм в качестве руководящих принципов человеческого, в частности экономического, поведения и основ построения систем управления.

Вполне в духе своего времени вместо ценностей свободы и права Конфуций предлагает жесткую социальную иерархию, подкрепленную преданностью управляемых в ответ на благожелательность правителя и его заботу об их благе. Как справедливо замечает Рэрик, это вполне соответствует отношениям между монархом и подданными в рамках феодального общества [Rarick Ch.A., 2007]. Сегодня такая постановка вопроса, разумеется, невозможна, однако функция иерархии и позиции в ней человека сохраняется, а идея преданности правителю заменяется лояльностью к организации. В то же время, как отмечают наблюдатели, организационный патернализм вполне естественен и действенен, многие организации проявляют заботу о работниках, например, в виде предоставления жилья, возможностей для отдыха, образования и т.п.

Исследователи отмечали, что конфуцианские этические принципы способствовали тому, что основу общественных отношений составили иерархические социальные структуры и связи, основанные на взаимных обязательствах. Эти взаимосвязи (в управлении,

в семье) формируют и определяют характер всей социальной структуры, служат ее стержнем и обеспечивают стабильность [Chan A., Young A. Chinese..., 2012]. Добавим, что такая стабильность, конечно, может рассматриваться как достижение, если она не превращается в застой (о чем применительно к Китаю говорил, например, М. Вебер), а идеология межличностной гармонии не становится средством закрепления социального неравенства и монополии власти.

Китайский менеджмент, воспринявший черты конфуцианских ценностей, часто характеризуется некоторыми исследователями как носящий личностный характер (*ruling by man*) в отличие от правового (*ruling by law*)¹. И это объясняет многие аспекты китайской практики организации и управления. Так, характерная черта этого стиля отражается на процессе принятия решений: высшие руководители принимают окончательные и неоспоримые решения. Его оборотная сторона состоит в отсутствии стандартных методов и процедур, в их замене отношениями патернализма. Топ-менеджеры пользуются неограниченной властью при отсутствии механизмов, способных предотвратить злоупотребления. В деловых переговорах и сделках важную роль играют личные связи, а не соблюдение норм регулирования. Это, по мнению западных специалистов, контрастирует с западной практикой и тормозит модернизацию китайских предприятий [Confucian values..., 2005, p. 319].

Не менее важно то обстоятельство, что конфуцианские принципы правления не связаны с законом и не требуют законодательного оформления. Рассмотрение принципов конфуцианского КУ показывает, что идея эффективного управления в таком варианте не имеет ничего общего с западными концепциями подотчетности и прозрачности. Конфуцианской этике вообще не свойственно понятие естественного права. Подтверждением этому служит то, что, в отличие от христианской традиции, в конфуцианстве нет упоминания о прирожденном равенстве людей. В то же время человек у Конфуция вовсе не греховен, и задача в том, чтобы с помощью принципов гуманизма сохранить его добродетель [Young A., 2011].

Однако следует заметить, что конфуцианская этика как моральный путеводитель не имеет никаких принципиальных отличий от любого другого этического учения, поскольку все они исходят из общечеловеческих принципов взаимодействия добра и зла в

¹ В более жесткой интерпретации – управление по произволу и по закону. Эти определения имеют и китайские оригиналы – в английской транскрипции они выглядят, соответственно, как «*ren zhi*» и «*fa zhi*».

природе человека и общества¹. Мораль, писал И. Кант, не нуждается в религии, «благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе», более того, «мораль неизбежно ведет к религии, благодаря чему она расширяется до идеи обладающего властью морального законодателя вне человека» [Кант И., 1980, с. 78, 81].

Не только метафоричность, свойственная Конфуцию, но и сам подход к принципам управления имеют явные параллели с античной философией. Излюбленный прием и древнегреческих, и римских, и византийских, как и многих последующих авторов – описание идеального правителя. Сходен и набор руководящих ценностей. Так, у Аристотеля это общее благо, справедливость, согласие, семейные отношения. Однако здесь уже закладывается и будущее различие политических культур. «Подробно описывая достоинства и изъяны каждой из форм управления... Аристотель отдает предпочтение той политике, где властвует закон, а не властитель, и где граждане осуществляют выбор должностных лиц в судах и народных собраниях» [Огурцов А.П., 2013, с. 106]. Как отмечает А.П. Огурцов, «до возникновения юридического способа мышления на ранних этапах истории политической мысли всякое рассуждение об управлении ограничивалось скорее наставлениями властителю, чем анализом присущих управлению процессов. Этот период «наставничества» длился очень долго – от античной мысли до Макиавелли [Огурцов А.П., 2013, с. 103], у которого, однако, советы правителю уже далеки от этики и подчас приобретают характер, противоположный классическим.

Примечательно также отсутствие в работах, анализирующих влияние конфуцианской этики, упоминания основополагающего права человека – свободы как независимости от принуждения и произвола со стороны других. Фундаментальные ценности сводятся

¹ Так, по-видимому, конфуцианская добродетель весьма близка платоновскому проекту «правильной политики», предполагающему, что истинный гражданин тождествен добродетельному человеку. «Платон – сторонник идеи восхождения человека к состоянию идеального гражданина через совершенствование добродетелей... с жесткой привязкой к системе государственного воспитания и обучения» [Солопова М.А., 2013, с. 58]. Аристотель также подчеркивал важность серьезной подготовки и обучения гражданина, но при этом обращал внимание на необходимость компромисса интересов. У Аристотеля, считавшего, что «несовпадение гражданского и добродетельного является одним из моментов действия механизма справедливости в обществе, когда речь идет не об уравниловке, а о наделении каждого “по достоинству”» [там же], можно обнаружить ступень к будущей философии индивидуализма.

к благоволению и гармонии (в том числе между правителями и подчиненными). Европейская культура Просвещения ставит вопрос по-иному: «Благоволение правителя желательно и богоугодно, но соблюдение права – более, чем желательно: это высшая из святейших его обязанностей» [Соловьев Э.Ю., 2013, с. 85].

Конфуцианский проект добродетельного человека и руководителя дошел до наших дней в практически неизменном виде, о чем свидетельствуют попытки его внедрения в сегодняшнюю хозяйственную жизнь. Между тем европейская цивилизация прошла через длительный и сложный опыт, обогативший ее этическими идеями как христианских мыслителей, так и философов различных направлений – Спинозы, Канта, Локка, французских просветителей, благодаря которым в центр социально-политических концепций прочно вошло понятие права. Человеческие отношения, таким образом, становятся полем не только проявления благих пожеланий, но и реализации прав человека.

Современная концепция государственного правления разительно отличается от идеи персонализированной самодержавной власти, а потому и не нуждается в морализаторстве, обращенном к благожелательному правителю. Современный тип власти характеризуется как безличностный, а правители как «слуги» и «должностные лица», власть тем более совершенна, чем отдаленнее от конкретных ее носителей. Власть, таким образом, приобретает политическую и правовую форму [Пивоваров, с. 70]. В этой эволюции и заключен интеллектуально-культурный прогресс, поскольку, как пишет французский политолог Ж. Бурдо, «отделение правителя, который командует, от права командовать позволило подчинить процесс управления заранее оговоренным условиям. В результате стало возможным оградить достоинство управляемых, которому мог наноситься ущерб при прямом подчинении какому-нибудь конкретному человеку» [цит. по: Пивоваров Ю.С., 2014, с. 71].

В теории менеджмента одним из признаков эффективного руководителя предприятием считается четкая работа предприятия в отсутствие этого руководителя благодаря отлаженным структурам и процессам управления и благодаря тому, что им подготовлены квалифицированные заместители, способные заменить его при необходимости. Отсюда всякие тенденции «ручного», т.е. персонифицированного управления есть признак неэффективности.

Конфуций не доверял и пренебрегал законами, считая, что они лишь стимулируют их несоблюдение [Chan A., Young A., 2012], что господство закона только вредит нации, поскольку правонаруши-

тель может найти способы избежания наказания. Он не верил в то, что строгие установления способны обеспечить справедливость и эффективное правление. Только нравственные принципы могут противостоять вредным и преступным проявлениям. Если творцы правовой системы не обладают нравственной добродетелью, созданная ими система несовершенна и недействительна [Young A., 2011]. По Конфуцию, цели достигаются благодаря морали, иерархическому порядку и гармонии, встроенным в общественные нормы. Действительно, безнравственность, а значит, и криминальное поведение, лечится нравственным воспитанием, но никак не законом.

Как сегодня могут быть восприняты эти построения? Позитивистская точка зрения, по мнению А. Чана и А. Янга, может состоять в том, что конфуцианская трактовка правления соответствует примитивным обществам. Однако сам факт устойчивости ценностей и норм в течение веков, служит достаточным ее опровержением. Согласно еще одной точке зрения, без писаных законов и обеспечения их правоприменения строгое соблюдение норм невозможно. На это сторонники традиционных ценностей указывают на принудительный и пенитенциарный характер законов, тогда как взаимные обязательства, основанные на общественных ценностях и нормах, формируют стимулы к добровольному их усвоению и соблюдению [Chan A., Young A., 2012].

К этому, на наш взгляд, необходимо добавить следующее. Во-первых, право не сводится к писаным законам, ибо наряду с буквой закона существует и понятие духа закона – правовая среда, атмосфера законности (или беззакония). Во-вторых, оно тем более не сводится к нормам запрета и наказания, а главная его роль – в обеспечении прав человека. Закон закрепляет и утверждает нормы и правила, выработанные долговременным общественным опытом. Самые строгие законы при отсутствии в обществе атмосферы нравственности не спасают от коррупции, воровства, насилия и обмана.

Естественно, что если в правовой среде человек не нуждается в милости правителя, поскольку не зависит от нее, то в обществах, несущих пережитки феодальных отношений, при слабости и неразвитости правовых институтов, проповедь нравственности в духе конфуцианской этики, обращенная к властям, приобретает особое значение.

Сегодняшнее значение этой традиционной моральной философии определяется ее влиянием на культуру человеческих отношений, которые, по Конфуцию, также цементируют общество и способствуют его благополучию. Она, эта культура, воспитывается

веками и передается от поколения к поколению и имеет непосредственную связь с трудовой мотивацией и производительностью труда, а значит и с эффективностью хозяйственных единиц и экономики в целом. Эта культура связана и с отношениями власти и общества, что особенно важно для многих властных элит, которых не заботят ни нравственные императивы, ни нормы закона.

Мы видим, что в современных исследованиях конфуцианской традиции и ее места в современном китайском обществе много внимания уделено сравнению правовой и этической систем и их соответствию западному и восточному контексту. Думается, однако, что дилемма о верховенстве морали или закона, вообще говоря, надуманна и непродуктивна, поскольку важно их единство, ведь именно мораль, выработанная и освященная опытом человечества, всегда служит глубинным основанием для закона, а закон – средством укрепления морали. Закон без морали слеп, а мораль без закона слаба.

Однако мораль первична, ее нормы возникают и апробируются в социальных практиках и утверждаются сначала в форме обычая, как «обычное право», а затем – в законе. Этическое учение Конфуция, по существу, представляет собой такой неписанный закон, который действенен и долговечен как механизм регулирования поведения человека. Некоторые ключевые положения конфуцианской доктрины трудны для реализации в западном обществе, тем не менее принципы управления, основанные на моральных критериях, могут быть универсальным дополнением и основой для выработки новых подходов к эффективному управлению [Young A., 2011]. Нельзя не отметить, что такая позиция в целом характерна для представителей современных ветвей управленческой и организационной культуры – как восточной, так и западной.

Исследователи, анализирующие трансформацию Китая, отмечают, что если конфуцианские добродетели оказываются недостаточными для страховки от аморальных действий в современном Китае, то картина может радикально измениться при создании правовых защитных механизмов. Эволюция Китая в направлении современного общества уже подготовила «революционный процесс сочетания конфуцианской этики с западной правовой моделью» [Wang L., Snell R.S., 2013, p. 181].

Вместе с тем существует и точка зрения традиционалистов, согласно которой западные принципы корпоративного управления и законодательства непригодны для Китая не потому, что в чем-то уступают местным, а из-за несоответствия его культурному и ис-

торическому контексту. Китаю следует черпать источник своего корпоративного законодательства в собственной богатой истории и строить его с учетом конфуцианской традиции [Chan A., Young A. Chinese..., 2012].

Несомненно, что явления коррупции, бюрократии, мошенничества и т.п. в немалой степени бытовали и в прошлом, императорском Китае, однако современные масштабные проявления такого рода можно с уверенностью отнести на счет влияния насильственного насаждения новой идеологии и рыночных отношений. И все же, как теперь выясняется, и об этом говорят и западные, и восточные эксперты, коммунистическому режиму с помощью методов «культурной революции» не удалось полностью разрушить традиционные духовно-нравственные основы китайского общества.

Практика применения в Китае современного корпоративного законодательства в рамках коммунистического режима (законы 1994 и 2005 г.) показала, что влияние традиций конфуцианства сохраняется. Целый ряд исследований, проведенных западными специалистами, подтвердил наличие этого влияния также в компаниях стран Юго-Восточной Азии. При этом возможно, что именно древняя культура и ее нравственные стержни позволили китайской элите провести свою перестройку и радикально изменить облик Китая.

Западные модели управления, по мнению самих современных адептов конфуцианства, предоставляют большее разнообразие подходов для нужд различных инвесторов и бизнесменов в современном Китае. И в перспективе эти альтернативные подходы должны в большей мере вписываться в его культурный контекст. Эта перспектива с наибольшей вероятностью выразится в плюралистичном режиме регулирования, отражающем запросы международных рынков, с одной стороны, и близком условиям конфуцианской традиции – с другой [Chan A., Young A. Chinese..., 2012].

В передовых обществах моральная основа человеческих отношений институционализована в законодательстве. Свой вклад в правовое общество и соответствующий мониторинг вносят различные ветви власти, профсоюзы, неправительственные организации, средства массовой информации, образовательная система. Все это влияет на этику поведения, хотя и не устраняет полностью нарушений. Очевидно, что во многих странах с развивающейся рыночной экономикой, включая Китай, еще не достигнут адекватный уровень правовой защиты.

Какие меры возможны в этом случае? Одно из предложений состоит в использовании уже имеющихся в мировой практике управления трудом примеров разработки и применения отраслевых или общепромышленных этических кодексов, т.е. содержательных и четких наборов этических норм в системе социально ответственного менеджмента. В такие локальные системы кодификации отношений могут входить вопросы, касающиеся общих целей и задач, заключения контрактов, оплаты труда, запрещения принудительного и неоплачиваемого труда, всех видов дискриминации, охраны труда и здоровья на производстве. Западные наблюдатели призывают китайские власти совершенствовать подходы к регулированию и обеспечению трудовых прав, включая создание неправительственных организаций.

Ответственность за соблюдение своих прав возлагается и на самих управляемых. «Терпимость, – пишут гонконгские специалисты, исследовавшие причины и последствия конкретного случая злоупотреблений на одном из китайских предприятий, – глубоко укоренена в китайском менталитете и длительное время считалась достоинством. Забота рабочих о собственных правах оказалась слабой». В условиях давления современных экономических факторов ключевые положительные черты конфуцианской этики в менеджменте могут стираться, а ее положения «одобряющие» неравенство и терпимость выходить на первый план. «Крайне важно изменить умонастроения и вооружить работников возможностями защиты своих прав, создать организации по типу западных профсоюзов, помогающих усилить позиции в переговорах с работодателями». Важно обеспечить средства и стимулы к тому, чтобы их голос был услышан [Wang L., Snell R.S., 2013, p. 179–180].

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть значение нравственных императивов как фактора эффективного производства и управления. Совершенно ясно, что без соблюдения определенных норм экономического и трудового поведения, диктуемых общечеловеческой моралью и ценностными категориями, ориентированных на производство экономических благ и удовлетворение общественно значимых потребностей, никакое производство и управление просто невозможны. Более того, серьезные аналитики связывают затяжное неустойчивое экономическое состояние современного капитализма именно с кризисом морали и доверия [Явлинский Г.А., 2014].

Дело в том, что, по мнению исследователей, причины современного кризиса деловых и финансовых институтов, распространения мошенничества, отмывания денег и других форм неэтичного

поведения в США, Европе и других регионах мира связаны с провалами в области КУ и КСО. Чтобы обеспечить устойчивые показатели функционирования и роста, лидерам бизнеса необходимо сознавать социальную ответственность и учитывать интересы занятых, т.е. найти эффективные способы реализации этических принципов при принятии решений. Ответ может быть найден в конфуцианской этике, а именно в вытекающих из нее принципах социальных обязательств и гармонических отношений. Их изучение и применение в сочетании с принципами КСО будет способствовать гармонизации отношений, совершенствованию организаций и экономическому росту как на Востоке, так и на Западе.

Значение конфуцианской этики определяется значением этики вообще для жизни общества, в том числе для его экономической деятельности. Соблюдение этических норм составляет основу человеческого поведения в социуме, в экономических отношениях, формирует доверие, обеспечивает возможность делового сотрудничества, являясь необходимым дополнением, а может быть и условием контрактных отношений.

Моральные императивы типа конфуцианских могут служить своего рода компенсаторными механизмами там, где нет достаточного развития институтов свободы, права, защиты собственности и т.п., т.е. на определенных этапах истории.

В любом случае это не означает возможности какого-либо переноса восточных элементов управления и взаимоотношений внутри производства в условия современной постиндустриальной экономики. Отдельные, а может быть и многие аспекты личностно-ориентированного менеджмента и гуманизированного управления человеческими ресурсами, имеющие аналогии в рассматриваемом конфуцианском опыте, могут и должны практиковаться, но на совершенно иной, современной основе. Впрочем, один серьезный урок несомненно остается актуальным: следование общечеловеческим этическим нормам, моральным ценностям, выработанным поколениями, отношения между людьми, в том числе на производстве, в хозяйственной деятельности, основанные на доверии, благожелательности, постоянном обучении, взаимной заботе и уважении, выгодны для всех участников. Большое значение, несомненно, имеет апелляция к моральным ценностям, призыв к их сохранению и культивированию. «Человеческое общество, – напоминает Патрик Лоу, – может гордиться достижениями науки и технологии, но эти достижения, однако, могут стимулировать желания и привести к безудержной погоне за материальными при-

обретениями. Алчность чревата эрозией моральных ценностей, подменой и утерей духовных начал. В этом случае опорой и поддержкой духовности могут стать конфуцианские, или традиционные ценности» [Low K.C.P., 2013, p. 1].

* * *

Какие выводы следуют из изложенного для сегодняшней хозяйственной и управленческой практики? Безусловно, философские учения, ставшие частью культурного капитала общества, играют немаловажную роль и в этой сфере. Подобно тому, как античная и христианская философия стала элементом социокультурной среды европейского общества, а значит и его хозяйственных отношений, так и конфуцианская этика послужила аналогичным фактором для экономик азиатских стран.

Источник нравственности – в самой природе человека, а этические системы, обладая локальными и историческими особенностями, содержат общечеловеческие принципы поведения и взаимоотношения людей. Это относится едва ли не ко всем элементам, ценностям любой этической системы. Какая из них может пройти мимо значимости просвещения или гуманных, гармонических отношений? История знает и зло, совершающееся под идейными знаменами свободы и справедливости. Любая идеология, даже не содержащая установок, противоположных гуманистическим ценностям, может быть использована для обоснования и оправдания тоталитаризма, жестокости и манипулирования общественным сознанием.

Можно предположить, что эффект заложен не в особенных свойствах того или иного этического учения, а в садовнике, сеющем семена, и в почве, в которую они ложатся. Любая доктрина окажется сборником благих пожеланий, если не находит последовательных и искренних проводников в жизнь.

Это положение имеет всеобщий характер, оно касается и протестантской этики, влияние которой на «дух капитализма» объясняется не только ее качествами, доказанными М. Вебером, но и восприимчивостью общественной среды, потребностью и готовностью широких слоев общества, выходящего из средневекового состояния и стоящего на пороге Нового времени, к идеологическим новшествам, трансформирующим хозяйственную жизнь.

Важно то, что конфуцианство оказалось достаточно жизнеспособным, чтобы оказать существенное влияние на многие цивилизации, прежде всего восточноазиатскую, стать важным элемен-

том культуры, и как свидетельствуют современные исследования, и сегодня воздействовать на хозяйственную деятельность, условия, в которой она протекает и методы регулирования отношений между людьми.

Такое влияние связано также с поведением лиц, транслирующих идеологию (в том числе религиозную), их личным влиянием на «паству». Ибо важнейшее средство воспитания – это пример и доведение его до целевой аудитории. Сегодняшний интерес к конфуцианскому наследию можно сравнить с всплеском интереса к японским особенностям промышленного менеджмента, связанного с японским экономическим чудом послевоенного периода. Этот интерес во многом обязан уникальному месту китайской экономики в мировой системе разделения труда и ее растущей роли в мировой экономической динамике.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Бизнеском, 2013. – 323 с.
2. Государство. Общество. Управление. Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – 511 с.
3. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 712 с.
4. Конфуций. – М.: Издат. дом Ш. Амонашвили; Мос. гор. пед. ун-т, 2002. – 175 с.
5. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Дизайн. Информация. Картография: Астрель: АСТ, 2001. – 631 с.
6. Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. – М.: Инфра-М, 2008. – 864 с.
7. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1141.html>
8. Огурцов А.П. Власть: от метафор – к нейтральному языку описания // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013 – С. 103–124.
9. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 336 с.
10. Соловьев Э.Ю. Государство, гражданский правовой порядок и права человека в глобально-историческом проекте Канта // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013 – С. 75–101.
11. Солопова М.А. Гражданин, государство и общество в античной философии // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. – М.: Альпина пабл., 2013. – С. 55–73.
12. Философская энциклопедия. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/

13. Хэмел Г., Брин Б. Будущее менеджмента. – СПб.: BestBusinessBooks, 2013. – 267 с.
14. Цырендоржиева Д.Ш., Ричинова Т.М. Роль духовно-нравственных ценностей в жизнедеятельности современного китайского общества. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Выпуск 6 а. Философия, Социол., Полит., Культур. – Улан-Удэ, 2012. – С. 70–77.
15. Явлинский Г.А. Рецессия капитализма – скрытые причины. Realekonomik. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 184 с.
16. Bloomfield S. Theory and practice of corporate governance: An integrated approach. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2013. – XVIII, 421 p.
17. Chan A.Ch.K., Young A. Confucian principles of governance: Paternalistic order and relational obligations without legal rules // Social Science Electronic Publishing. – January 17, 2012. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1986716
18. Chan A., Young A. Chinese corporate governance regime from a historical-cultural perspective: Rethinking Confucian system of governance // Social science electronic publishing. – 03.11.2012. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2156300
19. Cheng T. Confucian ideology and business administration // Chinese culture and industrial management. – River Edge (NJ): World scientific publ., 1998. – P. 187–192.
20. Confucian values and the implications for international HRD / Wang J., Wang G., Ruona W.E.A., Rojewski J.W. // Human resource development international. – L., 2005. – Vol. 8, N 3. – P. 311–326.
21. Corporate social responsibility: Meeting the expectations. / The World Business Council for Sustainable Development. – 2000. – Mode of access: <http://www.wbcsd.org/DocRoot/RGk80049q8ErwmWXIwtF/CSRmeeting.pdf>
22. Hofstede G. Cultures and organizations: Software for the mind. – N.Y.: McGraw-Hill, 1997. – 279 p.
23. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // Organizational dynamics – N.Y., 1988. – Vol. 16, N 3. – P. 5–21.
24. Hout T., Michael D. A Chinese approach to management // Harvard business rev. – Boston, 2014. – Vol. 92, N 9. – Mode of access: <http://hbr.org/2014/09/a-chinese-approach-to-management/ar/>
25. Li J., Madsen J. Chinese workers' work ethic in reformed state-owned enterprises: implications for HRD // Human Resource Development International, 2009. – Vol. 12, N 2. – P. 171–188. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/13678860902764100>
26. Low P.K.Ch., Ang S.L. Confucian Ethics, Governance and Corporate Social Responsibility // International J. of Business and Management. – 2013. – Vol. 8, N 4. – P. 30–43. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.5539/ijbm.v8.n4.p30>
27. Low K.C.P., Ang S.L. Management, Confucian way // Educational research. – 2013. – Vol. 4, N 2. – P. 82–90. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=2233163>

28. Low K.C.P. Confucian leadership, the way // Business j. for entrepreneurs. – 2013. – Vol. 2013, N 1. – P. 1–11. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=2237767>
29. Low K.C.P., Ang S.L. Leaders who care, the Confucian perspective // Intern. J. of business and social research. – Maryland, 2012. – Vol. 2, N 3. – P. 99–108.
30. Low K.C.P., Ang S.L. Confucian leadership and corporate social responsibility (CSR), the way forward // Asian j. of business research. – 2012. – Vol. 2, N 1. – P. 85–108. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=2097694>
31. Rarick Ch.A. Confucius on management: Understanding Chinese cultural values and managerial practices // J. of international management studies. – 2007, N 8. – Mode of access: <http://www.jimsjournal.org/3%20Charles.pdf>
32. Rarick Ch.A. Historical antecedents of Chinese business ethics // J. of management research. – 2009. – Vol. 1, N 1. – Mode of access: <http://www.macrothink.org/journal/index.php/jmr/article/viewFile/34/3>
33. Rarick Ch.A. The philosophical influence of the Sage Kings of High Antiquity, Lao Tzu, Sun Tzu, and Confucius on Chinese management thought // Social Science Electronic Publishing. – March 26, 2008. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1112139
34. Romar E. Managerial harmony: The Confucian ethics of Peter F. Drucker // J. of business ethics. – 2004. – Vol. 51, N 2. – P. 199–210.
35. Tand J., Ward A. The changing face of Chinese management. – L.: Routledge, 2003. – Mode of access: <http://www.crcnetbase.com/doi/pdfplusdirect/10.4324/9780203361559.fmatt>
36. Wang L., Snell R.S. A case study of ethical issue at Gucci in Shenzhen, China // Asian j. of business ethics. – Hong Kong, 2013. – N 2. – P. 173–183.
37. Wong K.C. Chinese culture and leadership // International j. of leadership in education: Theory and practice. – L., 2001. – Vol. 4, N 4. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/13603120110077990>
38. Young A. Retracing the roots and ideals of Confucian principles of governance: The art of regulating governance without legal rules in Chinese societies (Working paper). – 2011. – Mode of access: <http://eprints.qut.edu.au/40091/1/40091.pdf>
39. Zhang Y. The corporate social responsibility in China – The China's corporate social responsibility policy. – MSc in Finance & International Business / Aarhus School of Business. – 2007. – 96 p. – Mode of access: <http://pure.au.dk/portal/files/2576/thesis.pdf>
40. Zheng Z. Sincerity, trustworthiness, law-abidance and corporate social responsibility // Intern. management rev. – Wiesbaden, 2007. – Vol. 3, N 1. – P. 82–93.

Е.А. Пехтерева

ИСЛАМСКИЕ ФИНАНСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В РОССИИ

Исламские финансы представляют собой составную часть исламской экономики – системы хозяйствования, в основе которой лежат нормы и принципы мусульманского права. Исламские финансы – это совокупность методов и механизмов, альтернативных процентному финансированию и позволяющих соблюдать принципы шариата.

Рынок исламских финансов один из наиболее динамично развивающихся современных финансовых рынков. По оценкам компании Earnst & Young, объем исламских финансовых активов на мировых финансовых рынках вырос с 509 млрд долл. в 2006 г. до 1,8 трлн долл. в 2013 г., продемонстрировав за 8 лет рост более чем на 250%. По оценке Earnst & Young, в 2011 г. исламские финансовые активы составляли уже 1% мирового финансового рынка и темпы их роста с момента появления в 70-х годах XX в. практически не снижались, оставаясь на уровне 20% в год. С ростом объемов активов исламские банки все увереннее встраиваются в международную финансовую систему [Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013, p. 13]. Впечатляющие темпы роста данного рынка и растущий спрос на исламские финансовые продукты не только со стороны мусульманского мира вызывают повышенный интерес специалистов к изучению этого явления.

Первая современная попытка организовать банковскую деятельность в соответствии с традициями ислама была предпринята египетским экономистом Ахмадом Эль-Наджаром, организовавшим в 1963 г. в египетском городе Мит Гамр исламский сберегательный банк. К 1967 г. в Египте уже работало 9 таких банков. Эти банки не начисляли и не платили проценты, инвестировали главным образом

в торговлю и промышленность напрямую либо совместно с другими инвесторами, а прибылью, полученной в результате успешной реализации проекта, делились со вкладчиками. Таким образом, они функционировали в соответствии с законами шариата как сберегательные инвестиционные институты. Исламская природа этих финансовых учреждений не афишировалась, поскольку государство в то время препятствовало проявлениям ислама в жизни общества.

Одновременно исламское банковское дело начало развиваться в Малайзии. В 1963 г. там была основана Исламская сберегательная корпорация, позднее была преобразована в небанковскую финансовую компанию, инвестирующую сбережения вкладчиков согласно канонам шариата. Деятельность организации была успешной и в результате был открыт полноценный банк Bank Islam Malaysia Berhad, который предоставляет весь спектр исламских банковских услуг и имеет в настоящее время 14 филиалов в Малайзии.

В 70-х годах во многих мусульманских странах произошли политические изменения, давшие толчок легализации исламских финансовых институтов и появлению понятия «исламские финансы». Когда в 70-е годы стали расти цены на нефть, главными поставщиками которой на мировой рынок были мусульманские страны Персидского залива, их валютные резервы увеличились в среднем в 5 раз. Одновременно в этих странах возникло стремление создать новые финансовые структуры, отличные от мировой банковской практики и основанные на этике и принципах ислама [Игошина Ж., 2013].

Много исламских банков появилось на Ближнем Востоке. В 1975 г. организация «Исламская конференция» объявила о создании Исламского банка развития (ИБР), что дало толчок открытию национальных исламских банков в арабских странах: в ОАЭ (Dubai islamic bank, 1975), Египте (Faisal islamic bank of Egypt, 1977), Судане (Faisal islamic bank of Sudan, 1977), Бахрейне (Bahrain islamic bank, 1979). В Бахрейне базируется одна из крупнейших исламских банковских групп: Аль-Барака (Albaraka banking group B.S.C.), имеющая 200 филиалов в 40 странах.

По мере развития исламских банков менялось отношение к ним со стороны финансовых экспертов. В период зарождения этих банков они считались не более чем пропагандой ислама, и многие предрекали их скорый крах. В настоящее время исламские банки воспринимаются как серьезный коммерческий проект. О популярности подобных банков говорит такой факт: в первый день открытия исламского банка в Кувейте в него с депозитов традиционных коммерческих банков было переведено 140 млн долл. [Потапов А., 2005].

Азиатско-Тихоокеанский регион также стал местом распространения исламских финансовых институтов, важнейшие и крупнейшие из которых находятся в Малайзии, но безусловными лидерами по динамике развития исламского банкинга остаются страны Персидского залива: Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар. По данным компании Ernst & Young, доля исламских банков в этих странах составляет более 25%. При этом эксперты Ernst & Young предсказывают дальнейший рост исламского банковского сектора, связывая его с такими факторами, как быстрый рост населения, высокие запасы нефти и природного газа и устойчивый экономический рост.

По мнению специалистов, исламский банкинг является одним из связующих элементов, объединяющих раздираемый внутренними противоречиями мусульманский мир, поскольку это социально-экономическое явление транснационально по своей природе, оно функционирует не по этническому, а по религиозному принципу [Игошина Ж., 2013].

В странах, где исламские финансовые институты активно поддерживаются государством, ежегодный рост их активов, по оценкам специалистов, достигает 30%. Необходимо также отметить, что значительное количество исламских банков учреждено в странах, где мусульмане представляют меньшинство населения.

Интересен тот факт, что в странах Европы по данным опросов готовы использовать инструменты исламского банкинга большее число жителей, чем в некоторых мусульманских странах. Среди британцев таких 75%, в Саудовской Аравии – 65%, а в ОАЭ – 25% [Макеева Л.].

Великобритания вообще является признанным центром развития исламского банкинга на Западе, и, по прогнозам, в течение ближайших лет наряду с Дубаем и Кипром может войти в тройку мировых лидеров исламских финансов. При численности мусульманского населения около 3 млн человек в Великобритании насчитывается 22 исламских банка с объемом активов в несколько десятков миллиардов долларов. Появление британских исламских банков – HSBC Amanah, UK'Islamic Bank of Britain и др. – стало возможным благодаря развитой финансовой инфраструктуре, а также созданию необходимой нормативно-правовой и налоговой базы [Макеева Л.].

Первый исламский банк на территории Европы – Islamic Finance House – был создан в Люксембурге в 1978 г. Успешно функционируют исламские банки в США, Дании (в Копенгагене работает Исламский международный банк Дании), в Австралии (Исламская

инвестиционная компания Австралии в Мельбурне) [Перечнева И., 2012; Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013]. В Германии в 2010 г. был открыт первый мусульманский банк Kuveyt Tuerk Beteiligungsbank, главные офисы которого располагаются в Кувейте и Турции. Ожидается, что постепенно число немецких филиалов этого банка может возрасти до десяти [Исламский банкинг..., 2014].

В разных странах соотношение традиционного и исламского банкинга разное, но почти везде исламский банкинг развивается более активно и стабильно, чем традиционный [Перечнева И., 2012]. При этом специалисты констатируют, что многие традиционные банки в поисках новых клиентов начали предоставлять исламские финансовые продукты. В настоящее время примерно 275 финансовых институтов в 75 странах мира предоставляют своим клиентам финансовые услуги, соответствующие законам шариата. Так традиционные банки, такие как Citibank, HSBC, французский Societe Generale организовали отделения, которые предоставляют услуги на беспроцентной основе [Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013, p. 13]. Специалисты уверены, что исламский банкинг будет и дальше развиваться, как в арабском мире, так и вне его, в том числе потому, что продемонстрировал устойчивость в период финансового кризиса, а также по причине относительно высокого уровня рождаемости и прироста именно мусульманского населения Земли [Игошина Ж., 2013; Абдурахманов Д., 2014].

Принципы исламского банкинга

Согласно принципам исламских финансов банки, предоставляя финансовые услуги клиентам, несут ответственность не только перед ними, но и перед обществом в целом за то, что условия сделки будут прозрачны и справедливы. Ислам осуждает извлечение прибыли из сделки за счет какой-либо из сторон. При этом увеличение благосостояния индивидуума не осуждается, если в его основе разрешенные действия халяль (halal) и нет запрещенных действий харам (haram), к которым относится получение ссудного процента рибха (riba), спекуляция майсир (maisir), неопределенность в контракте гарар (gharar).

Самое главное отличие исламских финансовых операций от похожих традиционных состоит в том, что в их основе лежит движение товара, а не денег.

Получение ссудного процента – рибха – в исламских финансах по законам шариата не допускается. Если по условиям контракта

одна сторона получает прибыль за счет другой, такой контракт признается недействительным. Получение прибыли без взаимного предоставления материальных ценностей противоречит этическим нормам шариата. Некоторые трактовки законов шариата допускают использование ссудного процента, если его величина соответствует размерам инфляции и позволяет кредитору компенсировать издержки от предоставления денег в долг.

В отличие от традиционных финансов, когда величина ссудного процента фиксируется в кредитном договоре и не зависит от исхода сделки, в исламских финансах доход или убыток, полученные должником от использования денег, делятся между банком и заемщиком в соответствии с долей участия каждой из сторон кредитного договора.

Гарар – неопределенность, буквально означает «обман», «мошенничество», т.е. любое действие, которое делает исход сделки неопределенным.

В исламской финансовой практике контракты, предполагающие неопределенность, связанную с основными условиями контракта или с его основным предметом, считаются недействительными. По законам шариата любая неопределенность в отношении предмета договора, например, цены закупаемого товара, не допускается. Исламские правоведы при этом выделяют допустимый гарар – элемент неопределенности, допустимый с точки зрения шариата, промежуточный гарар, не исключающий действительности договора при соблюдении ряда условий, и избыточный гарар, при котором договор становится недействительным. Понятие финансового риска, как в традиционных финансах, отсутствует [Исламские финансово-кредитные..., 2011].

Майсир – спекуляция. В исламских финансах это понятие трактуется как мошенничество, поскольку ведет к получению прибыли в результате игры случая, а не в результате затрат труда. По законам шариата, контракты, в которых одна из сторон получает выигрыш за счет случайных обстоятельств, а не приложенных усилий, считаются недействительными. В исламской финансовой практике контракт заключается именно с намерением что-либо приобрести или продать. Перепродажа долговых обязательств, как и других производных финансовых инструментов, в исламских финансах не допускается [Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013].

В отличие от традиционных банков, которые получают плату за предоставляемые в долг средства в виде процента независимо от результата деятельности получателя кредита, в исламской финан-

совой практике все участники коммерческой деятельности несут солидарную ответственность за ее результаты. Это предполагает открытость и прозрачность деятельности всех ее участников. Между кредитором и должником складываются стабильные и долгосрочные отношения, что в свою очередь способствует стабильности финансового рынка. Отсутствие гарантированного фиксированного дохода и возможность несения убытков делает банки более осторожными в отборе проектов для финансирования и вовлекает инвесторов в их активный мониторинг [Перечнева И., 2012].

Принципы исламских финансов допускают долговые отношения, если в их основе имеются реальные активы. Законы шариата запрещают операции, способствующие наращиванию долга, если это спекулятивные операции. Движение денежных средств в исламском банкинге осуществляется при следующих условиях:

- происходит движение реальных активов;
- продавец или иной другой участник сделки должен быть собственником реального материального актива, являющегося предметом сделки;
- сделка должна быть направлена на приобретение или продажу реального товара и содержать реальные условия приобретения или поставки;
- долг не может быть продан, а риск, связанный с переходом собственности полностью несут продавец и его банк.

По мнению некоторых специалистов, принципы, на которых основываются исламские финансы, отвечают идеалам открытой социально-экономической системы, в которой царят справедливость и прозрачность, и развитие которой ведет к росту благосостояния всего общества. Именно этого не хватает традиционным финансам, нацеленным на извлечение прибыли даже путем принятия неоправданных рисков [Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013].

Итак, в отличие от обычных кредитных организаций исламские банки руководствуются в своей деятельности требованиями исламской этики. Сделка должна быть взаимовыгодной для обеих сторон. То есть ни одна из сторон не должна получить доход за счет другой стороны сделки. Таким образом, исламский банкинг строится на следующих принципах.

Во-первых, у исламских банков должны отсутствовать транзакции, связанные с взиманием процентных ставок (риба). С точки зрения ислама кредитор имеет право претендовать на справедливое вознаграждение от заемщика, но оно не должно быть оговорено в виде процентной ставки, выплачиваемой в любом случае, а пред-

ставляет собой доленое участие кредитора в доходах заемщика. Иначе говоря, исламская плата за пользование чужими денежными средствами зависит от доходности финансируемого проекта. Следовательно, в случае убыточности проекта плата за пользование кредитом может быть равна нулю.

Во-вторых, исламские банки не должны финансировать производство товаров и услуг, противоречащих нравственным ценностям ислама (харам). Например, им запрещено кредитовать торговлю алкоголем, производство свинины, азартные игры, производство порнографических фильмов и т.д. [Khan F., 2010, p. 807].

В-третьих, исламские банки должны избегать сделок, связанных со спекуляцией (майсир) и неопределенностью (гарар). Иначе говоря, они не имеют права покупать и продавать товары (акции или иные активы) с целью извлечения спекулятивной прибыли. Клиент осведомлен о том, по какой цене банк закупил товар, вознаграждение банка за услугу фиксировано и, как правило, не обусловлено жесткими сроками платежа. Банковские операции в исламских финансах прозрачны.

Важным фактором устойчивости является отказ исламского банкинга от участия во фьючерсных операциях, так как они подразумевают торговлю товарами, которые еще не произведены, а прибыльность таких операций зависит не от труда человека, а от случая. Низкие риски кредитных операций, концентрация на реальной экономике и отказ от «мыльных пузырей» фьючерсов делают исламский банкинг своего рода оазисом безопасности и стабильности в финансовом мире [Игошина Ж., 2013].

Важно отметить, что каждый исламский банк должен создать фонд, в который он сам и его клиенты перечисляют 2,5% исламского налога (закят) в пользу бедных мусульман. Для банка закят – налог, который первый раз взимается с первоначального и резервного капитала банка, а затем ежегодно с его прибыли. Закят выплачивается каждым мусульманином ежегодно, если его состояние превышает нисаб (стоимость 85 г золота) [Журавлев А.И., 2002]. Закят является важным социально-экономическим институтом, призванным утвердить в обществе принципы социальной справедливости и солидарности.

Для того чтобы обеспечить на практике соблюдение религиозных требований, исламские банки, как правило, создают советы по шариатскому надзору, которые не только осуществляют контроль, но и дают банкирам соответствующие рекомендации по ведению дел. При этом все чаще звучат призывы к большей стандар-

тизации и унификации исламского банкинга, поскольку на практике в деятельности исламских кредитных организаций наблюдаются довольно существенные различия, обусловленные различиями в законодательстве стран, в которых они действуют, и разными целями, которые они ставят перед собой [Исламские банки].

Уникальный принцип распределения прибыли и убытков (*profit-and-loss sharing*) позволяет исламским банкам вкладывать средства на длительный срок в рискованные с точки зрения окупаемости, но социально значимые проекты или в проекты с длительной окупаемостью, внося таким образом вклад в экономический рост своей страны или региона. Этот принцип накладывает на исламские банки строгие требования банковской дисциплины в выборе клиентов, поскольку в случае неудачи они понесут большие потери, чем традиционные банки. Точно так же вкладчики исламских банков подходят к выбору банка и следят за его деятельностью [Khan F., 2010, p. 818].

При этом специалисты отмечают, что на практике деятельность большинства исламских банков не сильно отличается от деятельности традиционных банков. Так, например, в Малайзии, где исламский банкинг развит особенно сильно, только незначительная часть банков полностью придерживается всех принципов исламского банкинга. Деятельность большинства исламских банков по существу ничем не отличается от деятельности традиционных банков: по депозитам начисляются, а по кредитам взимаются проценты. Многие банки, стремясь привлечь клиентов-мусульман, оказывают им те же услуги, что и традиционные банки, только называя их по-другому [Chong B.S., Liu M.-H., 2004; Khan F., 2010].

Основные инструменты исламского банкинга

Исламские банки используют различные способы инвестирования, но главными из них являются инвестиционное и торговое финансирование, а также предоставление займов.

Инвестиционное финансирование осуществляется различными методами. Один из этих методов – *мушарака* (*mus y arakah*) – совместное долевое предприятие, в котором инвесторы осуществляют вложения в складчину и делят между собой полученную прибыль или убытки в соответствии с размером пая каждого участника. По сути – это равноправное партнерство, предполагающее совместное выполнение проекта силами банка и предпринимателя. В этом случае банк становится партнером по бизнесу и вместе с предпри-

нимателем создает совместное предприятие. При этом прибыль между участниками этого совместного предприятия делится в соответствии с заранее оговоренной пропорцией. Если возникают убытки, партнеры их несут в соответствии с вложенным ими в предприятие капиталом. Совместное предприятие сохраняет юридическую самостоятельность, поэтому впоследствии банк может выйти из него, когда сочтет это необходимым.

Мудараба (mudarabah) – особый вид партнерства, в котором один партнер дает другому финансовые средства для инвестирования в различные коммерческие предприятия. При этом обычно создается совместное долевое предприятие, подобное мушараке, где один из инвесторов – исламский банк. Именно он вкладывает финансовые средства; другие инвесторы вкладывают только свой труд и знания (в мушараке все инвесторы вкладывают финансовые средства). Прибыль между участниками этого совместного предприятия делится в соответствии с заранее оговоренной пропорцией, при этом убытки возлагаются на банк, но их сумма не должна превышать общей суммы его инвестиций.

Иджара (ijara) – соглашение между банком и клиентом, по которому банк покупает по требованию клиента оборудование, а затем сдает его клиенту в аренду. Оборудование остается в собственности банка. Иджара используется для финансирования производства, строительных работ и приобретения товаров, сдаваемых в лизинг. Данный метод во многом похож на используемый обычными банками лизинг.

Истисна (istisna) – соглашение на определенный срок. Клиент обращается в банк с заказом произвести, построить, приобрести определенный продукт (имущество) по согласованной цене, дав банку его четкое описание. Банк вступает в соглашение с производителем, который соглашается поставить продукт (выполнить работы) в указанный срок клиенту либо банку, после чего клиент оплачивает услуги банка. Заказ может быть отменен любой стороной до начала изготовления товара, а если поставленный товар не соответствует спецификации, то покупатель может от него отказаться.

Салам (salam) – один из методов торгового финансирования: банк покупает для своего клиента товар, который будет поставлен через определенный срок, но при этом оплата требуется немедленно. Банк оплачивает этот товар, который затем перепродает клиенту с наценкой, включающей плату за банковские услуги. Салам используется исламскими банками для финансирования фермерских хозяйств под будущий урожай, а также для кредитования предпри-

ятий, имеющих длительный производственный цикл либо сезонный характер производства [Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013].

Мурабаха (murabaha) – кредитное партнерство для финансирования торговых операций, при котором клиент обращается в банк с просьбой приобрести для него определенные товары или имущество, и банк берет на себя организацию покупки, хранение, перевозку и т.д. Таким образом, банк принимает на себя весь риск торговой операции, а в последующем перепродает товар клиенту по цене, которая включает оговоренную в договоре наценку, которая и становится доходом банка. В основе мурабаха лежит не ссуда, а определенный товар или услуга, а банк, финансируя приобретение товара или услуги, рискует тем, что клиент может отказаться от приобретения товара, и банк будет вынужден нести издержки по хранению и реализации товара [Исламский банкинг., 2014]. По оценкам зарубежных экспертов, сделки с соблюдением мурабаха в мире оцениваются в 1,5–2 трлн долл. в год [Титова Ю., 2014].

Что касается работы исламских банков с текущими счетами, то следует заметить, что если традиционные банки иногда начисляют по ним минимальные процентные ставки, то исламские банки их открывают только для проведения текущих расчетов. Сберегательные вклады в исламских банках также привлекаются на несколько других условиях по сравнению с тем, как это делается в обычном банке. В отличие от обычного банка, зарабатывающего на процентной марже между ставкой привлечения средств по депозитам на рынке вкладов и ставкой по выдаваемым кредитам, исламский банк позиционирует себя как партнер по бизнесу как со своими вкладчиками, так и со своими заемщиками, поскольку он разделяет с ними все имеющиеся риски [Исламские банки].

При этом в одних исламских банках вкладчики предоставляют кредитной организации право использовать их депозиты по ее усмотрению, но в обмен получают гарантию возврата всей вложенной суммы. В других исламских банках сберегательные вклады фактически получают статус инвестиционного счета, но с менее строгими правилами по снятию денежных средств и более низкой величиной неснижаемого остатка. В этом случае вложенные средства не получают гарантии по возврату, но банки стараются их вкладывать в краткосрочные проекты с низким уровнем риска. Правда, с учетом ожидаемой низкой доходности и минимального уровня неснижаемого остатка исламские банки вынуждены создавать по таким вкладам довольно большие резервы. Для того чтобы обеспечить исламские банки ликвидностью, используются специ-

альные исламские финансовые инструменты. Так, в 1983 г. правительством Малайзии впервые были выпущены исламские бонды (без права продавать их на вторичном рынке). Эти ценные бумаги представляли собой государственные инвестиционные сертификаты, дающие право на долевое участие инвестора в прибылях заемщика. В последние годы в ряде мусульманских стран появились исламские бонды, торгуемые на вторичном рынке.

Особого внимания заслуживают так называемые *сукуки* – беспроцентные долгосрочные и среднесрочные корпоративные исламские облигации, выпускаемые под определенный материальный актив, где эмитент рассматривается в качестве долевого собственника данного актива. Доходность сукуков зависит от прибыли на базовый актив, а эмитент дает инвестору безотзывное право выкупа актива по фиксированной стоимости. Преимущество данного вида облигаций заключается в низкой волатильности и склонности инвесторов удерживать эти бумаги до наступления срока погашения. Сукук, по существу, является инструментом секьюритизации инвестиционных проектов [Исламские банки]. Считается, что сукук особенно привлекателен как инструмент привлечения капитала для небольших компаний в капиталоемких отраслях [Нигматзянова А.].

По данным Earnst & Young, в 2010 г. бумаг сукук было выпущено на 52 млрд долл., а в 2011 г. объем выпуска этих бумаг составил уже 84,4 млрд долл., т.е. годовой прирост составил более 60% благодаря росту интереса к бумагам сукук в том числе за пределами исламских стран [Mayers T.A., Hassanzadeh E., 2013]. Основным игроком на глобальном рынке сукук является Малайзия с долей 58%. В 2014 г. дебютные выпуски суверенных сукук состоялись в Гонконге, Сенегале, Южной Африке, Люксембурге и Великобритании. О желании выйти на этот рынок заявляют Япония, США, Южная Корея, Тунис, Бангладеш [Перечнева И., 2012; Якупов Л., 2014].

В странах СНГ опыт по выпуску сукук есть у Республики Казахстан, где в 2012 г. Банк развития Казахстана успешно разместил первый выпуск исламских ценных бумаг сукук мурабаха на сумму 240 млн малайзийских ринггитов.

В марте 2015 г. в Казани во второй раз состоялся Kazan Sukuk Conference, где обсуждались вопросы запуска сукук как инструмента для привлечения средств в инвестиционные проекты крупных корпораций и финансирования развития региональной инфраструктуры [Якупов Л., 2014].

Проблемы и перспективы исламского банкинга в России

Специалисты считают, что исламский банкинг может иметь хорошие перспективы в России, 15% населения которой (более 21,5 млн человек) составляют мусульмане. Он способен помочь некоторым российским банкам диверсифицировать бизнес и стать более конкурентоспособными. Однако пока в России исламского банкинга в чистом виде не существует, отсутствует и необходимая законодательная база для него.

Попытки внедрения исламского банкинга в России предпринимались, но по разным причинам оканчивались неудачей. Так, в 1991 г. был учрежден банк «Бард Форте», который использовал исламские принципы ведения банковского дела, не противоречащие законодательству России. Банк намеревался начать работать с физическими лицами в соответствии с правилами шариата. Однако в декабре 2006 г. у банка была отозвана лицензия за «грубые нарушения законодательства о противодействии отмыванию преступных доходов, а также несоблюдение требований предписаний Банка России». Руководство банка посчитало это проявлением исламофобии и нежелания определенных кругов развития исламских банковских практик в России [Титова Ю., 2014].

Дагестанский банк «Экспресс» выпускал банковские карты, комиссия за обслуживание которых перечислялась на благотворительные цели. Данный продукт был признан соответствующим законам шариата, но и у этого банка в 2013 г. была отозвана лицензия за представление недостоверной отчетности.

На сегодняшний день единственным отечественным банком, совершившим ряд исламских сделок, является банк «Ак Барс». В 2011 г. банк реализовал первую публичную сделку, в рамках которой было привлечено 60 млн долларов. В 2013 г. банк «Ак Барс» привлек в экономику Татарстана 100 млн долл., которые были предоставлены группой международных банков в соответствии с нормами шариата. Оба проекта представляют собой синдицированные займы по принципам мурабаха, т.е. сделку купли-продажи с отсрочкой платежа. Полученные в рамках проекта средства были направлены на финансирование инфраструктурных проектов [Титова Ю., 2014].

Как уже отмечалось, сделки с исламскими банками в России почти не проводятся из-за ограничений в законодательстве. Согласно Гражданскому кодексу, за пользование кредитом предусмотрена обязательная уплата процентов, а также ответственность

за неисполнение денежных обязательств в виде процентов от суммы этих обязательств. Также в статьях 5 и 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹ говорится, что проценты – это единственно возможный инструмент приращения средств как кредитной организации, так и ее клиентов. В связи с этим Ассоциация российских банков (АРБ) предлагает внести в законодательство и надзорную практику Банка России ряд поправок, касающихся исламского банкинга, в частности, признать доходы, полученные от деятельности с соблюдением исламских принципов, процентными по форме или предусмотреть возможность кредитования без процентов. Кроме того, АРБ выступила с инициативой принять закон «Об исламских финансах», который мог бы стать юридической основой развития исламского банкинга в России.

АРБ предлагает, в частности, предусмотреть облегченную процедуру регистрации прав собственности по исламским сделкам, а также привести налогообложение при продаже товаров в рассрочку с наценкой в целях финансирования к сопоставимому уровню налогообложения обычных банковских операций. Также в ассоциации считают, что правильным было бы признать отдельный учет средств от осуществления исламских операций и обязать банки, действующие по исламским принципам, организовать дополнительные схемы учета рисков и создания резервов.

Для исламских депозитов АРБ предлагает создать специализированные инвестиционные счета на базе банковских институтов без требования о возвратности и платности. Предлагается разрешить действующим по исламским принципам филиалам традиционных банков заниматься лизинговыми операциями на основе договоров аренды с последующим выкупом. Для организации выпуска сукук предлагается внести изменения в законодательство по ценным бумагам.

Серьезным препятствием в правовом регулировании исламских финансов является отсутствие в российском правовом поле юридически закрепленной терминологии по исламским финансам, аналогов понятий, используемых в международной практике для практик, соответствующих исламским принципам. Тем не менее банк «Ак Барс» сумел провести сделку, совместив английское право,

¹ Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/bank/?utm_campaign=lawdoc_dynamic&utm_source=google.adwords&utm_medium=cpc&utm_content=1&gclid=CPae0c-l-8MCFcTDcogsQMAMA

в основном применяющееся на международных рынках капитала, с шариатскими принципами и российским законодательством.

Интерес к исламским банкам растет в России прежде всего в республиках со значительным мусульманским населением. По мнению специалистов, внедрение исламского банкинга в России могло бы способствовать росту числа клиентов в регионах Северного Кавказа, где сейчас низок охват населения банковскими услугами. По данным опроса Совета муфтиев России, проведенного среди мусульман, об альтернативных способах финансирования задумываются 69% опрошенных. 56% выражают готовность стать клиентом исламского банка, еще 26% подумывают над этим, но многих останавливает недостаток информации. В числе других причин, по которым россияне не спешат воспользоваться инструментами исламского банкинга – высокая инфляция, риск потерять деньги при инвестировании и неуверенность в перспективах исламского банкинга [Макеева Л.].

Одна из первоочередных проблем, с которой столкнется в России исламский банк, желающий работать на рынке розничных депозитов, – вступление в систему страхования вкладов физических лиц. Поскольку в исламском банке выплата фиксированных процентных ставок не предусмотрена, очевидно, что клиенту может быть гарантирована сохранность только основной суммы вклада.

Сложность еще в том, что в случае краткосрочной нехватки ликвидности исламский банк не сможет получить у Банка России, например, кредиты-овернайт, поскольку они выдаются по определенной фиксированной ставке, что противоречит исламской этике. Это касается и любых других заимствований не только у регулятора, но и у обычных банков.

Другим фактором, тормозящим развитие исламского банкинга в России, является недостаточная информированность населения о методах, механизмах, преимуществах исламских банковских операций, что ограничивает спрос на такие услуги. Кроме того, слово «исламский» для российского обывателя приобрело негативную окраску [Абдурахманов Д., 2014].

Наиболее перспективными инструментами исламского банкинга в России эксперты считают мурабаху (продажа с отсрочкой платежа), аналогом которой в российской практике является коммерческий кредит; мударабу и мушараку (доверительное и совместное управление); такафул (страхование) и сукук [Нигматзянова А.].

Применение каждого из данных инструментов сопряжено с юридическими трудностями, однако вселяет оптимизм тот факт,

что статья 421 Гражданского кодекса РФ устанавливает принцип свободы договора, предполагающий, в частности, что стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Таким образом, считают специалисты, в принципе, российское законодательство предоставляет возможность гражданам и юридическим лицам вступать в любые, не запрещенные законом правоотношения, в том числе соответствующие нормам шариата [Нигматзянова А.].

На территории России наиболее перспективным регионом для привлечения исламского финансирования и развития исламского банкинга являются Башкортостан и Татарстан. Диверсифицированная и развитая экономика этих республик, наличие существенных углеводородных и определенных золотых запасов, а также современных нефтехимических, высокотехнологичных промышленных производств делают регион привлекательным для ближневосточных инвесторов [Перечнева И., 2012].

Последние шесть лет Казань ежегодно становится главной площадкой взаимодействия России с мусульманскими странами в рамках Международного экономического саммита России и стран Организации «Исламская конференция» (KazanSummit), на который съезжаются министры стран исламского мира, представители исламских финансовых организаций, парламентарии и бизнесмены. В первые годы проведения KazanSummit обсуждались теоретические аспекты развития исламской финансовой модели, а сегодня – это уже конкретные практические шаги. Инфраструктура исламских финансов в Татарстане сейчас включает Фонд развития исламского бизнеса и финансов (IBFD Fund), Татарстанскую международную инвестиционную компанию (ТМИК), Евразийскую лизинговую компанию (ЕАЛК), Банк «АК Барс», финансовый дом «Амаль», страховую компанию «Альянс Жизнь» и ряд других организаций. В качестве образовательной платформы функционирует Российский центр исламской экономики и финансов (РЦИЭФ). Это позволяет говорить о том, что в Татарстане закладывается основа института исламских финансов в России.

Для становления и развития исламской финансовой системы, внедрения этических норм ведения бизнеса, как правило, рассматриваются два возможных варианта. Один вариант – пример Казахстана, где исламская финансовая система была запущена политической волей президента страны и принятием закона, регулирующего исламские финансы и бантинг. Другой вариант, при котором сначала формируется практика применения исламских финансовых

инструментов в рамках существующего законодательства, а затем на этой основе формируется необходимая правовая база. Россия, по мнению специалистов, в настоящее время движется по второму пути. В Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации создана рабочая группа по изучению возможностей развития исламского финансирования в России. В рамках KazanSummit при поддержке Совета Федерации обсуждаются практические вопросы развития исламской финансовой модели на территории России и вопросы взаимодействия со странами исламского мира [Якупов Л., 2014].

Следует отметить, что в последнее время регулирующие российский финансовый рынок структуры также стали проявлять интерес к исламским финансовым практикам. Так, в 2014 г. Центральный банк России инициировал запрос во все банки страны на предмет выявления проблем, связанных с реализацией «элементов исламского банкинга» [Исламский банкинг..., 2014].

На фоне режима западных санкций в отношении России исламский банкинг следует рассматривать как действенную альтернативу замещения западных финансовых ресурсов. Кроме того, исламский банкинг как альтернатива традиционному показал лучшую устойчивость и сопротивляемость финансовому кризису. Специалисты считают, что в данном контексте исламский банкинг является эффективной инновацией в банковском деле [Абдурахманов Д., 2014].

Список литературы

1. Журавлев А.И. Теория и практика исламского банковского дела. – М.: Институт востоковедения РАН, 2002. – 244 с.
2. Игошина Ж. Исламский банкинг – как финансовый инструмент. – 03.11.2013. – Режим доступа: <http://smart-lab.ru/blog/148879.php>
3. Искаков С. О мировом рынке исламских ценных бумаг. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-26507.html>
4. Исламский банкинг является эффективной инновацией в банковском деле: Интервью председателя парламента Чеченской Республики Д. Абдурахманова. – 28.11.2014. – Режим доступа: <http://islamic-finance.ru/news/2014-11-28-1307>
5. Исламские банки // Эксперт бизнеса. – Mode of access: <http://expbiz.ru/biznes-stati/bankovskaya-deyatelnost/islamskie-banki.html>

6. Исламские финансово-кредитные институты в экономике зарубежных стран / Р.И. Беккин, Р.Р. Вахитов, Г.Т. Гафурова и др./ под. ред. В.Г. Тимирязова. – Казань: Изд-во «Познание» Ин-та экономики, управления и права, 2011. – 236 с.
7. Макеева Л. Исламские финансы готовы пойти в российскую экономику. – Режим доступа: <http://islamic-finance.ru/board/2-1-0-18>
8. Нигматзянова А. Исламский банкинг: развитие и перспективы. – Режим доступа: <http://islamic-finance.ru/board/2-1-0-20>
9. Перечнева И. Банк по законам шариата // Эксперт Урал. – 2012. – № 44. – Режим доступа: <http://expert.ru/ural/2012/44/bank-po-zakonom-shariata/>
10. Потапов А. Секреты исламского банкинга. – 18.03.2005. – Режим доступа: <http://www.forextimes.ru/foreks-stati/sekrety-islamskogo-bankinga>
11. Титова Ю. Бизнес ради Аллаха. – 13.08.2014. – Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=6993781>
12. Якупов Л. В России есть готовность к тому, чтобы развивать бизнес и финансы, основанные на этических принципах. – 06.12.2014. – Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/economica/12548>
13. Яхин Э. Управление исламского банкинга Татагропромбанка. – Режим доступа: <http://islamic-finance.ru/board/2-1-0-30>
14. Chong B.S., Liu M.-H. Islamic Banking: Interest-Free or Interest-Based? – 2007. – 31 p. – Mode of access: <http://www.nzfc.ac.nz/archives/2007/papers/1b-liu.pdf>
15. Khan F. How «islamic» is islamic banking? // Journal of economic behavior & organization. – Amsterdam: Elsevier, 2010. – № 76. – P. 805–820.
16. Mayers T.A., Hassanzadeh E. The interconnection between islamic finances and sustainable finances. – Winnipeg: International institute for sustainable finance. – 2013. – 25 p.

О.Н. Пряжникова

БЛАГОСОСТОЯНИЕ: БУДДИСТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

На протяжении столетий экономисты называли целью экономической деятельности достижение благосостояния людей и стремление, если возможно, его увеличивать. При этом традиционно основными индикаторами экономического благосостояния являются валовый национальный продукт (ВВП) и доход на душу населения. В последние десятилетия с появлением и развитием такого направления экономической теории, как экономика счастья, а также новых отраслей науки, изучающих поведение людей, когнитивные навыки и др., а также в условиях растущих угроз, связанных с обострением экологических проблем, глобального потепления и сокращения невозобновляемых природных ресурсов, особую актуальность приобретает уточнение содержания понятия благосостояния и разработка альтернативных методов его измерения.

Еще в 1989 г. Х. Дейли¹ указал на тот факт, что рост экономики несет не только положительные эффекты, но имеет и свои издержки, так как расширение производства влечет за собой ухудшение экологической обстановки, что негативно влияет на состояние здоровья населения и, как результат, на благосостояние.

Д. де ла Крюа (D. de la Croix) и С. Денелин (S. Deneulin) (1996) выявили, что во многих странах не наблюдается ярко выраженной взаимосвязи между уровнем дохода на душу населения и оценками удовлетворенности жизнью. Р. Истерлин (1974) сделал вывод об отсутствии такой взаимосвязи, опираясь на опросы, проведенные в 14 странах мира. Однако Р. Винховен (R. Veenhoven) (1991) и

¹ Daly H., Cobb J. For the common good: Redirecting the economy toward community, the environment, and a sustainable future. – Boston: Beacon Press. – 1989. – 492 p.

Р. Инглехарт (R. Inglehart) (1988) считают, что между этими показателями все-таки существует позитивная зависимость, но в некоторых бедных странах уровень удовлетворенности жизнью намного выше, чем в развитых странах, что связано с особенностями мировоззрения и мировосприятия. К схожим выводам приходят также Б.С. Фрей (B.S. Frey) и А. Стутцер (A. Stutzer) (2002). При этом многочисленные исследования выявили тот факт, что экономический рост, продолжавшийся тридцать или даже пятьдесят лет не оказал положительного воздействия на субъективную оценку удовлетворенности жизнью [Cassier I., Delain C., 2008, с. 4–5].

На протяжении нескольких десятилетий экономисты занимаются разработкой моделей оценки благосостояния, как монетарных, так и учитывающих нематериальные факторы, влияющие на экономику. К альтернативным монетарным показателям относится разработанный в начале 1970-х годов показатель длительного экономического благосостояния (*bien-être économique durable*), при расчете которого из расходов на потребление исключают расходы (например, расходы на финансовые услуги), напрямую не увеличивающие благосостояние. В основе другого монетарного показателя, разработанного М. Фёбэе (M. Feubaey) и Г. Голлье (G. Gollier), лежит чистый национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности, скорректированный с учетом таких показателей, как продолжительность рабочего времени, средняя продолжительность жизни, продолжительность поиска работы, состав домохозяйств, уровень неравенства и устойчивость роста [Жилина И.Ю., 2010, с. 32–33].

В 1995 г. набор показателей благосостояния пополнил Генеральный индикатор прогресса (*Genuine progress indicator*), при расчете которого фактор разделяют на категории выгод и издержек, а итоговый показатель определяется как разность между ними. В 2006 г. организация «Основы новой экономики» (*New economics foundation*) представила Всемирный индекс счастья (*Happy planet index*), для расчета которого используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью людьми, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след» (*ecological footprint*) – индикатор негативного воздействия человеческой деятельности на окружающую среду. В рейтинге Всемирного индекса счастья в 2012 г. лидерами стали страны Латинской Америки, некоторые арабские и африканские страны, где показатели ВВП на душу населения невысоки. Экономически развитые страны не представлены в числе лидеров рейтинга, что объясняется значи-

тельными негативными эффектами производства на окружающую среду [Воробьев Е.М., Демченко Т.И., 2013, с. 76].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц в 2008 г. возглавил Комиссию по оценке экономического и социального прогресса (Commission on the measurement of economic performance and social progress), созданную по инициативе Н. Саркози. Работа этой комиссии тесно связана с Глобальным проектом по оценке экономического и социального прогресса (Global project on measuring the progress of societies), запущенным ОЭСР. Деятельность этой комиссии посвящена разработке методики оценки и показателей, которые бы отражали благосостояние, а не только оборот капиталов и товаров. Это возможно при учете факторов, влияющих на разнообразные аспекты жизни людей, в частности, на их ощущение счастья, безопасности, качество проведения свободного времени, распределение доходов, качество институтов и окружающей среды и т.д. [Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P., 2009, с. 144; Stiglitz J., 2009].

В 1998 г. на Азиатско-Тихоокеанском саммите тысячелетия (Asia-Pacific millennium summit) был представлен показатель Валового национального счастья (ВНС). Ранее, в 1972 г. король Бутана, небольшого буддистского государства, где проживает 750 тыс. жителей, стал автором термина ВНС и определил в качестве вектора развития страны повышение уровня счастья, ощущаемого людьми, в основе которого лежат прежде всего нематериальные ценности. В качестве ключевых факторов повышения качества жизни и роста ощущения счастья были определены культура и сохранение природной среды, а не повышение объемов производства и потребления. При этом следует отметить, что разработчики бутанской модели развития пытаются учитывать реальные вызовы современного мира. Так показатель ВНС включает следующие основные компоненты: 1) экономический рост и справедливое социально-экономическое развитие, способствующие социальному равенству; 2) охрана окружающей среды и сбалансированное использование природных ресурсов; 3) сохранение культурного наследия и продвижение культурных ценностей; 4) качество государственного управления и децентрализация власти. Положения, отражающие эти компоненты, были включены в Конституцию Королевства Бутан, принятую в 2008 г. [Nishikawa J., 2013, с. 67].

Совокупный ВНС в Бутане оценивается на основе статистических данных и данных опросов, которые характеризуют психологическое состояние, здоровье, качество использования времени,

культурное разнообразие и устойчивость культуры, качество государственного управления, жизнеспособность местных сообществ, экологическое разнообразие и охрана окружающей среды, уровень жизни [Gross National Happiness..., с. 2]. Включение в ВНС индикаторов качества управления и культурной среды отражает мировую тенденцию учитывать ценностные характеристики нематериальных явлений.

Опыт Бутана, который по показателю ВВП на душу населения находится среди наименее развитых стран, показывает, что, поставив в центр своей социально-экономической политики цель создания условий для развития человеческого капитала, руководство страны добилось повышения качества жизни населения. Бутанское правительство тратило более четверти средств бюджета на здравоохранение и образование, ограничило число туристов, посещающих страну, в целях сохранения памятников культурного наследия, и запретило экспорт необработанной древесины в рамках мероприятий по защите окружающей среды и ресурсосбережения. Кроме того, король Бутана в рамках процесса демократизации и децентрализации власти сложил с себя ряд полномочий, делегировав их избираемым органам власти. В результате с 1985 г. продолжительность жизни бутанцев увеличилась с 48 в 1985 г. до 66 лет в 2003 г., детская смертность снизилась со 142 смертей на тысячу до 61. Уровень грамотности среди населения вырос с 23 до 54%, более 90% детей получают пятилетнее образование, количество учреждений здравоохранения выросло с 65 в 1985 г. до 155 к 2003 г. Экономические показатели страны также улучшаются: ВВП Бутана на душу населения вырос с 860 долл. в 2002 г. до 2633 долл. в 2013 г. [Бутан: страна..., 2004; Бутан – ВВП...].

Рассматривая счастье как индикатор сбалансированного удовлетворения экономических, социальных, эмоциональных и культурных потребностей, бутанское правительство в основу своей политики развития поставило достижение баланса между материальным и духовным. Бутанская концепция развития основывается на буддистском представлении о том, что неправильное самовосприятие ведет человека к эгоистическим желаниям, высокомерию и возвеличиванию и препятствует его свободе и достижению счастья [Guruge A.W.P., 2006, с. 116–117].

Целью человеческого существования с точки зрения буддизма является освобождение, или просветление, для достижения которого существует так называемый срединный путь. Он не отрицает важности достижения материального благосостояния. Богатство и

удовольствия не препятствуют освобождению, но ему препятствует привязанность к богатству и пристрастия к получению наслаждения. Как подчеркивает Э.Ф. Шумахер в своей знаменитой книге «Малое – прекрасно: Экономика, в которой люди имеют значение», «буддистский экономист воспринял бы подход», согласно которому уровень жизни увязывается с объемом потребления, «исключительно иррациональным: так как потребление это всего лишь способ достижения благосостояния, целью должна быть максимизация благосостояния при минимизации потребления» [Schumacher E.F., 1975, p. 52].

Важно отметить, что и европейские исследования экономики счастья приходят к выводу, что при стремлении достичь более высокого уровня материального богатства и потребления, в сознании индивида сохраняется разрыв между стремлениями, растущими быстрее, чем изменяется реальная жизненная ситуация, что мешает росту благосостояния при фактическом росте богатства. Так, согласно Б.М. ван Праагу (B.M. van Praag) и П. Фрижтерсу (P. Frijters), рост устремлений может разрушить примерно 60–80% роста благосостояния и ощущения счастья, связанного с ростом дохода [Cassier I., Delain C., 2006, p. 7].

Глубже заглянуть в суть проблемы измерения счастья и благосостояния, по мнению С.Д. Тидмана [Tideman S.G., 2011], позволяет подход, представляющий синтез буддистской традиции и науки. Учение Будды предлагает человеку путь духовного развития, в результате которого человек проходит разные уровни просветления¹. Большинство школ буддистской традиции говорят о постепенности процесса, в результате которого происходят эволюция мировосприятия буддиста и эволюция его опыта ощущения счастья. Приступающие к буддистским практикам могут вначале воспринимать благосостояние как удовлетворение физических потребностей и получение чувственных удовольствий, которые можно назвать «краткосрочными» формами счастья. Однако продвигаясь по пути духовного развития, практикующий буддизм учится ценить и стремиться к более сложным проявлениям этого чувства, что не исключает и удовлетворение материальных потребностей. Такой подход во многом соответствует концепции иерархии потребностей Маслоу и позиции основателя «позитивной психологии»

¹ Просветление (пробуждение) – религиозное понятие, означающее целостное и полное осознание природы реальности.

М. Селигмана¹, согласно которой людям присуща естественная способность к саморазвитию. а также положениям постдарвинистской эволюционной биологии. Последняя описывает жизнь как эволюционный процесс, в ходе которого организмы, приспосабливаясь к усложняющимся условиям окружающей среды, достигают более высоких уровней развития ума и сознания.

С.Д. Тидман предлагает рассматривать показатели ВВП и ВНС сквозь призму эволюции и иерархии ценностей. ВВП отражает утилитаристский подход, согласно которому материальное потребление представляет собой инструмент достижения счастья. ВНС измеряет счастье «более высокого уровня» – ментальное и духовное – в условиях, когда материальные потребности в той или иной степени удовлетворены. Концепция Восьмеричного пути (путь, указанный Буддой, ведущий к прекращению страдания и освобождению от сансары)² как основы ВНС, была предложена К.П. Таши и В. Пракке³. Тидман соотносит эту концепцию, а также модель измерения уровней сознания, в основе которых лежит соответствующая им иерархия ценностей, сформулированную Р. Барреттом⁴, и иерархию потребностей Маслоу, с компонентами показателя ВНС [Tideman S.G., 2011, с. 147–148].

Данная синтезированная модель включает в себя и показатель ВВП, измеряющий «низшие компоненты» ВНС, что позволяет сочетать оценку усилий по созданию как финансового, так и социального, культурного и «природного» капитала. Это позволяет говорить о ВНС как о более реалистичном и целостном индикаторе социально-экономической жизни, стоящем в одном ряду с новейшими моделями оценки благосостояния. Можно сказать, что ВНС воспринимается как показатель состояния экономики и общества, где важны нематериальные связи и ценности, а рынок и государство сбалансированно взаимодействуют, создавая условия для благосостояния всех членов общества.

¹ Seligman M. Authentic happiness: Using the New Positive Psychology to realize your potential for lasting fulfillment. – N.Y., 2002. – 321 p.

² Восьмеричный путь содержит восемь ступеней: правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное самообладание, правильная медитация.

³ Tashi K.P., Prakke D. Gross National Happiness: Concepts for the debate // Gross National Happiness: A set of discussion papers. – 1999. – Mode of access: <http://www.bhutanstudies.org.bt/gross-national-happiness-a-set-of-discussion-papers/>

⁴ Barrett R. Building a values-driven organization. – N.Y., 2006. – 248 p.

Иерархия ценностей и компоненты ВНС

Восьмеричный путь	Ценности / уровни сознания	Иерархия потребностей Маслоу	Компоненты ВНС
8. Правильная медитация	Трансцендентность / свобода	Служение / альтруизм	«Духовное» благосостояние; религиозная свобода
7. Правильное самообладание	Идентичность	Самоактуализация	Культура; развитие; воспитание лидерства
6. Правильное воззрение	Творчество	Ответственность	Социальная защита; устойчивое развитие
5. Правильное усилие	Бездействие / недеяние	Внутренняя цельность	Охрана природы и ресурсосбережение; сохранение культуры
4. Правильное намерение	Участие	Трансформация	Политическая активность
3. Правильная речь	Чувство близости / понимание	Потребность в уважении	Образование; культура; медиа
2. Правильное поведение	Защищенность	Отношения (семья, сообщество)	Гос. управление; система права; нормы
1. Правильный образ жизни	Обеспечение существования	Выживание	ВВП; экономические возможности; рынок

Вместе с тем важно отметить, что показатель ВНС и сопряженная с ним модель развития представляют собой опыт учета культурных факторов при определении экономических и социальных приоритетов, а также при оценке практических результатов их реализации. Данный опыт маленькой и бедной страны, расширяющий рамки традиционной экономической парадигмы, можно рассматривать как вклад в движение к более комплексному пониманию социально-экономической жизни общества и человеческой природы в целом.

Список литературы

1. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 2. – С. 94–107.
2. Бутан – ВВП на душу населения // Мировой атлас данных. – Режим доступа: <http://knoema.ru/atlas/%D0%91%D1%83%D1%82%D0%B0%D0%BD/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BD%D0%B0-%D0%B4%D1%83%D1%88%D1%83-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F>

3. Бутан: Страна, заменившая ВВП индикатором «валового национального счастья» // NEWSru.com. – 11.11.2004. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/11oct2004/butan.html>
4. Воробьев Е.М., Демченко Т.И. Экономика счастья как новая экономическая парадигма // Вестник Харьковского национального ун-та. – Харьков, 2013. – № 1086. – С. 74–77.
5. Жилина И.Ю. Как «измерить» счастье? (Сводный реферат) // Соц. и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: РЖ / РАН ИНИОН. – М., 2010. – № 1. – С. 31–34.
6. Cassier I., Delain C. La croissance ne fait pas le bonheur: les économists le savent-ils? // Problèmes écon. – P., 2008. – N 2938. – P. 3–10.
7. Gross National Happiness index explained in detail // Center for Bhutan studies. – 6 p. – Mode of access: http://www.grossnationalhappiness.com/docs/GNH/PDFs/Sabina_Alkire_method.pdf
8. Guruge A.W.P. Buddhist economics – Myth and reality // His Lai j. of humanistic Buddhism. – 2006. – Vol. 7. – P. 71–130. – Mode of access: <http://journal.uwest.edu/index.php/hljhb/article/view/135>
9. Nishikawa J. Critical Note on «Ethical principles and economic transformation – A Buddhist approach» (Book review) // J. of global Buddhism. – 2013. – Vol. 14. – P. 63–69. – Mode of access: <http://www.globalbuddhism.org/14/nishikawa13.pdf>
10. Schumacher E.F. Small is beautiful: A study of economics as if people mattered. – L., 1975. – 288 p.
11. Stiglitz J. Progress, what progress? // OECD observer. – 2009. – N 272. – Mode of access: http://www.oecdobserver.org/news/archivestory.php/aid/2793/Progress,_what_progress_.html#sthash.b5Qfy9Oy.dpuf
12. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the measurement of economic performance and social progress. – 2009. – 292 p. – Mode of access: http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf
13. Tideman S.G. Gross National Happiness // Ethical principles and economic transformation – A Buddhist approach / Ed. by L. Zsolnai. – Berlin: Springer-Verlag, 2011. – 213 p.

С.Н. Куликова, О.Н. Пряжникова

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: ОПЫТ ФРАНЦИИ

Глобализация экономики, сопровождающаяся интенсификацией международной торговли, ростом открытости экономик и миграционных потоков, приводит к тому, что на жизнь общества все активнее начинают влиять разнообразные культурные традиции. Являясь источником культурного обогащения, эти тенденции приводят также к тому, что в странах, развивавшихся исторически в рамках монореligиозной традиции, а в настоящий момент представляющих собой светские государства, возникает мультиконфессиональная социальная среда.

В начале XX в. население Франции состояло на 90% из католиков, а в настоящее время его состав характеризуется большей религиозной гетерогенностью. В 2006 г. только 65% населения Франции идентифицировали себя как приверженцы католицизма, 25% считали себя агностиками, 6% составляли мусульмане и 2% – протестанты. Кроме того, во Франции проживает 600 тыс. иудеев и 400 тыс. буддистов. Этническое и религиозное разнообразие оказывает влияние на все сферы жизни общества, в том числе и на организацию труда, где работники начинают выдвигать новые требования, касающиеся проявлений религиозности [Caron C., 2014].

Следует отметить, что в 2009 г. в ЕС на уровне министерств иностранных дел стран-членов началось обсуждение проблем возможного сближения или расхождения европейских моделей светскости. В результате дебатов стороны пришли к общей позиции, в соответствии с которой государства ЕС должны занимать нейтральную позицию по отношению к религиям, не отдавать предпочтение какой-либо религии и не подвергать какую-либо религию дискриминации. В настоящее время европейская модель светскости

находится в фазе строительства: обсуждаются различные модели соблюдения принципа светскости и их возможная конвергенция [Stricot M., Leone F. Quelle..., 2014; Stricot M., Leone F. Vers..., 2014].

Во Франции действует принцип полного разделения двух институтов – религии и государства, был зафиксирован в 1905 г. в соответствующем Законе (Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Églises et de l'État). Этот закон, декларирующий принцип нейтральности государства по отношению к религии и свободу вероисповедания, гарантирует свободу осуществления религиозных практик, которая, однако, может быть ограничена интересами соблюдения общественного порядка [Ziegler J., 2012, с. 190–191].

В настоящий момент во Франции согласно действующему законодательству работники государственного сектора должны быть нейтральными в отношении религии, но частный работодатель не может навязывать работнику подобный принцип поведения и запрещать манифестацию религиозности на рабочем месте. Однако в соответствии с Директивой ЕС № 2000–78 от 27 ноября 2000 г.¹, ставшей частью Трудового кодекса Франции, допускаются ограничения фундаментальных свобод, среди которых и религиозность, если эти ограничения оправданы природой выполняемой работы и обеспечивают выполнение важных профессиональных требований [Arnoult-Brill E., Simon G., 2013, p. 6–7].

Всплеск интереса средств массовой информации и всего французского общества к вопросам религиозного поведения на предприятии произошел после того, как 19 марта 2014 г. Кассационный суд Франции вынес два решения: с одной стороны, было аннулировано увольнение в 2008 г. служащей частных яслей Беби Лу (Baby Loup) за отказ снять чадру на работе, а с другой – было оставлено в силе увольнение в 2004 г. по схожим мотивам государственной служащей, работавшей в Кассе медицинского страхования (Caisse Primaire d'Assurance Maladie) [Madelin A., 2013; Fait religieux..., p. 4]. Таким образом, высшая судебная инстанция Франции подчеркнула разницу между государственным сектором, где главенствует принцип светскости, и частными предприятиями, для которых следование этому принципу не может быть поводом к увольнению.

¹ Directive 2000/78/CE du Conseil du 27 novembre 2000 portant création d'un cadre général en faveur de l'égalité de traitement en matière d'emploi et de travail. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/HTML/?uri=CELEX:32000L0078>

Высший совет по интеграции (Haut conseil à l'interaction) выдвинул тезис о том, что на французских предприятиях должны быть созданы условия для сохранения религиозного разнообразия. Совет предлагает ввести в трудовой кодекс положение, позволяющее французским предприятиям регламентировать дресс-код, ношение религиозных атрибутов и осуществление религиозных практик на рабочем месте в связи с необходимостью соблюдения безопасности, адекватной коммуникации с потребителями и сохранения стабильного профессионального климата [Trécourt F., 2013].

Сейчас во Франции вопрос о религиозном поведении на предприятии в контексте разнообразия культур, а также об инструментах урегулирования возникающих в этой сфере проблем, занимает важное место в общественных дискуссиях. Так, Совет по вопросам экономики, социальной сферы и окружающей среды (Conseil économique, social et environnementale) (СЭСО) в качестве одной из актуальных задач своей деятельности определил разработку основ адекватного поведения участников трудового процесса (работодателей и наемных работников) как реакцию на проявления религиозности на рабочем месте [Arnoult-Brill E., Simon G., 2013].

Важно отметить, что в настоящее время требования французских работников, связанные с выражением религиозности на рабочем месте, чаще всего носят индивидуальный, а не коллективный характер, не принимают форму социальных конфликтов и не представляют массового явления. Однако эксперты отмечают рост числа проблемных ситуаций, связанных с проявлением религиозности на предприятиях.

В целом, по оценкам СЭСО, проблемы, возникающие в связи с религиозным поведением на предприятиях Франции, не кажутся острыми. Не было выявлено таких требований со стороны верующих и таких практик, которые были бы способны значительно нарушить деятельность предприятия или навредить рабочему коллективу. Однако многие менеджеры по управлению персоналом считают, что проблема существует. Даже если открытые конфликты довольно редки, и участвующие стороны стремятся решить проблему путем диалога, это не означает, что для решения таких вопросов не требуется правовой поддержки в виде принятия нового законодательства, регулирующего данную сферу трудовых отношений.

Проявления религиозного поведения на рабочем месте

Менеджеры предприятий Франции сталкиваются с различными требованиями со стороны верующих: предоставление отпуска в связи с религиозным календарем, обустройство пространств для выполнения обрядов, соблюдение запретов и предписаний, связанных с принятием пищи. В ряде случаев религиозное поведение работников принимает вызывающие формы, что может быть связанным со стремлением распространить свое религиозное мировоззрение среди коллег, адаптировать корпоративный дресс-код к собственным религиозным представлениям. Наконец, иногда из-за религиозной принадлежности работники ограничивают общение с коллегами по причине пола, принадлежности к той или иной религии и т.д. В большинстве ситуаций требования верующих удовлетворяются без ущерба для производственного процесса. Предоставление выходных или отпуска в связи с религиозными праздниками не вызывает значительных трудностей. Работнику не нужно мотивировать свою просьбу о предоставлении отпуска, а работодатели, в свою очередь, начинают учитывать при управлении персоналом даты, которые могут иметь особое значение для части персонала. Вопрос пищевых запретов легко регулируется при наличии на предприятиях общественных столовых, в которых предлагается меню, удовлетворяющее потребности работников, придерживающихся различных религий.

Однако следует отметить, что практика соблюдения постов может негативно влиять на физическое и ментальное состояние работников. Поэтому эксперты СЭСО рекомендуют введение на период постов изменений в организации работы с целью предупреждения возможных проблем со здоровьем и безопасностью. Большинство французских предприятий надлежащим образом справляются с такими проблемами. Вместе с тем малые предприятия, имеющие немногочисленный штат, могут испытывать трудности при предоставлении временных льгот в рабочем графике.

Просьбы о предоставлении пространства для культовых практик на рабочем месте редки, при этом, когда они возникают, это часто вызывает негативную реакцию работодателей и коллег. Тем не менее практика предоставления мест для осуществления молитв признается экспертами актуальной для тех предприятий, где требуется длительное присутствие работников на рабочем месте.

Ношение религиозных символов или определенной одежды (в основном чадры) может вызвать негативные последствия в тех

видах профессиональной деятельности, где происходит контакт с потребителями, так как внешний вид сотрудников является частью корпоративного имиджа.

Религиозное поведение на рабочем месте и его оценка участниками трудового процесса

В феврале 2014 г. экспертами французского отделения группы «Randstad» (Нидерланды)¹ был проведен ежегодный опрос, посвященный исследованию религиозного поведения и его оценкам работниками французских предприятий, а также влияния подобного поведения на процесс труда и принятие управленческих решений. Участники опроса принадлежали к трем категориям: работники отделов по управлению персоналом (27,5% опрошенных); управленцы, не работающие в таких отделах (39,5), и прочие сотрудники (33,5%). 55,3% опрошенных осуществляли свою профессиональную деятельность в сфере услуг и 45,7% в промышленности. [Observatoire..., 2014, p. 14].

Доля верующих в обследованной группе равнялась 61,8%. При этом 22,8% респондентов отнесли себя к числу регулярно практикующих верующих (т.е. тех, кто разделяют вероучение и полностью исполняют предписываемые религией практики), а 20,6% – к нерегулярно практикующим верующим. Подавляющее большинство опрошенных – 63,2% составили католики, 2,6 – протестанты, 5,1 – мусульмане, 1,2 – иудеи, 0,9 – буддисты; 17% отнесли себя к атеистам, 5,6 – к агностикам и 4,3% – к приверженцам других религий [Observatoire..., 2014, p. 15].

28% работников отделов по управлению персоналом и 14% других опрошенных указали, что они сталкиваются в своей работе с ситуациями, связанными с религиозностью и требующими вмешательства менеджеров. Менее 2% таких случаев привели к возникновению напряженности или конфликту. Наиболее частыми случаями были просьбы разрешить не прийти на работу (16%) и просьбы об изменении рабочего графика (13%).

Реже возникали проблемы в связи с отсутствием особого конфессионального меню в столовых предприятия и мест для совершения молитв (молельных комнат). С ношением специальных

¹ Группа «Randstad» является второй в мире рекрутинговой компанией; имеет отделения в 39 странах.

знаков, указывающих на принадлежность к той или иной религии, связаны только 10% ситуаций [Observatoire..., 2014, p. 4].

В целом опрос выявил наличие различий между двумя категориями форм религиозного поведения: 1) формы, которые можно расценивать как личные просьбы, и 2) формы, которые нарушают существующие правила или предполагают их изменение (отказ выполнять какие-либо задачи, работать рядом с женщиной, с коллегой-атеистом и т.д.).

По полученным данным, 75,9% менеджеров никогда или очень редко вмешивались в конфликты, связанные с религиозными различиями, 2% вынуждены были их решать ежедневно, а 22% – регулярно (ежемесячно или ежеквартально). При этом 22% опрошенных констатировали увеличение количества случаев, требующих вмешательства управляющего персонала. Доля критических ситуаций, тормозящих рабочий процесс, остается стабильной: 2% в 2013 г. и менее 3% в 2014 г. [Observatoire..., 2014, p. 5].

Отмечается, что большинство конфликтов, возникающих на предприятии в связи с религиозным поведением, разрешаются управленческим персоналом. При этом 73,5% менеджеров отметили, что конфликт, связанный с религиозным поведением, урегулировать сложнее, чем любой другой [Observatoire..., 2014, p. 6].

Исследование показало, что религиозное поведение в целом не вызывает недоброжелательности у членов трудовых коллективов. Более 60% опрошенных считают допустимым молиться во время перерывов, не спрашивая разрешения у руководства. По мнению 82% респондентов, просьба о невыходе на работу по религиозным причинам допустима [Observatoire..., 2014, p. 7].

Однако не всякое поведение, связанное с религиозными убеждениями, оценивается работниками французских компаний как допустимое. Для 89,3% опрошенных неприемлемо отказываться от какого-либо вида работы по религиозным мотивам. 94,5% считают, что нельзя молиться в рабочее время.

При этом около 6% опрошенных считают, что они когда-либо были жертвами дискриминации по причине их веры. Более значительная часть респондентов (20,6%) указали, что были свидетелями дискриминации по религиозным мотивам [Observatoire..., 2014, p. 8].

Французские работники в целом нейтрально относятся к поведению верующих коллег. При этом на предприятиях Франции существует ярко выраженная позиция против институализации религиозного поведения в форме:

- создания мест, предназначенных для отправления религиозных обрядов (79% опрошенных);
- введения исключительно конфессионального меню в пунктах питания (69% респондентов);
- ориентация на религиозный календарь при планировании рабочего времени и отпусков (против 61%) [Observatoire..., 2014, p. 10].

Меры, предпринимаемые менеджментом компаний в сфере регулирования религиозного поведения, различны: издание специальных справочников, предназначенных для руководящего персонала; запрещение религиозного поведения на основе принципа светскости. По мнению 83,3% опрошенных, принцип светскости должен применяться на всех предприятиях частного сектора. Так считают и 74,4% опрошенных, считающих себя регулярно практикующими верующими. По мнению большинства респондентов (78,2%), предприятие не должно приспосабливаться к требованиям религиозного характера со стороны работников. 71,7% опрошенных полагают также, что демонстративное ношение религиозных символов на работе должно быть запрещено [Observatoire..., 2014, p. 12].

А. Крепен, директор одного из департаментов группы «Randstad», указывает, что проведенный опрос позволяет выделить два важных обстоятельства, которые должны учитываться при управлении персоналом: толерантность по отношению к сдержанным религиозным проявлениям и необходимость утверждения принципа нейтральности в рабочем пространстве. В целом исследование показало, что работники французских предприятий не настроены враждебно к религиозным проявлениям, а, более того, считают, что религиозность может способствовать сплоченности трудового коллектива, взаимному уважению, толерантности и взаимопомощи.

Пути решения проблем, связанных с религиозным поведением на рабочем месте

Расширение культурного и религиозного разнообразия внутри трудовых коллективов ставит перед менеджментом задачу сохранения единства, недопущения возникновения барьеров, нарушающих коммуникацию между коллегами. Религиовед и эксперт в сфере менеджмента П. Банон предлагает руководствоваться следующими этическими принципами: 1) отдавать приоритет равенству, а не свободе самовыражения; 2) уважать и гарантировать фундаментальный принцип равенства мужчин и женщин; 3) обеспечивать одинаковый управленческий подход ко всем работникам, уважая

при этом их уникальность; 4) препятствовать «культурному сепаратизму»; 5) отвергать дискриминационные практики, даже если они оправдываются религиозной традицией [Banon P., 2013, p. 27].

Проанализировав особенности религиозного поведения в публичном пространстве, французский антрополог и консультант в сфере менеджмента Д. Бузар [Bouzar D., 2014] сформулировала пять принципов, которых следует придерживаться для соблюдения принципа толерантности по отношению к проявлениям религиозного поведения на рабочем месте. Во-первых, сочетание уважения к чувствам верующих с требованиями организации рабочего процесса. Во-вторых, урегулирование ситуаций в ходе дискуссий и посредством убеждения. В-третьих, твердая позиция работодателя в деле соблюдения правил безопасности (например, неоспорим приоритет ношения каски, а не какого-либо другого головного убора (тюрбан, кипа) на строительной площадке). В-четвертых, молитва – частное дело индивида. На предприятии могут быть организованы места для отдыха, молитвы или занятий йогой. Эксперты не рекомендуют компаниям предоставлять помещение исключительно для осуществления религиозных практик их сотрудниками. В-пятых, сочетание изменения рабочего графика в связи с религиозными праздниками (например, отработка пропущенных из-за религиозных праздников рабочих часов, предоставление отпусков не по религиозным мотивам) не должно наносить ущерб эффективности.

Ф. Уанг (F. Huang) и С. Савинья (S. Savignac) [Entreprises..., 2013, p. 63–73] исследовали особенности менеджмента персонала в условиях регулирования религиозного поведения на примере такой крупной государственной компании Франции, как Почта (La Poste) (250 тыс. служащих). Исследование выявило, что некоторые менеджеры испытывали трудности в связи с отсутствием ясных регламентаций, касающихся религиозного поведения работников. В результате был разработан справочник «Религиозное поведение и жизнь на работе. Некоторые ориентиры», в котором были представлены разъяснения и инструкции, способствующие объективизации просьб, связанных с проявлением религиозности; помогающие обеспечить соблюдение правил и законов; оценить краткосрочные и долгосрочные риски, возникающие в связи с религиозным поведением, для сотрудников и клиентов и т.д. В разработанном Почтой Франции справочнике определяется принцип светскости и провозглашаются критерии, разработанные организацией HALDE (Haute autorité de lutte contre les discriminations et pour l'égalité) с целью

борьбы с любыми видами дискриминации граждан. Справочник призван помочь менеджерам, с одной стороны, не ущемлять, а с другой – регулировать свободу вероисповедания на рабочем месте, обеспечивая совместимость религиозных проявлений, организацию обслуживания клиентов и непрерывность предоставления государственных услуг.

Алактив Ж. (Alaktif J.) и Барбо Ж. (Barbot G.) [Entreprises..., 2013, p. 74–85] проанализировали особенности справочников, созданных некоторыми французскими и международными компаниями: Почта (La Poste), группа Казино (Casino), Франс телеком оранж (France Télécom Orange), IBM Франс и Энергетическая компания Франции (EDF). Исследование показало, что в таких справочниках редко объясняется понятие светскости. Большинство трудностей на рабочем месте, связанных как с религиозным поведением, так и с реакцией на него, возникает из-за недостаточного понимания светскости. Например, часто светскость интерпретируется как установка на изгнание религии из общественного пространства. Представляется, что справочники, содержащие информацию о разных культурах и религиях, инструкции и примеры правильного реагирования на разнообразные проявления религиозности, могут стать важным инструментом реализации корпоративной политики в сфере управления и контроля религиозного поведения работников на предприятиях Франции.

Высший совет по интеграции (Haut conseil à l'intégration (HCI)) Франции выдвинул предложение о создании на французских предприятиях условий для сохранения религиозного разнообразия. Совет предложил ввести в трудовой кодекс положение, позволяющее французским предприятиям регламентировать дресс-код, ношение религиозных атрибутов и осуществление религиозных практик на рабочем месте в связи с необходимостью соблюдения безопасности, адекватной коммуникации с потребителями и сохранения стабильного профессионального климата [Trécourt F., 2013].

* * *

Процессы глобализации активно воздействуют на рынки труда и культуру управления персоналом. В результате предприятие становится местом столкновения и взаимодействия различных культурных и религиозных традиций. В связи с этим нельзя недооценивать высокую ответственность, которая ложится на менеджмент предприятий, который в условиях меняющейся картины мира вы-

нужден искать возможности сглаживания культурных и религиозных противоречий, гармонизации профессиональных отношений и климата на рабочем месте, и стремиться соблюдать при этом принципы демократии и светскости.

Список литературы

1. Arnoult-Brill E., Simon G. Le fait religieux dans l'entreprise: Avis du Conseil économique, social et environnemental // Conseil économique, social et environnemental. – P., 2013. – 85 p.
2. Banon P. Identités religieuses dans l'entreprise: La génération de la globalisation entre tolérance et responsabilité // Qualitique. – 2013. – P. 21–27. – Mode of access: <http://www.patrickbanon.com/fondsdocumentaire/isd/QualitiqueNovembre2013.pdf>
3. Bouzar D. Religion et entreprise: Les cinq piliers de la tolérance // Capital.fr. – 17.07.2014. – Mode of access: <http://www.capital.fr/carriere-management/conseils/guide-du-manager/dounia-bouzar/religions-et-entreprise-les-cinq-piliers-de-la-tolerance-949113>
4. Entreprises et diversité religieuse: Un management par le dialogue / Ouvrage collectif dirigé par T.-M. Courau; Association française des managers de la diversité. – P., 2013. – 152 p.
5. La gestion du fait religieux dans l'entreprise privée // Observatoire de la laïcité. – P., 2013. – 7 p.
6. Madelin A. Exclusivité: 55% des salariés ont une relation à la religion (Sociovision) // Fait religieux.com. – 05.04.2013. – Mode of access: <http://www.fait-religieux.com/pour-53-des-salaries-enfants-d-immigres-la-religion-est-importante-22-pour-les-autres-1>
7. Observatoire du fait religieux en entreprise: Synthèse des résultats de l'étude 2014. – Rennes, 2014. – 15 p. – Mode of access: <http://www.youscribe.com/catalogue/rapports-et-theses/actualite-et-debat-de-societe/actualite-evenements/religion-au-travail-etude-de-l-institut-randstad-2449759>
8. Stricot M., Leone F. Quelle laïcité pour l'Europe? // Le monde des religions. – 15.04.2014. – Mode of access: http://www.lemondedesreligions.fr/savoir/quelle-laicite-pour-l-europe-15-04-2014-3816_110.php
9. Stricot M., Leone F. Vers la construction d'une laïcité européenne? // Le monde des religions. – 15.04.2014. – Mode of access: http://www.lemondedesreligions.fr/actualite/vers-la-construction-d-une-laicite-europeenne-15-04-2014-3817_118.php
10. Trécourt F. Vers une extension du principe de laïcité? // Le monde des religions. – 29.03.2013. – Mode of access: http://www.lemondedesreligions.fr/actualite/vers-une-extension-du-principe-de-laicite-29-03-2013-3047_118.php
11. Ziegler J. Le principe de séparation de l'Église et de l'État en Allemagne et en France – Histoire et actualité // Observatoire de la société britannique. – 2012. – N 13. – P. 187–210. – Mode of access: <http://osb.revues.org/1466>

С.С. Костяев¹

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛОББИЗМ И РЕФОРМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В США

Решение Верховного суда США, согласно которому владельцы ряда компаний получили право ограничивать набор средств контрацепции, оплачиваемых в рамках корпоративных программ медицинского страхования, вызвало острую дискуссию в американском обществе. Дело в том, что в США подавляющая часть лекарств продается по рецептам врачей и оплачивается (полностью или частично) страховкой. Зачем компаниям нужно было прибегать к такому долгому и дорогостоящему процессу, как ведение многочисленных судебных дел и отстаивание позиции на уровне высшей судебной инстанции США?

Следует отметить, что в период президентства Джорджа Буша-мл. последнему удалось создать консервативное большинство в Верховном суде США, что сказалось на множестве решений, вызвавших негодование либеральной общественности. Дело в том, что некоторые религиозные организации, часть которых выступала против права женщин на аборт, сначала пытались убить идею реформы здравоохранения, а когда это не удалось и законопроект попал в Конгресс США, они приложили все усилия для приведения его текста в соответствие со своими интересами. Когда провалилась и эта попытка, остался единственный вариант – признание закона неконституционным через Верховный суд США².

¹ С.С. Костяев – кандидат политических наук, и.о. заместителя заведующего кафедрой прикладной политологии, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, и.о. старшего научного сотрудника отдела экономики ИНИОН РАН.

² Подробнее о законодательных баталиях см.: Костяев С.С. Лоббизм и реформа здравоохранения в США. После выборов // США–Канада: ЭПК. – 2011. – № 7. – С. 47–60.

В США долгие десятилетия не утихает общественная дискуссия об абортах и праве женщин самостоятельно принимать подобного рода решения. Этому вопросу посвящена огромная литература [Chandler M., Cook E., Jelen T., Wilcox C., 1994; Cook K., Jelen T., Wilcox C., 1993; Cook K., Jelen T., Wilcox C., 1994; Cook E., Wilcox C., 1991; Killian M., Wilcox C., 2008; Wilcox C., 1991; Wilcox C., Jelen T., 2003; Wilcox C., 1990; Wilcox C., 1995].

Проблема в том, что религиозные традиционалисты представляют собой хорошо организованную в политическом смысле силу, активно отстаивающую свою точку зрения на всех уровнях власти. Проблема влияния религиозного лобби на электоральную систему США стала предметом всестороннего и глубокого изучения [Cook E., Wilcox C., 1994; Jelen T., Cook E., Wilcox C., 1994; Wilcox C., 1991].

Политическая борьба вокруг реформы здравоохранения

В 2010 г. при ожесточенном сопротивлении республиканцев, значительную часть которых составляют евангелисты и другие представители «правых христиан» (Christian Right) Б. Обама удалось провести через конгресс США закон «О защите пациентов и доступном здравоохранении» (The patient protection and affordable care act)¹, согласно которому, среди прочего, все компании с численностью персонала свыше 50 человек обязаны предоставлять медицинскую страховку своим сотрудникам, занятым на полный рабочий день. При этом государство предъявляет определенного рода требования к набору и качеству услуг, оплачиваемых такими страховками. Иными словами, до реформы компании сами определяли, что и на каких условиях они включают в корпоративную программу медицинского страхования, после реформы пространство для маневра существенно сузилось. Отдельные владельцы предприятий посчитали, что, исходя из своих религиозных убеждений, они не должны оплачивать определенные средства контрацепции, которые они приравнивали к аборту.

Так, например, в высшие судебные инстанции подали иск две компании. Одна из них – Hobby Lobby – сеть магазинов ремесленных изделий (500 торговых точек), с числом занятых в 13 тыс. человек; другая – Conestoga Wood Specialties занимается постройкой загородных летних домиков, управляется семейством менно-

¹ The patient protection and affordable care act. – Mode of access: <https://democrats.senate.gov/pdfs/reform/patient-protection-affordable-care-act-as-passed.pdf>

нитов и насчитывает 950 сотрудников. В своем иске эти фирмы утверждали, что четыре из 20 средств контрацепции, одобренных Администрацией по продовольствию и лекарствам, не являются превентивными, так как оказывают воздействие на уже оплодотворенную яйцеклетку, следовательно, по их мнению, являются формой аборта. Для этих компаний данный вопрос выливался в конкретную сумму. По нормативно-правовому акту, принятому министерством здравоохранения и социальной защиты США, фирма Hobby Lobby платила бы штраф в размере 1,3 млн долл. в день за отказ предоставлять в своей корпоративной страховке весь спектр одобренных государством средств контрацепции.

Однако не все религиозные организации США выступают против реформы здравоохранения [Culp-Ressler T., 2014]. В отличие от упомянутых выше компаний, главы 45 религиозных организаций США публично выступили в поддержку «мандата на контрацепцию», заложенного в законе 2010 г. «О защите пациентов и доступном здравоохранении». В своем письме они отметили, что религиозные свободы предполагают право исповедовать собственную веру и не быть объектом принуждения со стороны верований других людей. Ни одна конфессия не должна иметь монополии на право высказываться по вопросу контрацепции, равно как и государство не должно принимать точку зрения какой-либо одной религии. Они призывают власти уважать право людей на использование средств контрацепции. Также представители разных религиозных организаций постарались развеять миф о том, что все без исключения верующие выступают против средств планирования семьи. Наоборот, они считают, что каждая женщина имеет право осознанно планировать беременность без вмешательства со стороны государства и работодателей. Среди тех, кто подписали это письмо, следует отметить организации, активно использующие разнообразные практики влияния на принятие политических решений. Это такие структуры, как «Объединенная церковь Христа», потратившая около 20 тыс. долл. на лоббизм¹, Альянс вер (Interfaith alliance), аналогичные расходы которой составили 1,3 млн долл.², Национальный

¹ Annual lobbying of United church of Christ: Client Profile: Summary 2003 // Center for responsive politics. – 2003. – Mode of access: <http://www.opensecrets.org/lobby/clientsum.php?id=F30225&year=2003>

² Annual lobbying of interfaith alliance: Client profile: Summary 2008 // Center for responsive politics. – 2008. – Mode of access: <http://www.opensecrets.org/lobby/clientsum.php?id=F20858&year=2008>

совет еврейских женщин (National council of Jewish women)¹. Эта организация, не являющаяся религиозной, заявляет, что ее деятельность, целью которой является борьба за социальную справедливость и защиту прав женщин и детей, вдохновлена иудейскими ценностями. Она израсходовала с 1992 г. 38 тыс. на предвыборные кампании политиков и с 1998 г. более 1 млн на лоббизм².

Какие же политические ресурсы могут быть задействованы с целью отстоять те или иные религиозные ценности на уровне права? Рассмотрим это на примере уже упоминавшейся компании Hobby Lobby. По данным Центра за ответственную политику, с 2002 по 2014 г. Hobby Lobby потратила на взносы в предвыборные фонды кандидатов на различные посты лишь 27 тыс. долл., причем речь идет исключительно о представителях Республиканской партии, что не удивительно, учитывая идеологическую позицию владельцев. Затраты же на лоббизм в 2009–2014 гг. составили 200 тыс. долл. Важно отметить, что в выборные циклы 2002–2010 гг., когда перспективы реформы здравоохранения были весьма туманны, пожертвования Hobby Lobby на федеральные избирательные кампании кандидатов Республиканской партии США колебались в пределах 2–5 тыс. долл., а в 2012 г., когда был переизбран Б. Обама, который уже провел через Конгресс свою реформу здравоохранения, взносы на нужды Республиканской партии выросли до 14 тыс. долл. Схожая картина наблюдается и с расходами на лоббизм, которые колебались в пределах 20 тыс. долл. в 2009–2013 гг., возросли в 2014 г. до 140 тыс., когда предпринимались активные попытки аннулировать реформу³. Для справки, Конгресс 113-го созыва голосовал более 54 раз в тщетных попытках отменить закон 2010 г. «О защите пациентов и доступном здравоохранении» [O’Keefe E., 2014].

Решение Верховного суда США

Итак, 30 июня 2014 г. Верховный суд США пятью голосами против четырех согласился с точкой зрения, согласно которой

¹ http://www.ncjw.org/content_1.cfm?navID=2

² National council of Jewish women: Profile for 2014 election cycle // Center for responsive politics. – 2014. – Mode of access: <http://www.opensecrets.org/orgs/summary.php?id=D000054213>

³ Hobby Lobby stores: Profile for all election cycles // Center for responsive politics. – 2014. – Mode of access: <http://www.opensecrets.org/orgs/summary.php?id=D000051841&cycle=A>

компании, владельцы которых придерживаются определенных религиозных убеждений, имеют право не предоставлять сотрудницам доступ к пероральным контрацептивам, принимаемым после предполагаемого зачатия (morning after pill). Судья Верховного суда Самуэль Алито отметил, что «решение в данном случае касается только мандата на контрацептивы (contraception mandate)... не следует считать, что мандат на медицинское страхование считается недействительным, если он противоречит религиозным убеждениям владельцев предприятий». Также он подчеркнул, что данное решение распространяется только на «тесно управляемые компании» (closely held companies), которые зачастую являются семейным бизнесом или имеют небольшое число акционеров с одинаковыми религиозными взглядами. Алито подчеркнул, что, если администрация США хочет, чтобы женщины в подобных компаниях имели доступ ко всему спектру средств контрацепции, она может сама оплачивать эти услуги. Кроме того, возможно предоставление права некоей третьей стороне администрировать эту часть медицинской страховки [Barnes R., 2014].

В своем решении Верховный суд руководствовался законом 1993 г. «О восстановлении религиозных свобод» (The religious freedom restoration act of 1993)¹, который предоставляет еще большую защиту этой сфере жизни, чем конституция США. Закон запрещает правительству налагать «существенное бремя» на реализацию религиозных прав, если это ограничение не определено «насущным государственным интересом». Действительно революционным моментом можно считать то, что согласно вердикту Верховного суда, вышеуказанный закон распространяется не только на индивидов, но и на корпорации.

Требование закона 2010 г. «О защите пациентов и доступном здравоохранении» предоставлять женщинам все формы контрацепции оспаривалось во многих судах. Одни компании считали предосудительным оплачивать какие бы то ни было средства планирования семьи, другие, такие как Hobby Lobby, считали недопустимыми только те, которые, по их убеждению, аналогичны аборту.

В пресс-релизе по результатам решения Верховного суда, Барбара Грин, одна из основателей Hobby Lobby, выразила удовлетворение и готовность предоставлять 16 из 20 средств контрацепции, одобренных Администрацией по продовольствию и лекар-

¹ The Religious Freedom Restoration Act of 1993 // U.S. Code, Title 42, Chapter 21 B. – Mode of access: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/chapter-21B>

ствам. «Сегодня высшая судебная инстанция США подтвердила важность религиозных свобод как основных принципов нашей страны», – заявила Грин.

«Это крайне важное решение для религиозных свобод в Америке. Верховный суд США признал, что люди не теряют своих религиозных свобод, когда они управляют семейным бизнесом», – заявила Лори Уиндхэм, старший советник Becket Fund for Religious Liberty, сыгравшего большую роль в организации судебного процесса и доведении его до Верховного суда. Напротив, М. Гринбергер, один из руководителей Национального женского правового центра, заявила, что данное решение Верховного суда «сегрегирует» средства контрацепции от других мер профилактической медицины. «Чем более они сегрегированы, тем больше с ними обращаются в другой манере, тем более подверженными разного рода политическим атакам они становятся», – отметила защитница прав женщин [Barnes R., 2014].

Судья Р. Гинзбург, выражая несогласие с позицией большинства, указала на ящик Пандоры, открытый Верховным судом, поскольку религиозные убеждения работодателя могут не согласовываться с «вакцинацией, выплатой установленной государством минимальной заработной платы или принципом равной оплаты идентичного труда мужчин и женщин», – заявила Гинзбург. Она также отметила, что исключение из мандата на контрацепцию, предоставленное религиозным организациям и НКО в законе 2010 г. о реформе здравоохранения, должно иметь отношение только к ним, так как они представляют собой «сообщество верующих», а не разнородную группу американцев, занятых в той или иной корпорации. Сама философия решения Верховного суда ущербна, полагает Гинзбург вместе с тремя коллегами, С. Сотомайор, Е. Кэган и С. Брейером. Наделение корпораций характеристиками индивида, такими как верования, приведет к появлению массы других исков со стороны бизнеса, желающего исходя из религиозных мотивов снизить регуляторную нагрузку со стороны государства. Пресс-секретарь Белого дома Дж. Эрнест подчеркивает, что данное решение Верховного суда ставит под угрозу здоровье женщин. «Мы считаем, что владельцы компаний не должны иметь право реализовывать свои религиозные убеждения, отрицая права, санкционированные федеральной властью», – отметил Эрнест. Он указал, что администрация Барака Обамы намерена работать с конгрессом и добиться того, чтобы все женщины, чьи права были попораны

решением Верховного суда США, получали такой же набор медицинских услуг, как и все другие [Barnes R., 2014].

* * *

В заключение следует отметить, что различные представители религиозных организаций активно принимали участие в обсуждении реформы здравоохранения, предпринятой Б. Обамой. Как и следовало ожидать, камнем преткновения стал «мандат на контрацепцию», гарантировавший право женщин на все средства планирования беременности и их оплату за счет полиса медицинского страхования. Одни религиозные организации выступали за подобное право, другие – против. В результате ожесточенной борьбы, вылившейся в дело, рассмотренное Верховным судом США, победу одержали те группы, которые выступали за ограничение «мандата на контрацепцию». Данная победа во многом обусловлена составом высшей судебной инстанции, большинство в которой составляют консерваторы, введенные туда в свое время Дж. Бушем-мл.

Список литературы

1. Костяев С.С. Лоббизм и реформа здравоохранения в США. После выборов // США-Канада: ЭПК. – 2011. – № 7. – С. 47–60.
2. Barnes R. Supreme Court sides with employers over birth control mandate // The Washington post. – 30.06.2014. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/national/supreme-court-sides-with-employers-over-birth-control-mandate/2014/06/30/852e5c84-fc61-11e3-b1f4-8e77c632c07b_story.html
3. Chandler M., Cook E.A., Jelen T.J., Wilcox C. Abortion in the U.S. and Canada: A comparative study in public opinion // Abortion politics in the U.S. and Canada: Studies in public opinion / Ed. by T. Jelen, M. Chandler. – N.Y.: Praeger, 1994. – P. 131–144.
4. Cook E.A., Jelen T.G., Wilcox C. Generational differences in attitudes toward abortion // American politics quarterly. – 1993. – Vol. 21. – P. 31–53. – Mode of access: <http://apr.sagepub.com/content/21/1.toc>
5. Cook E.A., Jelen T.G., Wilcox C. Catholicism and abortion attitudes in the American States: A contextual analysis // Journal for the scientific study of religion. – Malden 1993. – Vol. 32. – P. 223–230.
6. Cook E.A., Jelen T.G., Wilcox C. Issue Voting in Gubernatorial Elections: Abortion and Post-Webster Politics // Journal of Politics. – Chicago, 1994. – Vol. 56. – P. 187–199.
7. Cook E.A., Wilcox C. Feminism and the Gender Gap: A Second Look // Journal of Politics. – Chicago, 1991. – Vol. 53. – P. 1111–1122.

8. Culp-Ressler T. Religious leaders speak up in support of Obamacare's birth control coverage // Think Progress. – 19.03.2014. – Mode of access: <http://thinkprogress.org/health/2014/03/19/3416214/religious-groups-birth-control-coverage>
9. Killian M., Wilcox C. Do Abortion Attitudes Lead to Party Switching? // Political Research Quarterly. University of Utah. – 2008. – Vol. 61. – P. 561–573.
10. Markoe L., Grossman C. Supreme Court rules for Hobby Lobby // The Washington post. – 30.06.2014. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/national/religion/supreme-court-rules-for-hobby-lobby/2014/06/30/374f3d88-009b-11e4-b203-f4b4c664cccf_story.html
11. O'Keefe E. The House Voted 54 times on Obamacare // The Washington Post. 21.03.2014. – Mode of Access <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2014/03/21/the-house-has-voted-54-times-in-four-years-on-obamacare-heres-the-full-list/>
12. Wilcox C. Evangelicalism, social identity, and gender role attitudes // American politics quarterly. – 1991. – Vol. 19, N 3. – P. 353–363. – Mode of access: <http://apr.sagepub.com/content/19/3.toc>
13. Wilcox C. Evangelicals and the Moral Majority // Journal for the Scientific Study of Religion. – Malden, 1990. – Vol. 28. – P. 400–414.
14. Wilcox C., Jelen T.G. Causes and consequences of public attitudes toward abortion: A review and research agenda // Political research quarterly. University of Utah. – 2003. – Vol. 56. – P. 489–550.
15. Wilcox C. The Sources and Consequences of Public Attitudes on Abortion // Perspectives on the Politics of Abortion / Ed. by T.G. Jelen. – N.Y.: Praeger, 1995. – 216 p.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

О.Н. Пряжникова

Религиозный фактор и социально-экономическое развитие

Рассматриваются некоторые аспекты теоретических и эмпирических исследований российских и зарубежных специалистов, затрагивающие вопросы влияния религиозной традиции на формирование уникальных характеристик социально-экономических систем, социального капитала, предпринимательской деятельности, а также взаимосвязь доминирующего вероисповедания и экономического роста.

Ключевые слова: религиозность, вероисповедание, социально-экономические системы, социальный капитал, предпринимательство, экономический рост.

И.Ю. Жилина

Экономические аспекты социального учения Русской православной церкви

Анализируются экономические аспекты социального учения РПЦ, его историческая преемственность и эволюция. Рассматриваются положения Основ социальной концепции Русской православной церкви, касающиеся социально-экономической жизни современного общества.

Ключевые слова: церковь, государство, Русская православная церковь, социальная концепция, труд, бедность, богатство, собственность, глобализация.

И.Г. Минервин
Азиатский менеджмент: Конфуцианское наследие
и современность

В статье исследуются ценности и этические нормы конфуцианства с точки зрения их влияния на социальную среду, практики корпоративного управления, стили лидерства, социальную ответственность бизнеса в Китае и странах ЮВА. Рассматривается проблема соотношения моральных и законодательных норм как регулирующих принципов человеческого поведения, а также проблема конвергенции культурных традиций в эпоху глобализации.

Ключевые слова: конфуцианство, конфуцианские ценности, Китай, культура управления, корпоративное управление, лидерство, этика, социальная ответственность бизнеса.

Е.А. Пехтерева
Исламские финансы и перспективы исламского банкинга
в России

Представлен обзор истории и динамики развития рынка исламских финансов. Автор описывает этические принципы и конкретные инструменты осуществления финансовых операций в соответствии с исламской традицией, а также рассматривает перспективы и проблемы развития исламского банкинга в современных российских условиях.

Ключевые слова: исламские финансы, исламский банкинг, финансовые инструменты, этические принципы ислама.

О.Н. Пряжникова
Благосостояние: Буддистское измерение

Анализируются вопросы измерения благосостояния и счастья как категорий социально-экономического развития в свете современных подходов, предполагающих трансформацию традиционного показателя ВВП, как не отвечающего новым научным представлениям о сущностных характеристиках благосостояния. Рассматриваются альтернативные модели измерения благосостояния, в частности, показатель Валового национального счастья (ВНС), отражающий буддистские представления о благосостоянии и ставший основным индикатором социально-экономического развития Бутана.

Ключевые слова: ВВП, благосостояние, показатели социально-экономического развития, счастье, валовое национальное счастье, буддизм.

С.Н. Куликова, О.Н. Пряжникова
Проблемы регулирования религиозного поведения
на рабочем месте: Опыт Франции

Рассматриваются проблемы, связанные с проявлениями религиозности и религиозным поведением французских работников на рабочем месте. Представлены результаты исследований отношения работников к этому явлению и управленческие практики предупреждения конфликтов, связанных с религиозными проявлениями, на французских предприятиях.

Ключевые слова: религиозность, религиозное поведение, светскость, менеджмент.

С.С. Костяев
Религиозный лоббизм и реформа здравоохранения в США

Автор рассматривает примеры лоббистской деятельности в США, мотивированной религиозными убеждениями и осуществляемой организациями и предприятиями, в рамках политических практик, регулируемых американским законодательством.

Ключевые слова: лоббизм, религиозные убеждения, корпоративное медицинское страхование, реформа здравоохранения США.

Экономические и социальные проблемы России

**КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ**

2015 № 1

Сборник научных трудов

Редактор-составитель выпуска –
Пряжникова Ольга Николаевна

Технический редактор Л.А. Можаяева
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казиминова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 15/VI – 2015 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 8,5

Тираж 300 экз. Заказ № 36

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9